

Миряне: печальнейшая повесть

Олег Чекрыгин

Вступление

Говорят, что по любому поводу мнений столько же, сколько людей на свете. Еще говорят, что у каждого своя вера. В том смысле, что и простые, и сложные вещи понимаются каждым из нас несколько по-своему, в соответствии с индивидуальным, неповторимым устройством сознания каждого. Истины любой веры, ревниво охраняемые в жестких рамках богословских концепций разного рода деятелями от благочестия, тем не менее, постоянно размываются вольным действием мысли, движение которой невозможно остановить, как и движение света. Ибо движение есть само существование того и другого. Про бессильные попытки воинствующего богословия остановить мысль, заключив ее раз и навсегда в рамки богословских концепций, очень верно высказался Гете устами своего антигероя, критиковавшего богословскую "науку" того времени:

Словам ты должен слепо доверять,
В словах нельзя ни йоты изменять

На сегодняшний день в этой области ничего не изменилось, так как исполнение евангельских истин на деле, в жизни, осмысление их через проживание, является для любого человека задачей поистине необозримой. То есть остается неисполнимым вполне понятное, и близкое всем желание хотя бы мысленно очертить круг необходимых жизненных перемен, насущных действий при вступлении на путь веры. Что-то вроде учебной программы, освоение которой "от сих до сих" дает гарантию достижения запланированного успеха. Так вот, путь веры, будучи жизнью в Боге, сам ведет и учит человека, и спланировать этот путь для человеческой воли оказывается невозможно. В то же время такое положение, уподобление на путях веры Сыну Человеческому, которому "негде главы приклонить", для большинства людей с утилитарным подходом к отношениям с Богом (который нужен лишь тогда, когда что-нибудь нужно от Него) является как неприемлемым, так и невыносимым. Поклонение "В Духе и Истине", востребованное Христом, практически не находит исполнителей. Что на протяжении всей истории всегда приводит к коснению в рамках ограниченной, исполнимой концепции, которую авторы стремятся возвести в абсолют и выдать за Божественную истину, взывая к авторитету Самого Бога и ссылаясь так или иначе на "божественное" происхождение своего авторства. На практике это очень быстро выливается в образование некоего сообщества "посвященных", которые, пользуясь безо всякого основания узурпированным правом на "посредничество" между Богом и человеческой личностью, создают систему властвования над людьми с целью, как правило, достижения целей вполне земных и уже не имеющих даже формального касательства к учению Христа о Его "Царстве не от мира сего". Такова печальная участь всех без исключения прошедших и шагающих по земле религий, как христианских, так и прочих. В полной мере все вышесказанное относится мной в первую очередь к сегодняшнему дню Православной Церкви, положение в которой я лично оцениваю, как вполне трагическое.

Тем не менее, нельзя отрицать очевидную пользу, получаемую как обществом в целом, так и отдельными его членами в индивидуальном порядке через функционирование церковных организаций самого разного толка. Пользу как чисто практическую, в воспитательном, нравственном и прочих "земных" аспектах, в плане "удовлетворения религиозных потребностей", так и в аспекте духовно-божественном, вплоть до прямой Помощи Божией и непосредственного вмешательства Воли и Силы Божией в человеческую историю по ходатайству различных (не обязательно "православных") церковных организаций и их избранных адептов.

В этой связи я определяю свою задачу при написании этой книги. Моей целью не является ниспровержение. Чего бы то ни было. Пускай все, что есть под солнцем, остается на своих местах. Ибо самым фактом своего существования утверждает Божественность своего происхождения: "Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть". Придется признать, что как бы кто ни ненавидел друг друга на почве, например, различия вер и богословских концепций, а уживаться придется, потому, что это угодно Богу. Иначе неизбежно друг друга перебьем. А это точно Богу не угодно, потому что Бог есть Любовь и Жизнь, и смерть является тем единственным, чего Бог не создавал. Смерть есть отсутствие жизни, то есть богооставленность, отсутствие Бога. Поэтому у Бога смерти нет, и у Него все живы. На этом сойдемся. "Скажи смерти - нет!".

Итак, никаких ниспровержений. Но это не значит, что невозможна полемика. Спорить придется. Но цель полемики, в которую я готовлюсь вступить с мысленными оппонентами, не в том, чтобы доказать всем единственно мою правоту. Я рассматриваю оспаривание авторитетных мнений как средство развития мысли на примерах, не более того. То, о чем я хочу рассказать, является плодом мучительных раздумий и переживаний, в течение двадцати с лишним лет сопровождавших мое пребывание в "лоне" РПЦ, и моей жизни пред Богом, что не одно и то же. Насколько мне удалось разделить земное и объединить небесное в этих двух моих жизненных пребываниях, и является сутью повествования. В этом смысле это то, "В чем моя Вера". А вера, как я уже говорил, "у каждого своя". Мое обращение в первую очередь к тем, кто, пока не нашед, мучительно и настойчиво ищет свою веру. Может быть, им окажутся близки мои раздумья, укажут путь мои искания, помогут, пригодятся мои находки. Буду счастлив. Прочим же всем пожелаю меня не возненавидеть за разницу в наших взглядах. В мнениях – вот достойное определение всех человеческих истин, ибо "всяк человек – ложь". И я, грешный, в том же числе. У всех прошу прощения. И, как сказал Амвросий Оптинский, "всем мое почтение".

Пролог. "Дорогу осилит – идущий"

След петляет меж камней, по снегу и льду, по размокшей земле, исчезает на скалах, теряется в жухлой траве. Далеко впереди маячит спина идущего человека. Небыстро идет он, но как же быстро уменьшается, теряется вдали его фигура, исчезает за поворотом, срезается горизонтальной линией уходящего в небо пологого склона. Тяжко идти вверх, задыхаясь, подниматься в гору, вослед уходящему: только бы не отстать совсем, не потерять его навсегда из виду. Вот и исчез он, ушел вперед, растворился во мгле горных туманов. Лишь тянется по снегу четкий отпечаток босых ног, теплые ступни человека протаяли следы на снегу. Как должны зябнуть и коченеть босые ноги, ступающие по снегу и льду, по стьлому камню, по мерзлой земле... Он идет вперед небыстро, но – не догнать. За ним, по остывающему следу, отпечатку босых ступней!

Смеркается. Сиреневые тени густеют, сливаются в сизую мглу, из которой рождается снежное марево. Поземка предательски замечает след, и вот впереди лишь темнеют два ряда смазанных темных впадин, округлых лиловых углублений на синем снегу, уже не похожих на отпечатки человеческих ног. Снег замечает следы и больше не тает в остывших лунках. Вот-вот исчезнет след в синих сумерках, растворится в ночи, потеряется из виду. Как хочется лечь в снег и больше никуда не идти. Или повернуть назад и легко сбежать вниз, в долину, к огню костра и оставленному теплу человеческого жилья. Но, вопреки всему – вперед и вверх, по остывшему неверному следу за тем, кто там, впереди, уже невидим, поднимается все выше. За ним, ведь он позвал за собою. Там, наверху – Христос, вот след Его босых ног, Он Сам позвал нас, следовать за Ним, по Его живому следу, вперед и вверх, а там... За Ним, читатель. Дорогу осилит – идущий.

Миряне

Начну с замечания, что очень многих людей, являющихся прихожанами церкви, положение "мирянина" вполне устраивает. Вообще, понятия "мирянин" и "прихожанин" смешались. Разве что "прихожанин" более относится к конкретному приходу.

С одной стороны, миряне – народ свободный. Люди, ничем не связанные с другими, приходят в

церковь за своей нуждой, им дела ни до кого нет, пока им не мешают "удовлетворять свои религиозные потребности". С другой же, со стороны составляющих приход верующих отношение к "мирянам-захожанам", как правило, полупрезрительное, ревниво-настороженное, а то и просто злобное. Однако священство и епископат, а также примкнувшие к ним монахи, составляющие "профессиональную церковь", мирянами называют всех их, то есть тех, кто в профессиональную "касту посвященных" не входит и без разделения, скопом, считается "народом", "мирянами", "прихожанами" - словом, людьми как бы "второго сорта", что ли.

При этом, для того, чтобы в наше время считаться мирянином, совсем необязательно быть верующим, и уж тем более христианином.

Тем, кто приходит в церковь от случая к случаю за своей нуждой, наиболее подходят установившиеся в приходской практике отношения "обслуживания населения", в которых вопрос веры вообще не обсуждается, и как правило, не ставится в том числе и священством. Например, что в советские времена, что сейчас, попробуй младший священник отказать в крещении независимо от резонанса: то, что может негативно отразиться на церковном доходе, подлежит "табу" независимо ни от какой веры. Доход свят. Вообще, к постыдной теме церковных доходов нам предстоит еще неоднократно обращаться по самым разным поводам: в церковной жизни все спеклось в нерасплетаемый клуб, все срослось со всем. Как говорил Обломов: "Не трожь, приросло, оторвешь – будет смерть".

Поэтому к сегодняшнему дню положение, например, в РПЦ таково: крещеных – вся страна, ровно же столько "православных". Если считать людей "верующих", то и их на сегодня довольно много, включая сюда всех, кто, может, никогда ни в какие церкви не ходил, но на случайно заданный вопрос о вере в Бога раздумчиво отвечают "Да". Кое-кто говорит: "Немного верую". Другие говорят: "Что-то есть" - тем самым незаметно для себя отказывая Богу в элементарном праве хотя бы считаться личностью. В изобилии встречаются всякие прочие диковинные "веры": вера в переселение душ, в инопланетян, в колдовство и сглаз, в "православных" экстрасенсов, в поля и силы... – и прочая дивность, порожденная самодовольным невежеством наших "православных" в вопросах веры и отношений с Богом, о которых им ничего не известно, кроме диких побасенок. Самых же людей церковных на сегодня едва ли наберется один процент. Для сравнения, по советской статистике считалось, что в СССР примерно десять процентов верующих, но думаю, что большевики явно погорячились. Во всяком случае, живя и служа в церкви в провинции, я за двадцать лет большой динамики не заметил. Если не считать Пасхи, праздников и "родительских", на которые в храмы битком набиваются "годовики" и "захожане", мой, например, приход насчитывает около, примерно, ста постоянных членов. Столько же на остальных пяти городских приходах. Приняв в сторону увеличения число в тысячу человек, получим, как я и говорил, менее одного процента в более чем стотысячном городе. Тем менее, если учесть модную склонность нынешней городской интеллигенции к заигрываниям с верой. Наиболее точно сказал об этом в частушке покойный поэт и бард А. Башлачев:

Ой держи, а то помру в остроте момента,
Едут в церкву поутру все интеллигенты,
Были к дьякону, к попу, интересовались,
Сине небо вниз тянули, пупом надорвались...

Что касается состава, то, в основном, это по-прежнему пожилые женщины, живущие по принципу: "Вот выйду на пенсию, стану ходить в церковь", а также женщины с детьми. Мужчин мало, почти нет.

Однако речь идет о выделении из среды "прихожан", которых и так, я уже сказал, менее процента, собственно верующих во Христа, то есть людей, имеющих личную осознанную живую веру, являющуюся для человека Даром Божьим. Таких вообще почти нет, но когда их совсем не станет, Христос придет судить мир: "Сын Человеческий, пришед, найдет ли веру на земле?". Вот, собственно, к ним-то и должно быть применимо, в основном, слово "мирянин" - христианин,

живущий посреди "мира, лежащего во зле", ученик Христа, посланный Им "миру проповедовать".

Так, собственно, начиналась церковь Христа – с мирян, с тех, кому, избрав их, Христос сказал: "Мир мой даю вам", "Идите и миру проповедуйте". О них же: "Вы – соль земли..., свет миру...". Церковь Христа состояла из учеников, послав которых на проповедь "как овец среди волков", Христос обещал прочим, что "кто уверует и крестится, тот спасен будет".

И подмена понятий в современной церковной жизни, низведшая определение "мирянин" до представления о людях "второго сорта" (в отличии от "первого" - церковно-священнослужителей, и высшего – епископов и монахов), как раз и свидетельствует непосредственно о всеобщей апостасии – отступлении от Бога – которое властно вступило под сумрачные своды традиционных церковных организаций. Ну, об этом вся речь впереди. За мной, читатель.

Священники

Со священником впервые мне довелось повстречаться в домашней, так сказать, обстановке: к моей матери приехал в гости ее университетский товарищ, по образованию тоже журналист, к тому времени ставший достаточно известным проповедником. Узнавши, что у нас в доме нет Библии, в то время считавшейся среди столичной интеллигенции библиографической редкостью, он не раздумывая долго, посадил нас в подвернувшуюся машину, и повез в Новодевичий. Отлучась довольно надолго под пугающие чуждые (это были глухие советские годы) своды, он вернулся с толстой книгой в зеленом переплете без названия, украшенном крестом. Так в нашем доме появилась книга Священного Писания. Стоила она пятьдесят рублей, по тем временам огромные деньги, особенно за книгу – книги в СССР были дешевы, но малодоступны. Как впрочем и все остальное, что пользовалось спросом и называлось единым словом – "дефицит".

От общения с о. Глебом осталось воспоминание о чувстве острого и боязливого любопытства по отношению к человеку, занимающемуся чем-то запретным, опасным. Казалось, что этот гость находится чуть ли на нелегальном положении и может навести на нас беду. Таково было положение церкви и священства во времена, когда готово было сбыться обещание Хрущева "в восьмидесятом году показать по телевизору последнего попа". Однако с деньгами наш гость обращался вольно, Библию он нам подарил "на память", по своим таинственным "делам" разъезжал по всей Москве только на такси и напоил меня дорогим коньяком, щедро закупленным в попутном ресторане по двойной цене, до такой степени, что окончания вечера я не запомнил. Много позже до нас доходили слухи о том, что этот талантливый человек начал всерьез спиваться, у него возникли тяжелые проблемы на службе и в семье, он лечился... Все это тогда казалось мне удивительным, странно несовместимым с особенным, я уже говорил, чувством уважительного интереса, пробудившегося во мне при встрече с тем, кто являлся носителем необычайного явления человеческого духа – Веры в Творца. Именно этим он для меня стал в то время – реальным соприкосновением с обособленным миром верующих в Бога. Хотя самому мне до веры было еще ох как долго и далеко.

Вторая в моей жизни встреча со священником произошла намного позже, при обстоятельствах, всем хорошо знакомых: я решил креститься. Крестины проходили в обстоятельствах экзотических: в Феодосии, весной, на Пасху. У крестившего меня священника загорелся дом. Храм опустел: служивые поспешили на пожар, спасти добро. А я отправился на вокзал и сел в поезд, идущий в Москву: пора было возвращаться в свою колею.

Через месяц я сидел в гостях у пожилых интеллигентов, и на вопрос, почему я крестился именно в Православной церкви, ответил: "Просто потому, что мы – русские, и это наша церковь", - я и вправду тогда так думал.

Почему я вообще крестился? Мне в голову не приходила эта мысль, когда весной 80-гоя ехал в Крым навестить Ирину, ставшую мне крестной матерью. Провожавший меня странный парень по кличке "мсье Пьер" сунул на прощание тонюсенькую книжицу – почитать в поезде. Оказалось –

Евангелие.

Я ехал в гости к женщине-чуду, имевшей невиданную власть над материей. Предыдущая, первая встреча с ней перевернула мою примитивную самоуверенную убежденность в собственной правоте во всем. Тогда впервые я сказал себе: "Ничего не понимаю", - единственное, что вообще может человек утверждать с уверенностью. Боже, как часто с тех пор я это повторял!

А приехал – к "церковной бабушке", сидевшей под иконами в платочке и красивой пасхальные яйца. В дороге я впервые прочитал Евангелие. Но убедила – она, примером: "Если эта верует, значит – Бог есть!". Прозрение... Пять суток, проведенных почти без сна и еды. Что чувствовал прозревший слепец? Что мог он понять, увидев?

Однако сама встреча со священником, крестившим меня, запомнилась не только пожаром, но больше как зримый образ: я стою в толпе верующих людей, посреди церкви, и над нами возвышается фигура человека в причудливом, но не смешном, а страшном, внушающем почтительный ужас, наряде. Мы стоим как бы у ног его, и он, видя нас всех, ведет общую речь, при этом к каждому обращаясь в отдельности. Глядя на него снизу и чувствуя себя таким маленьким рядом с этим гигантом, великим вождем, я понял то, что осознал не сразу: вот мое место. Как сказал герой детской книжки, отведав рыбьего жира: "Это то, что Тигры действительно любят!".

Все это пришлось пересказать, чтобы напомнить себе и всем, как воспринимается вера пришедшими в церковь впервые. Так уж получается, что носителем веры для новенького сразу же становится священник: он здесь "главный", значит, к нему обращено внимание ищущих, которые "да обрящут" – через священника. Войти в церковь просто: отворил дверь, и вот ты уже внутри, среди таких же, как ты, людей, у которых на лбу их вера не написана. А вот стать "как он", чтобы твоя вера была всем видна, в глаза бросалась... Он – человек "первого сорта", и если хотим чего-нибудь достигнуть на новом для себя поприще веры, то вот она, цель реального продвижения на пути "к Богу". Цель, безусловно могу сказать об этом, ложная. И многие из тех, кто искренне искал себя в Боге, на десятилетия запутались в кривых дорожках церковной карьеры и наконец, разочарованные, повернули вспять, к выходу из тех самых дверей, во всем обвиняя Бога, веру, церковь – но только не себя. Другие путаются до сей поры и уже начали спиваться, "и развратились сердца их". Большинство же по-прежнему исполнено искренней самоуверенности в том, что им известны простые ответы на все вопросы бытия, что только они знают - и всех научат - как жить, что делать. Более того, что все это дано от Бога и принадлежит им по праву. Так сказать, по должности. Как это печально...

Вообще, соблазн церковной карьеры так велик для пришедшего в церковь из-за бедственного недоразумения, настолько утвердившегося в церковной среде, что ему приписывается, опять-таки, чуть ли не божественное происхождение. Попробуем разобраться.

Человек обретает веру вне чего бы то ни было: церковей, храмов, общин, конфессий – как Дар Божий. Подчеркиваю, именно Веру в Бога, которую еще только предстоит осознать. Это совершенно не относится к "удовлетворению религиозных потребностей", для которого вполне достаточно подражать понаторевшей в храмовой практике соседке. Отсюда до собственно Веры – как до звезды небесной, путь неблизкий, да и кто еще пускаться идти захочет в такую даль безвестную, от добра-то...

Но кто-то эту Веру получил, как Дар – даром, бесплатно, беструдно. Почему, зачем – не здесь и не теперь об этом речь. Получивший Дар Веры оказывается этим даром весьма обременен – так смешно устроена жизнь. К примеру, если нет денег, то изводим себя их добычей. А как повезет добыть – новая докука: как сохранить, да на что истратить, да как бы не прогадать, а там глядишь, опять нет денег. И, знаете, верно, тут не в том дело, что бес виноват. Иногда мне думается, что Господь – очень веселый и совсем не сердится, глядя на всю эту нашу суетню, но все ждет, когда же

мы набегаем по кругу, устанем, и присядем, чтобы задуматься, взглянуть на небо, а там, глядь, Он нам с Небес улыбается...

Обретший Веру начинает с ней как курица с яйцом носиться, и ко всем приставать за нуждою совета, "как принять всю эту участь, и что все это значит". Рано ли, поздно, ноги принесут его на церковный порог, за которым его уже ждут те, кто точно знает, что нужно делать с его верой: срочно присвоить ей права собственности и приватизировать ее. В этом лучшем из миров у всего должен быть рачительный хозяин, и хозяином, в крайнем случае, распорядителем веры объявила себя церковь спокон веку на том основании, что права на это даны ей Самим Христом и Богом: ключи от Неба, так сказать, вручены. И начинается. Пришедшему втолковывают (на первых порах добровольцы из числа "братии святого храма сего"), что "вне церкви нет спасения", "кому церковь не мать, тому Бог не отец", и – главное из начальных "истин" - "послушание превыше поста и молитвы". Вот он, момент истины! А там, глядишь, и батюшка в "духовные отцы" взлезает на заарканенного, покоренного, уже объезженного и взнузданного новообращенного "духовного чада". И пошло, поехало. От такой езды и через годы света белого не взвидишь. При этом, заметьте, человек пока сам в себе еще не разобрался. Годы нужны, пока вера из подсознания в сознание прорастет. И задачей-то церкви должно бы являться служение, описанное во всеми читанной книжке "Над пропастью во ржи". Да простит меня Господь, но будь моя воля, я бы по этой книжке кандидатов в священники испытывал. Отбирал бы холденов колфилдов – так зовут мальчишку, главного героя, намечтавшего себе работу беречь от падения и ловить малышей над пропастью посреди ржаного поля – глядишь, может и в священниках бы со временем нужда отпала. Потому как если человеку помогли стать христианином, то чего ж еще? И какие ему посредники пред Богом понадобятся, когда Христос Сам принял его в число братьев Своих? Довольно, смею думать, будет Его посредничества: "...едино стадо, и один пастырь". Пастырь добрый, а не наездник.

Итак, продолжаем разбираться. Новообращенному объявляется Божья Воля: Богу угодно, чтобы все жили в Церкви. То-есть, все мирские заботы – "во чрево", пройдя через которое, они сами понимаете, во что обращаются. Иначе говоря, жизнь как таковая – дерьмо (извиняюсь), и сама по себе имеет смысл только в качестве удобрения на полях служения Богу в Церкви. А в чем же это служение, угодное Богу, заключается? В основном, в Богослужении. То есть, самое главное дело в мире, угодное Богу – это церковная служба и все, что с нею связано, и поэтому понятно, что самые главные люди на свете те, кто эти богослужения устраивает и проводит. Ну, есть там всякие еще мелочи: малое доброделание, домашнее благочестие, исполнение молитвенных правил, милостыня, наконец – это все для негодных, для тех, кто церковной карьеры не сделает по "профнепригодности". Женщины, например, о которых даже в Евангелии не раз говорится: "... не считая женщин и детей". А пословица прямо определяет: "Бабе попом не бывать, красной девке обедню не служить". Правда, есть одна лазейка, как женщине к церковной карьере примкнуть и наладиться – монашество. Но об этом разговор отдельный, особенный.

А дальше все просто. Самый главный у Бога – конечно, Патриарх, высший церковный чин (на Западе – Папа), дальше чины помельче, еще помельче, совсем мелкие – а там и "народ этот, невежда в законе, проклят он". И если хочешь иметь свое законное место пред Богом, пора братья делать церковную карьеру: сперва ты нам послужишь, служа тем самым Богу, а потом идущие следом послужат тебе. Получается что-то весьма похожее на финансовую пирамиду господина Мавроди – уж не в церкви ли этот умник набрался премудрости на свою математическую модель жульничества?

Господи, сколько лет я сам пропутался в этом лабиринте выстроенных в затылок цитат и мнений, не находя ни щелки, ни выхода. И, раз попав в этот порочный круг, скольких других людей загонял в него кнутом и пряником, заставляя скакать вперед себя, или следом. Некоторых и погубил... Господи, прости нас, неразумных. Были немногие, которые отказались, сошли с дистанции. Таковых мы (в том числе и я) писали в предатели.

Впечатление, полученное мною в церкви перед крещением подтолкнуло меня навстречу поискам, вначале вполне бессознательным, возможности "служить Богу", заняв – я был в этом искренне уверен – предназначенное мне место священника в церкви. При этом мне представлялось,

что служение это похоже на сказку Горького про Данко: "Что сделаю я для людей?" Не забыл я и про патетическую концовку: вырванное из груди горящее сердце, остыв, погасло, и выпав из ослабевшей руки, было втопнано в грязь бездушной толпой двинувшихся дальше по своим делам себялюбцев. Именно с позиций оскорбленного великодушия воспринимал я довольно безразличное, потребительское отношение первых своих прихожан, в основном деревенских старушек, к церкви с ее великими истинами и лично к себе, и моему подвигу "самопожертвования", состоявшему в отказе от блестящей по возможностям гражданской карьеры ради служения в деревенской церкви. Постепенно выяснилось, что никуда я их за собой не поведу и не смогу научить "разумному-доброму-вечному", потому что они заняты своей вполне земной жизнью, в которой церкви, включая и мою персону, отведено вполне небольшое место. Я обижался "за Бога", обличал их, даже по молодости пытался "наказывать", но так ничего и не получилось. Я возмущался и удивлялся вполне искренно, а потом за многие годы привык и знал, что "духовный разговор", с которым ко мне обращаются, сведется к вопросу, можно ли "завтра" в постный день подать на поминальный стол скоромное и водку поставить. Я не возражал – все равно делали по-своему. Только с годами до меня стало доходить, что эти простые люди совершенно не склонны отождествлять меня с Богом, в которого они по-своему веруют, как умеют, да и в посреднике, на роль которого я невольно претендовал, они не нуждаются, ибо "Бог есть на всяком месте". А в церковь ходят больше по обычаю, заведенному предками, потому что "так Богу угодно". Почему, зачем угодно – "не знаем, и знать не хотим, это дело не нашего ума".

Между тем, самая возвышенная вера никогда не бывает свободна от некоего рода соображений личной пользы – да-да. Таково свойство личностной природы души: для человека все, кроме него самого – "внешнее". В том числе и Бог. Внешнее имеет для нас значение своей привлекательностью. То, что не может быть как-то использовано, мы и знать не хотим. И если существуют какие-то отношения с Богом помимо примитивно-утилитарных, значит, нам нужно от Него что-то еще, о чем, может, мы и сами не догадываемся. Причиной Богоискательства является, по-видимому, восстание разума против неизбежности смерти, прекращения бытия. Смею думать, что тому, кто не верит в вечную жизнь, по большому счету, и Бог не нужен. Выполнять какие-то требования божественного учения человек не станет до тех пор, пока он смертен: "Будем есть и пить, ибо завтра умрем". Зачем грузить себя моралью, создающей помеху бездумному существованию ради собственного удовольствия, если все равно исчезнем? Что помогает жить дольше и лучше – хорошо; что мешает – долой, будь это и Сам Христос. "Зачем Ты пришел прежде времени мучить нас?" - спрашивают Христа бесы, эти бессмертные учителя смертного человечества. Которое за ними бездумно повторяет Христу: "Уйди, не мучь нас, дай нам пожить, а если хочешь помочь, то помоги материально". И только для тех, кто уверовал в личное бессмертие, учение Христа становится значимым. Бог оказывается нужен не для чего-то, а Сам по Себе, потому что от Его Бытия теперь зависит и мое личное бытие. С Богом нам по дороге, и теперь уже навсегда.

Теперь для всякого, уверовавшего в собственное бытие, пришла пора поинтересоваться, а собственно, на каких условиях? "Что сотворю, да жизнь вечную наследую?" И вот тут-то интересующихся ожидает большая неожиданность. Учение Христа нам что обещает? Правильно, спасение души и жизнь вечную. Ну, во-первых, понятно, что спасение души – от смерти, исчезновения, небытия. А, во-вторых, обратимся-ка, к Евангелию, к самому учению Христа. Итак, чтение недели о Страшном Суде:

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуете Царство, уготованное вам от создания мира:

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня;

Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда...?

...И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне.

И, заметьте, ни слова про Богослужение. Это что, случайность? Или, может, Христос забыл?

Богослужение или служение Богу?

Господь судит человека, когда жизнь его прожита, кончена и итог подведён. Каждый предстаёт пред Богом со всеми делами своими. Вот как можно сказать - веруем мы или не веруем? Вроде веруем, а дела творим, как неверующие. Настали странные времена: то, что мы могли бы делать для Христа, как бы отнято у нас, мы лишены этого. Раньше весь уклад жизни был совмещен с христианским доброделанием. Считалось, что нищий человек, пришедший к тебе под окна, - это сам Христос, он тебе послан Богом. Так они и назывались - убогие, Божьи люди. И такого человека обязательно надо было и приютить, и накормить, и обогреть.

Сейчас у людей установка жизненная другая, общественное сознание изменилось. По телевидению и в газетах говорят и предупреждают: незнакомых в дом пускать нельзя, двери надо держать на запоре, в машину никогоне подсаживать, а то, не дай Бог, машину отнимут, побьют, а то и убьют. Нищие - это индустрия попрошайничества, подавать нельзя, потому что сами нищие работают за копейку, а бандиты у них деньги отбирают. Пьяниц, наркоманов и всяких несчастных надо гнать от порога, потому что это люди опасные, они преступники, они могут вас убить, ограбить, заразить какой-нибудь заразной болезнью, ещё там что-нибудь в таком роде. Смотришь и думаешь: ну да, всё это правда, правильно, случаи бывают всякие. Но они и раньше бывали. Случалось. Люди-то всегда одинаковые.

Иногда действительно задаёшься вопросом: что это, случайность? Или целенаправленный замысел, который планомерно, "медленно но верно", осуществляется среди людей? Сатанинский, заговор, направленный на то, чтобы погубить, возможно, "избранных", и превратить всё, что есть в жизни христиан - в посмешище и мертвечину?

Мы всё время говорим: мы христиане православные, мы спасаемся, весь мир во зле лежит, все погибают, а мы спасаемся по вере своей. Однако в приведенном выше евангельском чтении Господь ничего не говорит о посещении Церкви. Ни о вере, ни о церкви, ни о причастии, - ни о чём, что сказано в других местах Евангелия, не говорит здесь. Нет ничего и о разделении по вере. Единственно, чем Господь будет судить нас - это делами малого доброделания, то есть нашими с вами каждодневными житейскими, бытовыми делами. А ведь Страшный Суд - это конечное определение участи человека. То есть, что с нами будет, и где мы будем: с Богом в вечной жизни, или будем гореть а аду? "Идите проклятии в вечный огонь, уготованный диаволу и ангелам его".

Удивительно: ни подвигов, ни побед в войнах, ни великих преобразований, ни славы и известности человеческой, ни учения, возвысившегося в народе - ничего этого Богу не нужно для того, чтобы признать человека достойным Царствия Небесного и вечной жизни. Единственное, о чём говорит Христос, единственная мера, по которой Он будет судить нас с вами - это наше бытовое и ежедневное малое доброделание.

Пришёл нищий к порогу - накорми его, заболел человек - посети его в больнице, посадили в тюрьму - посети в темнице, принеси ему передачу, чем-то утешь его; накорми голодного, напои жаждущего - и всё, всё! Ничего больше не нужно для того, чтобы спастись. Вот просто больше ничего не нужно!

И еще оказывается, что малое доброделание, которое человек совершает в жизни, стирает границы между верующими и неверующими. На страшном суде Христовом не вера будет судиться, а дела. Верующие считают: мы верующие, мы ходим в Церковь, вот это для нас спасительно. Да,

церковь всё время говорит: "Без церкви нет спасения. Кому церковь - не мать, тому Бог - не Отец". В определенном смысле это правильно. Но только по причине нашей общей немощи.

Господь Сам пришёл в мир и пожертвовал Собой. Отдал за нас Свою жизнь и пролил Свою кровь, которая до сих пор льётся в Церкви, только по одной причине, - потому что человечество оказалось неспособным без Христа жить по-человечески и быть достойным Бога.

Не смогли, не сумели. На пять тысяч лет был дан закон Моисея и люди, "человецы лукавы суть", сделали всё возможное, чтобы этот закон извратить в свою пользу, и превратить его в насмешку над Богом. И тогда пришёл Христос для того, чтобы искупить грехи наши и дать нам на все времена пример человеческой жизни, которую можно прожить без греха. Он нам сказал: будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен. Вот мера святости, которую от нас требует Христос. И в Церковь мы приходим не для Бога. Богу ни церковь не нужна сама по себе, ни наше сюда хождение в эту Церковь, ни Богослужения, на которых мы, выстаивая, так утомляемся, что считаем, что мы вообще чуть ли не подвиг совершили христианский. В церковь люди ходят для себя, и все мы очень хорошо знаем, что из церкви уходим не с тем, с чем мы сюда пришли. Выходя, каждый человек уносит в душе своей мир и благодать. "Мир мой даю вам".

Господь даёт Духа своего не мерой, и каждый приходящий получает и мир Христов, и благодать Божию, и утешение, и великие дары милости Божией, которые в церкви содержатся для укрепления души и для дарования сил и способностей – чтобы что делать? Да вот то и делать, за что Господь потом будет судить. Идти в мир жить и творить малые добрые дела, жить по-христиански. То есть главное не в том, чтобы ходить в церковь. Церковь - это только помощь Божия и средство, которое Господь нам подал для того, чтобы укрепить нашу душу, волю и решимость жить по-христиански и творить добрые дела. И именно эти дела и будет Господь судить, именно они и определяют нашу посмертную участь.

Да, мы получаем в Церкви помощь. Господь будет судить нас строго, страшен Суд Христов прежде всего за то, что мы постоянно пользовались Его Личной Жертвой которую Он каждый день приносит в Церкви за каждого. Для чего нам понадобилась эта жертва? И как мы её использовали, в жизнь воплотили? Люди церковные считают: то, что мы ходим в церковь - это и есть вера, и мы уже не подсудны. Вот ходил, ходил человек в церковь, умер – и в Царствие Небесное за то, что в церковь ходил. Да ничего подобного. Ибо Христос говорит: мытари и блудницы идут в Царствие Небесное.

Это не фраза, не аллегория. В истории церкви немало случаев описано, когда блудницы - женщины, жившие распутно - сподоблялись милости Божией и спасения души за доброту. Я не буду сейчас примеры приводить, они есть! Кому Христос сказал: "Мытари и блудницы впереди вас..."? Тем, кто всю свою жизнь проводил в церкви, в Храме Божием, в синагоге. Фарисеям, книжникам, - людям, которые жизнь провели, копаясь в священных книгах имея помышления божественном. Они-то тоже думали о себе: вот мы веруем и поэтому на суд не приходим, мы неподсудны. Но Господь обличает их.

Теперь все замкнулись и живут для себя. Люди боятся дверь отворить, потому что вдруг тот, кто постучал в эту дверь, окажется злодеем: обворует, ударит, убьёт, или ещё что-нибудь. Вот это и есть наша вера: привыкли жить для себя и хотим только одного, чтобы нам как можно крепче устроиться в жизни, и никто бы нас не трогал, чтобы нам не пострадать. Но для этого Бог не нужен и вера не нужна.

То, что пишут в газетах, - оно может быть и правда, но ведь доброе дело без искушений не бывает. Почему? Потому что мировое зло, диавол, слуги его, не желают христианской жизни, не хотят допустить добродетеля, противодействуя спасению души. Есть ли замысел? Или человечество случайно совершенно отвратилось от добрых дел? Не знаю, на каком уровне этот замысел, но это, безусловно, замысел, потому что диавол тоже прочитал Евангелие, и он знает его наизубок, он совершенно точно знает, что для человека спасительно, а что погибель. Конечно, он будет особенно нападать на те вещи, которые являются для человека несомненно спасительными.

Поэтому так трудно делать добрые дела, сдвинуться с места.

Как все любят хорошее к себе отношение! Давайте просто вспомним и поймём, как нам нравится, когда нам дарят подарки, когда нас поздравляют с праздниками, днями рождения, когда кто-нибудь войдёт в наше бедственное положение и что-нибудь подарит, деньги, например. Или родители подарят машину, квартиру, или богатые друзья это сделают, или, например, родственники, которые побогаче нас с вами. Когда мы были детьми, бывало, бабушки, дедушки - у кого немножко денежек было - дадут нам денег. Или кто-нибудь простит нам долги. Как нам все это нравится.

Если не пришли ко мне, заболевшему, в больницу – как мы обижаемся, как начинаем топорщиться: меня все забыли, никто ко мне не ходит. Как нам нравится, когда нам кто-нибудь одежду пришлёт из-за границы или бесплатную еду. Вот западные христиане собрали посылки на Рождество, прислали сюда, мы людям в церкви раздали, все рады. Я помню, я когда-то гуманитарную помощь раздавал с машины, там печенье было какое-то копеечное - так люди чуть не поубивали друг друга, давились, детей топтали, я ребёнка вытащил буквально из-под ног. Как ломанулась толпа за этим печеньем, ещё секунда и затоптали бы ребёнка насмерть и прошлись бы всей толпой по нему. Как все любят то, что сейчас принято называть "халявой".

Но ведь когда что-то делается, когда приходят посылки с едой бесплатной или с подержанной одеждой из-за границы - кто-то эти посылки собрал, взял на себя труд объехать дома, попросить у людей подержанную одежду, отсортировать её, сложить в ящики, нагрузить на машины, машины эти нанять, прислать сюда эти машины с вещами, может быть, ими ненужными. Но мы-то предпочитаем наше барахло просто на помойку выбросить, - что возиться? Ненужный хлам вытащил на помойку, да и забыл. Кому надо, пусть на помойке подберет. По всей стране развилась целая помоечная индустрия, появилась новая профессия. Целыми семьями на помойках роются, там же и живут. Дети на помойках растут – кто из этих детей вырастет? Мы знать не хотим, что ежедневно на нашей маленькой планете 12 тысяч детей умирает от голода, что повсюду в городах есть обездоленные люди, которых мы не видим. А если и видим, то стараемся на них не смотреть, обойти их стороной и не заходить в места, где они собираются. Такие же, как мы, люди живут в лесу в палатках из плёнки, которую набрали на помойке, или ночуют на лавках, завернувшись в целлофан, или в подъездах. И когда мы этих людей видим, то вызываем милицию и просим ликвидировать притон, потому что нам очень страшно, и мы боимся за себя, чтобы с нами чего не случилось, как бы они нам плохо не сделали. Вот так изменилось общественное сознание.

А раньше, когда убогие - это были люди самые разные, например, беглые преступники, которые могли и убить, и ограбить в тёмном углу при случае, были нищие и всякие - когда эти люди приходили в деревню, то староста вечером распределял их по избам, и жители рады были, что настала их очередь, и они могут приютить убого. Этому убогого они принимали в дом. Он был грязный, вшивый, заразный, он был всякий. Его там мыли, парили, кормили, поили, давали ему ночлег. Если он мог работать, давали ему работу, если не мог, на какое-то время давали ему приют. Потом этот человек шёл дальше или приживался. Было по-разному.

Теперь мы живём только для себя и боимся, как бы в нашу чистенькую квартиру не ступил ногой какой-нибудь нищий. Даже если к нам и придёт такой, то в квартиру мы его не пустим, дверь закроем на цепочку и потом через цепочку высунем ему корку хлеба и рубль, чтобы он нам не натоптал в прихожей и шубу не утащил с вешалки.

И, понимаете, когда что-нибудь такое случается: шуба пропадёт, или человека побьют и из машины выкинут те, кого он остановился подвезти, он начинает страшно возмущаться: я добро хотел сделать, а они воспользовались, негодяи, и добро моё растоптали, и теперь я не буду добро делать, потому что люди неблагодарные. Нам так нравится, когда нам делают добро, но при этом мы редко когда хотим делать его сами, а когда пытаемся его делать и натываемся на искушения, то утверждаемся в том, что добро делать нельзя, потому что из этого может выйти неприятность.

Живём каждый для себя, и помощь Божия нам не нужна. Зачем нам утруждать Бога, заставлять

Его жертвовать Своей жизнью, и каждый день умирать за нас? Когда мы ни за кого не то что умереть не хотим, мы не хотим даже хоть самым малым с ближним поделиться.

Ведь понимаете, оттого, что вы вынете мелочь, которая завалилась и протирает карманы, и отдадите нищим, избавившись от того, что вам не нужно, мало толку - это не доброе дело, это же "на, Тебе Боже, что нам не гоже". Доброе дело в том состоит, чтобы оторвать от себя и поделиться тем, что и самому пригодилось бы. К примеру, Христос говорит: у кого есть две одежды, - одну отдай нищему. У всех шкафы забиты, ненужное барахло уже моль съела, а рука не поднимется отдать, мы же покупали это, или нам это подарили. Жалко. Вынесем потом на помойку, и помоечки подберут.

Как не стыдно, христиане! Да ведь это Богу слава, если человек подобрал кого-то на дороге, а его избили и выкинули из машины, - это же пострадать за Христа! Сделал что-то Христа ради, а тебе диавол взял и отомстил через злых людей, - это же мученичество, которым древние христиане мечтали увенчать кончину своей жизни.

Да умереть-то не страшно в этом случае. Как мы цепляемся за жизнь, для нас даже сама мысль о смерти - это совершенно невозможная мысль. Послушайте, разве это вера? Нам же сказал Господь: есть Бог и есть жизнь вечная! Это и есть настоящая жизнь! Вот кто в это верует, тот "на суд не придет, но перейдет от смерти в жизнь". Тот, кто верует в Бога и вечную жизнь, уже в ней живёт. Проверить это очень просто. Какова вера наша? Кто готов умереть за Христа? Да никто. Все готовы только жить для себя, вот это и есть наша вера. И поэтому перехода в вечную жизнь как верующим, по вере - нам с вами точно не видать, потому что верим мы только в эту жизнь, в себя и в то, что в этой жизни нам надо устроиться поудобней и получше. И это и есть наша вера, которая следует из наших дел и нашей жизни. Поэтому мы с вами обязательно придём на Страшный Суд Божий, обязательно предстанем "пред страшное лице Христа, пришедшего во славе со ангелами Своими" и постыдимся, потому что тогда явятся все дела и помышления сердец наших, вся наша жадность, эгоизм, беспринципность, все наши злые дела явятся, и мы постыдимся и убежим от лица этих дел и Лица Божия.

В церкви мы всё время толчём воду в ступе, взаимно корим друг друга и друг на друга ссылаемся: этот такой, этот сякой. Помощь от Бога получена, вы получили веру, вы получили церковь, вы получили милость Божию, воцерковились, причащаетесь и исповедуетесь, получаете благодать, мир души, Господь имеет о вас попечение и промысление в жизни. И, слава Богу, пусть как птицы небесные, но живём мы, и Он нас всех питает. Это, конечно, очень хорошо, радостно и отраднo, но пора начинать жить по-христиански, жить по вере, веру свою обратить в дела свои. И для того, чтобы спастись - не нужно по монастырям ездить, ни к мощам лететь, сломя голову, на машинах на край света. Вот и эти православные путешествия выдаются за добрые дела.

На самом деле никакие это не добрые дела, а туризм, это - туризм. И проведение времени, которое Богом дано нам для того, чтобы мы жили среди наших ближних и совершали малые добрые дела каждый день. Не туризмом этим мы спасёмся, потому что Бог есть на всяком месте. В отпуск можно съездить раз в год, развлечься, получить удовольствие и отдохновение. А жизнь происходит на том месте, на котором нас поставил Господь среди тех людей, которые являются нашими ближними.

Нас сектанты корят: какие же вы, говорят, христиане, мы вот друг другу помогаем. Это правда, мы пока с вами не христиане, мы пока сами друг друга уговариваем быть христианами. Мы в церковь пришли и Господь нас одарил верой и милостью Своей, и у нас есть время для того, чтобы начать наш христианский подвиг, который должен совершаться не в монастырях. И для того, чтобы совершать подвиг христианский, и подвизаться, не нужно тряпками обвязываться, крестами обвешиваться и юбками трясти. А нужно всего-навсего жить среди людей так, чтобы они, как сказано в Евангелии, "видя ваши добрые дела, прославляли Отца вашего Небесного".

И пора нам за эти дела браться. Когда мы приходим в церковь, и нам нечего принести Богу, не

с чем предстать пред Богом, пред Лице Божие, то это и есть страшный суд. Пора нам приходить сюда с каким-то итогом и на исповеди говорить: батюшка, я сделал то-то и то-то, а грешен тем, что вот это я не сделал, хотя должен был, и я обязательно сделаю. Потому что вера без дел мертва. И пора нам кончать спать и дремать, пора жить по-христиански, отрывать от своей жизни "кусочки" и делиться ими с ближними, потому что каждую ночь нам может сказать Господь: безумный, душу сегодня возьмут у тебя, кому останется всё, что ты заготовил и собрал?

Так чем же послужить Богу? Послужив "одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне". Добрые дела действительно служат Богу, и Богу угодны.

А что до Богослужения, то оно лишь внешняя оболочка, обертка, в которую заключена Помощь Божья, оставленная для всех и каждого, персонально, Христом в Церкви навсегда. Как говорится, получи и распишись. Помощь от Самого Христа, который жертвует лично тебе Свою Жизнь, чтобы ты мог жить по-честному, и был счастлив. Собственно Церковь – это и есть Сам Христос, а Он – Бог, Сущий везде. И потому не в храмах и зданиях – собравшись во Имя Его, мы обретаем Христа посреди нас в Духе и Истине, потому что так захотел Он Сам. Для этого Ему не нужны ни посредники, ни помощники. И никто не может нам даровать Его кроме Него Самого, но никто не может и отнять Его у нас, отлучить нас от Него, пока мы сами от Него не откажемся. А Он нас все равно никогда не оставит, не бросит. Потому что он любит нас так, что умер за нас, и продолжает умирать за каждого из нас каждый день тысячью смертей. Он любит нас, и ничто не может разлучить нас с Ним, даже смерть. Иначе и быть не может. И "богослужение" здесь совершенно не при чем, как, впрочем, и остальные "дела человеческие".

Епископы

Кто такие епископы, откуда они взялись и зачем нужны? Ну, от ответа на последний вопрос факт их собственного существования, к сожалению, никак не зависит. А жаль...

Первым из епископов, с которым встретился я в своей жизни, был человек, по рассказам, замечательный. Звали его мудрено: Киприан, Владыка "всея Ордынки и Полянки". За разъяснением отсылаю интересующихся к небезызвестной книге М. Ардова. От себя лишь несколько добавлю. Насколько мне известно, владыка Киприан, будучи коренным москвичом, и прослужив всю жизнь в Москве, отказался подчиниться воле патриарха отправиться епископом в окраинную епархию, за что был уволен "за штат" и назначен "почетным настоятелем" храма "Всех Скорбящих Радосте" на Ордынке, где дослуживал и доживал, квартируя в комнатке под колокольней. Там и скончался в годах весьма преклонных. Этот замечательный человек с неподражаемым комизмом относился к собственному двусмысленному положению приходского "свадебного генерала" и с добрым юмором принимал оказываемые ему кукольные почести. Находясь в фактической полной зависимости от благорасположения действительного настоятеля и старосты, не имея даже собственного угла на старости лет, он вполне мирился со своим положением и исправно исполнял свою обязанность украшать жизнь прихода еженедельным праздничным зрелищем торжественного архиерейского богослужения. Что привлекало в этот храм толпы почитателей и весьма отрадно отзывалось на церковном доходе, на участие в котором вл. Киприан никак не претендовал, проживая более чем скромно в своей каморке, с трудом вмещавшей необходимый минимум нехитрого имущества.

Другим примером архиерейства подобного подвижнического рода для меня является здравствующий и поныне, уже очень древний годами, лондонский архиепископ Антоний Блюм, проживающий, кстати, тоже в церковной колокольне собственного кафедрального собора. И кто бы, откуда и когда, ни появился у заветных дверей со своей неотложной нуждой, старенький владыка, дошаркав до двери, сам отворяет на стук, и никто от него не уходит неутешенным.

Кроме этих двух, других таких я больше к сожалению не знаю, не встречал. Зато за годы своего пребывания в церкви столько перевидал всяких видов церковных "князей", что, как говаривал, бывало, мой покойный отец, на них на всех "и отворотясь, не наглядишься". Возможно, когда-то в жизни церкви от архиереев и был какой-либо практический толк для верующих во Христа.

Наверное, в само их служение Народу Божию изначально был заложен, помимо чисто зрелищного, еще и практический разумный здравый смысл, который, очевидно, имел ввиду ап. Павел, когда на заре церковной истории утверждал в первой Церкви институт епископов. Однако на сегодняшний день архиерейство, потеряв всякую фактическую связь с этим самым Народом, то-есть с самими людьми, постепенно выродилось в подобие небезызвестной конторы "По заготовке рогов и копыт", занимающейся в основном жульнической добычей денег лично для себя. В то время, как шурам балагановым, составляющим организованную охрану епископских резиденций, накрепко заказано "рогоносцев не пущать", то-есть, ни под каким видом не допускать до архиерея просто граждан, мирян - обыкновенных человек - с их докучливыми житейскими проблемами. Это же в еще большей мере относится, как ни парадоксально, и к священникам, которые хотя и являются по сути наемными служащими, непосредственно подчиненными своему начальнику-архиерею, самими епископами относятся более к "слугам и рабам". Но не "божьем", и "не народным", а скорее почитаются архиереем за собственных холопов. Даже древняя пословица утверждает в том числе, что "...попство – холопство...". Попасть к епископу по своему желанию и нужде, или по долгу службы священник никак не может, и отгораживается от начальства многими неприступными "линиями охраны", составленными из "холопов дворовых", более или менее приближенных к барской особе по нужде личного услужения. И давненько ведется так, "живется весело-вольготно на Руси" - вспомним хотя бы "соборян" Лескова. Удивительно, но в "церковной" жизни и вправду, несмотря буквально ни на что, в том числе и на катастрофы, мало что меняется даже за столетия – я имею в виду, в лучшую сторону.

Итак, кто же они такие – епископы? Вообще, слово епископ – греческого происхождения, и означает буквально: "надзиратель церкви". Придумал этих надзирателей, как я уже говорил, предположительно, апостол Павел. Именно он, отправившись из Палестины проповедовать учение Христа в традиционные языческие страны, в частности, в Грецию, существенно расширил первоначальные границы церкви и умножил количество самостоятельных церковных общин до такой степени, что непосредственное руководство этими общинами со стороны апостолов оказалось практически невозможным. Опасаясь неизбежных в таких случаях разнотолков в среде новообращенных христиан, ап. Павел, видимо, почел за благо назначать в каждой вновь образованной общине ответственного за общий порядок, который был бы обязан отчетом лично перед ним. Т.о. он пошел по пути создания первой церковной организации, имевшей целью объединить разобщенные самостоятельные общины-церкви под единое начало для установления в них единого порядка управления, и унификации проповеди с целью выработки единообразного для всех церквей учения о Христе. Назначаемые таким образом "старшины", будучи людьми уважаемыми, должны были, среди прочего, следить за моральным состоянием выдвинувших их общин, блюсти нравы, находившиеся в постязыческих обществах отнюдь не на должной высоте, и "надзирать" (отсюда – "епископ") общее благочестие. Насколько вообще правомерен этот подход с точки зрения "мечты о церкви", дотянуться до которой является главной темой этой книги и побудительной причиной ее написания, предстоит обсудить несколько позже. Однако очевидной бедой всякой организованной формы является прежде всего та легкость, с которой, избавившись от прежнего содержимого, или по крайней мере, от чем-то мешающей его части, можно вновь наполнить готовую форму чем угодно, что может иметь с первоначальным содержанием весьма мало общего. Как, например, произошло с понятием "православие", приобретшим буквально за последние годы смысл, не имеющий никакой серьезной внутренней связи с учением Христа.

В юности мне довелось повстречаться с Жанной Бичевской, в то время совсем девочкой, никому не известной студенткой эстрадно-циркового училища. Моя неугомонная мать, работавшая в музыкальной редакции Всесоюзного Радио, где-то раскопала это сокровище, и, по своему обыкновению, пригласила Жанну спеть у нас дома. Жанна явилась к нам со своей гитарой в огромном, как виолончель, футляре. Была она весьма привлекательна и хороша собой, но роман между нами, вопреки чаяниям моей матушки, так и не состоялся: самобытность, дотоле не встреченная мной глубинная народность песен в ее исполнении так поразили мое воображение, что совершенно затмили для меня весь вид возможных влюбленных отношений. Много воды утекло с

тех пор...

С недавнего ее концерта, проходившего в городке, где я служу, я ушел, не дождавшись окончания, весьма разочарованный, убедившись еще раз в правоте древней китайской мудрости, гласящей, что дважды в одну реку не войдешь. Да, много воды утекло... Я не следил за творчеством Бичевской, однако слух доходил до меня, что она, как теперь водится среди интеллигентов, уверовала в Бога и даже собиралась в монастырь, но передумала, и стала "православной" певицей. Что это означает, я доподлинно узнал, когда на сцене вместе с постаревшей "царицей грез" объявился моложавый господин, "раньше певший на церковном клиросе" (кто у нас не помнит "бывшего регента!"), и они вместе-дружно грянули со сцены "православием" во всю мощь: "Разорвем их в клочья, Господа хваля" - и все в том же духе. Дальнейшее действие "во Славу Божию" навело меня на весьма грустные мысли, которыми и поделюсь.

Вообще, с годами на моих глазах понятие "православный христианин" разделилось надвое. Из него выделилось совершенно самостоятельное определение нового явления – "православный". Люди перестали утруждаться исповеданием себя – христианами. Скажут – "православный" – и вроде все понятно. Ан, нет, не все.

"Православие", являясь понятием более национальным, что ли, оказалось пригодным для включения в общественное сознание в качестве временного заместителя столь сегодня искомой "национальной идеи" - вспомним, хотя бы: "православие, самодержавие, народность". Все более обособляясь от христианства как такового, т.е. учения Христа, "православие" стало своего рода опознавательным знаком сторонников, в основном, национально-патриотического подъема, который, сам по себе, можно только приветствовать. Являясь псевдоидеей (у которой нет сущности, но лишь указание на некоторый комплекс эмоциональных переживаний), "православие" в таком его восприятии, возможно, способно на время заполнить место хоть в чем-то объединяющего народ фактора, но при этом уже не имеет никакой прямой и серьезной внутренней связи с самим христианством. Можно сказать, что в общественном сознании мы имеем дело с болезненным синдромом "православного язычества" или, возможно, "православного атеизма". Спроси любого на улице: "Ты кто по вере?", - "Православный!", - "А в какого Бога веруешь?", - многие затруднятся с ответом; "Прочти Символ Веры", - и почти каждый спросит: "А что это такое?"

Вера сама по себе, как таковая, оказалась никому не нужна, она только жить мешает. Нужно знамя, стяг, воинский штандарт, собравшись под который, "разорвем их в клочья", Господа хваля за то, что Он – за нас, ведь мы же – Православные, мы лучше всех, и главные у Бога.

Печально то, что Церковь нашла свое место в восприятии ее обществом именно в том, что Она усердно подыгрывает низменным страстям народа в старинной русской забаве "Борьба с Жидом", и этим угодила и стала мила сердцу миллионов наших "православных". На том сошлись, и несмотря на визг интеллигентов, ни на какие "журналистские расследования", изобличающие документальные материалы и свидетельства совершенных предательств и преступлений, народ, поворчав, готов простить Князьям Церкви и участие во вселенском воровстве, и табачные и водочные скандалы, да и личную непорядочность, а зачастую и наглую, разнузданную развращенность – лишь бы от Лица Самого Бога они поддерживали и благословляли круговую оборону свойства и борьбы против всех "не наших". Став заложницей "патриотической" смычки с государством и обществом, Церковь вынуждена теперь не Христа проповедовать, и не о спасении душ заботиться – это никому, кроме горстки умалишенных "фанатиков", "религиозных экстремистов", не нужно, и потому обществом не востребовано. Но заботиться о "Торжестве Православия" - вот Ее главная задача в глазах нашего "Народа-Богоносца", погрязшего в духовном невежестве и языческом разврате, которому до Бога, носителем которого объявлен, и дела нет никакого, если только Он (Бог) хоть к чему-нибудь не пригодится.

Поэтому такие, казалось бы, разнополюсные явления, как борьба с католической экспансией, и благословение нашего православного патриарха, полученное нашей олимпийской сборной на участие и победу в олимпийских играх, являющихся на деле возрождением древней языческой

идолопоклоннической мистерии с соблюдением всех положенных теургических обрядов – суть явления одной природы: угождение человекам, но не Богу, и служение "Князю Мира Сего" за имеющиеся в его распоряжении блага и сокровища мира, которые он обещал всякому, кто поклонится ему.

Вообще, об олимпиаде разговор отдельный. Вряд ли христианская точка зрения найдет здесь поддержку хотя бы у кого-нибудь, кроме самих христиан. Которых в обществе, да и даже в Церкви – исчезающее малая величина, и мнение их с точки зрения статистики является незначимым. То есть, иначе, оно, это мнение, может восприниматься обществом лишь как личное мнение того, кто его высказывает. Да будет так, и высказывая свое столь непопулярное мнение по волнующему меня вопросу, я готов к тому, что буду освистан, в том числе, и нашими "православными". Тем не менее.

Все разговоры о том, что Игры – это только спорт, что ритуал стилизован, и олимпийское движение является чисто гражданской затеей, для христиан не выдерживают самой поверхностной критики с точки зрения на подвиг наших первых христианских мучеников за веру. Они шли на смерть тоже по смехотворному для тогдашнего гражданского общества поводу. Дело в том, что Римская империя, прославившаяся веротерпимостью, на самом деле была, как и нынешний мир, религиозно индифферентна: ни власть, ни общество к религии, Богу и Вере не относились всерьез, но лишь как к политическому средству влияния на "темные массы". И то, к чему склоняли христиан, было для всех – всего-навсего – обязательным актом подтверждения политической благонадежности и выражением лояльности существующему строю. Подтверди гражданскую позицию признанием "божественности", т.е. непререкаемости авторитета императора – и дальше живи, как хочешь, а веровать можешь, как умеешь, во что угодно, по своему усмотрению. Необязательно было и жертву языческую прилюдно приносить. Можно было просто купить бумажку, справку, подтверждающую совершение этого акта. В царской России тоже похожую справку Церковь выдавала, подтверждавшую, что человек исповедовался и причастился. Эту справку в жандармерию нужно было каждый год представлять, и все: прогрессивно настроенные деятели, либералы, революционеры – норовили эту справку купить, благо и у нас она тоже продавалась – ничто не ново под Луною.

Тем не менее наши мученики предпочитали смерть выгодному криводействию, которое в христианском сознании со времен Иуды всегда приравнивалось к подлому предательству Христа и трусливому отречению от своей веры и от Бога. Во все времена верующие во Христа могли представить свое появление на арене языческого ристалища только в качестве насилуемой жертвы, для убийства и принятия смерти за веру. И это единственная победа, которую может там одержать христианин.

Не то сегодня. Выходя на состязания во славу олимпийского огня и греческого языческого пантеона, современные христиане прилюдно крестятся, призывая имя Христово и помощь Божью для того, чтобы преуспеть. И эта печальнейшая комедия благословляется от имени Бога главами христианских церквей и конфессий. Люди, получившие такое "благословение", обмануты: считая, что находятся под покровительством Бога, они фактически отрекаются от Христа и губят душу свою. Если патриарх не понимает душепагубности подобных "благословений", под вопрос встает его профессиональная компетентность и целесообразность пребывания его на своем месте в качестве "отца всех христиан". Ну, а если понимает... Как видим, выбор невелик.

Феномен вырождения и перерождения православного христианства в отдельное "православие" без веры во Христа привел к тому, что христианам, если таковые еще остались в этой стране и в мире, предстоит понять: возможно, вновь – не впервые – настает время, когда верующим во Христа придется "выйти из среды развращенных". Иметь мужество жить самим пред Лицом Божиим, имея единственного Отца и Учителя – Христа. Церковь – это мы, и вместе с нами, "посреди" верующих в Него, Сам Христос удалится из среды тех, кто "превратил Дом Божий в вертеп разбойников". Ибо – напомним себе опять – поклонение Богу не в зданиях и храмах, но "в Духе и Истине" – таких поклонников Бог всегда ищет Себе. РПЦ, прочно став на пути служения "веку сему", и во всем ему уподобившись, все более перестает быть Церковью Христовой. За что же умер Христос, за

гуманитарную помощь, что ли?

Дух всеобщего озлобления и разочарования из-за собственных неудач, из-за полного провала надежд на "нашу Победу", и поиск любых подходящих "виновных" в крушении расчетов на лучшую жизнь и светлое будущее ("жидовские" происки, американцев, для которых у нас заготовлен "кирдык" ихней Америке, "черных", "захвативших Россию" - да кого угодно "не наших") – превратился в главную, поистине "национальную", "православную", идею, витающую сегодня в воздухе: "Разорвем их в клочья...". И те, кто сегодня, по законам конъюнктуры, уловил ее - все такие, и всегда будут в полном порядке, окажутся востребованными обществом: начиная от нашего патриарха, и кончая "православной певицей" Жанной. Православные нехристиане – вот что можно было бы сказать о таковых, если бы не боязнь согрешить: все-таки вера – дело интимное, а чужая душа – потемки. Поэтому каждый сам смотри: "Свет, который в тебе – не есть ли тьма?"

Однако, вернемся к епископам. Пока они рекрутировались самим народом из своей среды, с которой они продолжали пребывать в отношениях отнюдь не формальных, все было более или менее в порядке. Разделяя житейские обстоятельства окружавших их людей, собственно и составлявших "церковь" - свободное собрание уверовавших во Христа родственников и соседей - для своих "ближних" они были просто самыми уважаемыми из всех, и потому бесспорно достойными "надзирать" за прочими, и "за нравами нашей молодежи". Примеры подобного "старейшинства" нередки. Взять хотя бы чеченских старейшин, которых теперешние ихние религиозные лидеры, а вслед им и их новоявленные "послушники": ваххабиты, моджахеды и прочие боевики – почему-то ни в грош не ставят. Поняв одно, возможно, по аналогии, пойдем и второе. Организация "властной вертикали" всегда приводит к ослаблению зависимости выдвиженца от общества, его выдвинувшего. Независимость от мнения окружающих достигается за счет успехов в отношениях с "начальством", от которого зависит назначение или "утверждение" выдвинутого. Таким образом, чисто психологически любой человек, стремясь укрепить свои жизненные позиции, будет в своем служении более оглядываться на того, от кого зависит оценка результатов и, самое главное, возможные оргвыводы, а вовсе не на тех, кому это служение и должно служить непосредственно. Как только появляется начальство, начинаем угождать начальству, а на народ плевать все откровеннее по мере того, как от него все менее зависит наша собственная участь. В технике это называется "ослаблением обратной связи" вплоть даже до полной ее утраты. Стремление к освобождению от внешней зависимости, к замыканию "на себя" рано или поздно делает систему неуправляемой, неспособной к естественной приспособляемости в меняющихся условиях бытия, с которыми связь самовольно разорвана. Тогда система "идет вразнос" и саморазрушается. Церковь, как организация, пережила множество подобных крушений, и на сегодня, очевидно, ни одна из ее земных организаций не может рассматриваться, как "единая, соборная и апостольская" вселенская церковь Самого Христа, которую по Его обещанию, во веки "не одолеют врата ада". Но лишь как более или менее организованные обломки, пытающиеся вести свою собственную, частную, жизнь, все менее напоминающую христианскую жизнь общины Христа, и – даже – жизнь первой Церкви. Все эти "церкви" уже неоднократно развалились, и к тому же от причин вполне естественных для подверженных неустойчивости земных организаций, каковыми они все к сожалению и являются со времен ап. Павла и первых епископов. Так надзиратели "церкви", возможно, стали ее невольными сокрушителями.

Монахи

Монашество... Как много хочется – и должно – рассказать хорошего о мужчинах и женщинах, по разным причинам вступивших когда-то на путь иноческого христианского подвига. И как много плохого и горького придется сказать в адрес монашества в целом и о его типичных проявлениях в жизни мира, для которого монашество, как оно само о себе утверждает, "умерло и похоронилось" – поймешь ли, и сумеешь ли простить меня, друг читатель? Надеюсь на твою великодушную, и вновь прошу прощения за невольную боль, которую, поверь, всецело разделяю с тобою...

Помню одно из своих первых детских впечатлений, связанных с церковью: поездка с родителями в Загорск, в лавру Сергия. Ярким летним деньком, в воскресенье, с утра пораньше, мы выехали на машине из Дмитрова, где я гостил у бабушки, по объездной дороге минуя Москву в Загорск через Поленово. Посетив музей-усадебу великого живописца, где мне, ребенку, под конец экскурсии стало немного скучно, где-то к полудню мы входили под надвратные своды Лавры. Я мало что знал о церкви, и никогда до этого не оказывался вблизи верующих, собравшихся на молитву. Расскажу оставшееся в моей памяти впечатление, не претендующее на достоверность – слишком много прошло лет, наслонивших на память новое знание. Итак.

Толпа. Народу множество, как на демонстрации, но люди не праздны, и не веселы. Общее настроение напряженного ожидания, как бы тревоги, и в то же время в суетном движении многих людей есть какая-то систематичность, деловитость, что ли. Народу очень много, толкаются всерьез, с умыслом, прокладывая себе дорогу, и при этом никто не извиняется. Кругом постоянно возникают короткие злые перепалки, быстро, правда, гаснущие без развития в скандал. Мне неудобно, я чувствую, что мы здесь чужие, и нас так и принимают за лишних здесь чужаков. Почему – непонятно. Человеческая масса сосредоточенно жужжит, как улей. Над ней то там, то здесь возвышаются, раскачиваясь, черные шапки цилиндром. И шелест: "Батюшка пошел, батюшка". "Батюшка, благословите!" - поворот, наклон, "руку целуй, руку", - и вновь неторопливое покачивание черных цилиндров в вышине, над почтительно расступающейся толпой. Благоговение. В почитании – нечто хорошо знакомое. Холопство. Постышев, подмечает Солженицын, так долго продержался около Сталина, пережив всех, потому что был – денщиком, холоум у барина. Это мы сделали наших епископов, священников и монахов такими, какие они есть сегодня: нашими господами и Князьями Церкви. Мы хотим быть господскими холопами, нам это нравится, и из нас ничто не смогло выбить рабский дух.

Меня охватывает злая веселость, растет протест беспричинной враждебности, которая атмосферой окружает туристов, подобных нам, растворенных в массе верующих людей, заполнивших монастырский двор вытекающими со службы в огромных храмах человеческими половодными ручьями и реками. Мама подводит меня к огромному арочному окну до самой земли, за которым в неохватном, сотканном из светотени пространстве, угадывается роспись стен, мозаика полов. "Что значит – трапезный храм? Здесь что, едят монахи? Как, сидя прямо на полу?". Молча, и потому особенно ужасно, стайка черных старух начинает колотить меня, царапать, драть волосы и одежду. И лишь когда отец, страшно ощерившись, с ревом отпихивает от нас, опрокидывая, всю свору, начинается гвалт. "Покажем вам, как Бога хулить! Святотатцы! Сами вы на полу сидите...". "Какие же вы верующие, - говорит отец уже спокойно, - На ребенка накинута лишь за то, что глупость сказал – так ведь потому и ребенок, что ума пока нет. А у вас-то почему нет ни ума, ни сердца? Да вы хуже фашистов, от которых я вас на фронте защищал". Вдали мелькает, приближаясь, милицейская форма. Отец, решительно рассекая толпу, идет к выходу, мы движемся за ним, понурясь. Я опасаясь оглянуться по сторонам, смотрю под ноги. Солнышко затуманилось, день померк. Начинает накрапывать дождик, дворники возят грязь на ветровом стекле. Дорога домой тянется в молчании. Я засыпаю.

Тогда я впервые услышал в родительском разговоре слово "фанатики". Встречая его позже в книгах, я узнавал его по ужасу, который вспоминал, испытал при своей первой встрече с монастырем, монашеством и "верой".

В "идеологии", если можно так выразиться, монашества имеется по крайней мере одно бросающееся в глаза, в том числе и несведущим, противоречие. Парадокс, так сказать. С одной стороны монашество всегда и везде: в своих книгах из поколения в поколение, в особенном учении, которое распространяя в среде верующих, "ученые монахи" выдают за божественную истину и учение Христа (в крайнем случае, за "откровение", тем или иным способом явившееся им от Бога), в поучении верующих "вживую", через непосредственное общение – повторяю, всегда и везде монашество оглашает главной христианской добродетелью и своим основным достижением – Смирение! При этом утверждается, что Любовь, заповеданная Христом, как таковая, для всех нас недостижима по причине божественности своего происхождения, и потому для грешного

человечества должна быть заменена смирением – хватит, мол, с нас и этого. То есть, если я, допустим, терплю присутствие ненавидимого мной начальника, и не скандалю с ним, да еще и терплю свою ненависть к нему, не давая ей ходу – то и будет с меня. Это и есть любовь "по-монашески". К чему она приводит и во что выливается в самих монастырях, я при случае расскажу как-нибудь попозже, не за завтраком, чтобы не перебить кому-нибудь аппетит.

Так же, как "для нас грешных, недостижима Любовь", по неявно распространяемому в церковных кругах ученому мнению, Евангелие – единственный имеющийся бесспорный источник свидетельства о Христе, Его жизни и учении – "неудобно" для чтения по причине своей "невыносимой светоносности", и должно быть заменено чтением Святых Отцов, или по крайней мере, написанными ими "толкованиями" на Новый Завет. Приводят в пример солнце, смотреть на которое невозможно иначе, чем через закопченное стекло, и копоть на наше зрение желают навести ученые монахи.

Идея эта не нова. К сведению, если кто не узнал из курса истории в средней школе, "Столетняя" война в Европе велась, как ни дико это прозвучит, именно (и всего лишь) за право людей читать Евангелие в переводе с латыни на родной для них язык. А католическая церковь в свою очередь и переводчиков, и любознательных читателей объявляла еретиками и передав в руки инквизиции, после "добровольного покаяния" в застенке отправляла "раскаявшихся грешников" на костер – для очищения, разумеется, и исключительно по любви. И тем не менее, люди сто лет с оружием в руках сражались, отстаивая у клерикалов свое право самим узнать, что же в этой Книге написано? И победили. Так что давайте этим правом воспользуемся, чтобы убедиться: можем мы сами понять, что там написано для нас с вами на все времена, или все-таки нам не обойтись без "мутного стекла"? Во всяком случае, право выбора принадлежит каждому из нас, и не надо людей запугивать и зашугивать непонятными им страхами, "как бы чего с ними дурного не приключилось" от "несанкционированного" чтения. На весь этот осторожный, извилистый шантаж отвечаю за всех словами пророка Давида: "там испугались, где страха нет". Жив Господь, любящий нас, и Он как-нибудь Сам позаботится о беспечальности тех, кто желая познать Его, для этого открыл книгу Нового Завета. А толкования почитаем на досуге, по надобности выяснить непонятое самими.

Однако, с другой стороны, смиренные монахи каким-то образом заняли в церкви, причем именно в Православной Церкви, главенствующие позиции и властные должности, которые, подобно княжеским, принадлежат им "по праву рождения". Для уточнения, монах, и – неженатый священник и епископ, как, например, принято у католиков – отнюдь не одно и то же. Но это мы потом еще обсудим. А пока я говорю о том, что монахи, постоянно причитая, что они, недостойные (тоже типичное примечательное словечко), "хуже и грешнее всех", при этом на весь крещеный мир оглашают монашество, как "царский путь", "высшее искусство", "тайнство для посвященных", и объявляют себя все более открыто неким "христианством в христианстве".

Вот честно, чего я никак из всей этой путаницы не мог для себя понять, и у многих монахов неделикатно спрашивал: все-таки, монашество больше христианства, или меньше христианства?; выше христианства или ниже?; или, может, только оно одно и есть христианство? А весь остальной крещеный мир – "во зле лежащий"? Никто мне так прямо и не ответил, зато обидевшиеся, как водится, стороной возвели на меня клеветы и напраслины, и заочно объявили меня "врагом монашества". Пользуюсь случаем на этих страницах утвердить категорически, что это ложь, и целью моих вполне простодушных выяснений являлась именно реабилитация монашества как спасительного христианского подвига, и образа жизни, для христианина вполне обычного и нормального, равного христианской жизни каждого, желающего спастись. Политкорректность моих обидчивых оппонентов, так и не давших ясных ответов на мои вполне внятные вопросы, привела к тому, что пришлось мне, как и всегда, ответы отыскивать самому, и уж "что написал, то написал", пусть теперь не обижаются.

В церкви часто можно услышать: монашество - это царский путь, это соль земли, чуть ли не

выше христианства. Монашество зарождается в IV веке, до этого три века христианство жило, не зная никакого монашества, не ведая о том, что есть на свете такой подвиг. Почему же не было монашества три века? Да по очень простой причине - христианство было гонимым! Христианство три века было в таком положении, о котором говорил Христос: "предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам".

Иудеи, книжники, израильские законники по всему миру, ополчась на христианство, гнали Его и соединились в этом с язычниками. Именно язычникам было предано христианство в первую очередь. Иудеи распространяли про христиан гнусную клевету: что это бесчеловечный, сатанинский культ, где убивают младенцев и пьют их кровь. Эта клевета распространялась о христианстве именно иудеями, иудейскими книжниками и фарисеями, знатоками закона. Эта ложь была обращена к язычникам, которые ничего не знали о христианстве. Язычество на свой щит всегда поднимало гуманизм - самоценность человеческой жизни.

Язычество - это совершенно особое состояние души, в котором ощущение бессмертия души встречается и в противоречии сливается с отрицанием веры в бессмертие, в посмертную жизнь. Для язычника существует только одна жизнь - жизнь на этой земле, и эта жизнь должна быть превращена в бессмертие.

Все, что мы сегодня видим в человечестве: гуманизм, поиски бессмертия, борьбу со старостью, с болезнями, - на самом деле проявление язычества. Это не христианство, а проявление в человечестве застарелой болезни. Именно язычники, будучи так называемыми "гуманистами", первыми восстали на христиан, о которых была распространена ложь, что они поедают младенцев. Христиан начали гнать и убивать. Первые гонения на христиан были не за Христа, никто не знал ничего о Христе. Знали только, что Его за что-то казнили, а Его последователей преследовали, считая их кровопийцами. Иудеи поддерживали эту ложь, они-то знали, что делают! Они всегда знают, что делают. Они всегда делают одно и то же: они стараются опрокинуть Церковь Христову и уничтожить ее ложью, коварством и чужими руками, предав Христа в руки язычников.

Три века христианство было гонимо и спасалось постоянным гонением, там было не до монашества. Какое монашество, когда жизнь висела на волоске! Каждый, исповедующий себя христианином, в любой момент мог быть предан смерти. Что же толкнуло людей на монашество? Как ни странно и ни парадоксально - земное царство.

Восходит Христос в Иерусалим. Представьте себе, какое страшное испытание Нашему Господу было послано Его Небесным Отцом. Вы все родители, и может быть, вы поймете Бога в каком-то смысле. Он - Отец Своего Сына, и Он посылает Сына Своего на жуткую смерть и казнь для того, чтобы Он исполнил волю Его. Кто на это способен? Бог Отец посылает Сына Своего и жертвует Им из любви к нам. Мы тоже Его дети, Он хочет нас спасти. Ведь столько народу погибло, мается в аду! Столько народу стало пищей для демонов! Богу нас жалко, Он хочет нашего спасения. Он хочет нас выволить из жуткой власти смерти и демонов, в которую мы сами себя предали первородным грехом. Господь по любви к нам жертвует жизнью Своего Сына.

Что самое удивительное, Христос принимает это из руки Божией, принимает от Отца эту смерть, принимает Свою казнь, на которую обрекает Его собственный Отец ради любви к людям.

Вы поймите, какая Любовь! Все это делается по любви! Кто из людей способен на такую любовь? Можете вы, родители, представить себе подобную жизненную ситуацию между собой и своими детьми? Матери сейчас посылают своих детей в Чечню, а потом проклинают власть, государство, время, чеченцев. Это только малая степень того, что сделал Бог со Своим Сыном. Не думайте, что происходящее сегодня - нечто новое, Бог уже все сделал за нас и в такой мере, которая нам и не снилась. Мы не можем Бога ни в чем обвинять, потому что Он все испытал Сам. Он Сына Своего послал сюда, который прожил нашу с вами человеческую жизнь. В этой жизни Он вкусил все, в том числе и предательство, и унижение, и жуткую казнь, и смерть. Эту жертву принес Бог нам

и за нас.

Когда в нашей жизни случается что-то подобное, не надо гневить Бога и не надо Его обвинять в жестокости и в том, что Он ничего не понимает. Он все понимает, потому что Он сам все испытал. Бог нас понимает, и поэтому, когда в нашей жизни происходят страшные и жестокие вещи, Он разделяет нашу боль, потому что Он ее испытал.

Представьте себе: праздник Преображения, летом. В этот день Господу посылаются небожители, чтобы сообщить Ему, что Его ждет. А в марте Он восходит в Иерусалим (на шестой неделе поста, за две недели до Пасхи) для того, чтобы принять вольную крестную смерть. С лета Он об этом знает! Мы все жалуемся, что будущего не знаем. Нам бы в августе сказали, что мы в марте палец отрубим топором, да мы бы от одного ожидания с ума бы сошли. Человеку сообщается, что Он умрет и будет казнен страшной казнью в августе. До марта месяца Он мучается, страдает, вынужден эту тайну хранить.

Трое ближайших учеников, которые были с Ним на горе, Петр, Иоанн и Иаков ничего не поняли. Они так были поражены Небесным Светом, они были в таком восторге - им явилось видение Небесное, они говорят Христу: сделаем здесь три кущи, и будем жить. Им хочется остаться в этом райском месте. Они-то не поняли, о чем шла речь! А Христос узнал, какая участь Его ждет. Он их взял, чтобы они были свидетели и могли бы Его поддержать.

В этом состоянии смертной тоски, ожидания жуткой казни и смерти Человек-Христос пребывает почти целый год (восемь месяцев). Никто из Его ближайших учеников ничего не понимает, и эту Его страшную ношу не может ни разделить с Ним, ни хотя бы Ему посочувствовать и быть с Ним сердцем и душою.

Они заняты своим, они делят власть, они думают о земном: Христос станет Царем, а они готовятся в министры. Господь идет на смерть, на страшную казнь, готовится принести непосильную для человека жертву, Он идет с Иерусалим как Агнец на заклание, а ученики сварятся между собой - кто из них главнее. Говорят Ему: "Сделай, что мы просим, когда станешь Царем, чтобы я сидел по правую сторону, абратмой по левую". А другие ученики сварятся с ними. В этой молве человеческой, бесстыдстве, в этой бессовестной дележке - посреди всего этого Господь наш идет на казнь, которую Он должен принять и принять добровольно.

Как это похоже на нашу жизнь, как часто мы бессердечны к своим близким. Человек умирает, у него болезнь смертельная, а родственники уже за наследство дерутся: избушку и два квадратных метра земли. Господи, помилуй нас грешных!

Господь восходит в Иерусалим, а они делятся, они пожить собрались. Это и есть язычество. Язычество - это не вера, не религия, не философия, это болезнь человечества, это свойство падшей природы человека, искажение зрения. Человек собирается в этой жизни устроиться навеки и считает, что ему, слава Богу, есть что терять в этой жизни! Все церковные распри происходят не за веру и не за Христа.

Христа убили не за веру, не за то, что Он, с их точки зрения, Бога оскорблял. Они все какие-то причины искали, чтобы Его убить. Первосвященник говорит: вы слышали, Он богохульствует, достоин смерти! Но ведь убить Его они решили задолго до того, как вызвали Его на судилище. Они решили Его убить, и только предлог и повод искали. А за что убить они Его собрались? Почему они хотели Его убить?

Ведь Он был нищий пророк и проповедник. У Него ничего не было, Он не претендовал ни на какие царства. Все время Он проводил "в пустынях и пропастях земных", ходил по палестинской земле, на которой былинка-то не растет, потому что там солнце все сжигает. У Него ничего никогда не было. Его когда казнили, с Него взять было нечего. У Него был хитон, который на тряпки

порвали, потому что, как говорится, "хоть шерсти клок". Нечего было взять! За что же его убили?

За то, что нам есть что терять! Первосвященникам было что терять, у Христа ничего не было, а у них было! Удивительное дело, чем больше у человека есть, тем большим рабом этого своего имени он является.

Господь в Евангелии говорит: "Трудно богатому войти в Царство Небесное, проще верблюду пройти сквозь игольные уши". Игольные уши – это врата. Обычно в храмах северные врата в алтаре делают маленькими. Игольные уши – это так называемые "овчие врата", в которые овца проходит, а верблюду нет. Так же маленькие двери строились в царских покоях, для того чтобы, когда подданные заходят к владыке, они заходили с поклоном – зашел и уже поклонился. В храме через северные врата священник заходит в алтарь, их делали специально маленькими: заходишь в алтарь с поклоном, потому что Царь и Владыка Господь сидит на престоле Божества.

Игольные уши – низкие врата, в которые верблюду не войти. И богатому не войти в Царство Небесное, потому что узкие и низкие врата, а богач, как верблюд, пытается нагрузить на себя все свое богатство, которое он тащит за собой и бросить не может. Это и есть язычество, болезнь падшей человеческой природы: мы устроились здесь и нашего не отдадим ни грамма. И в Царствие Небесное мы не можем войти потому, что нас не пускает горб нашего богатства! Нам есть чего терять, и оставить это мы не можем!

Владыка Антоний (Блум) в книге "Школа молитвы" говорит: "Что такое земное богатство: зажал в руке часы, ты не часы приобрел, ты руку потерял!" Как нас враг всех поймал! Язычество – это неспособность отпустить руку. Не по вере разделяемся мы с язычниками, у нас среди христиан полно язычников. Христос, который предается язычникам первосвященниками, предается и распинается нами в церкви сегодня. Мы, в общем-то, все язычники! Та скорбь, которую Господь претерпел от язычников, от римлян, которые Его распяли и убили, происходит в церкви сегодня и происходила во все времена. Первосвященники убивали Христа потому, что им было что терять: у них была власть и имущество!

Как же было прискорбно Христу, когда Он идет на крест, а за Ним тащится хвост язычества, который за Ним втаскивается в церковь и остается здесь и до сего дня. Он идет распинаться за человечество, за людей, а за ним идут люди, которым есть что терять, которые думают только об одном: набрать побольше земной власти и богатства, и для которых Христос, к сожалению, является не целью жизни, а средством к обогащению. Они идут становиться министрами богатого царя.

И Он говорит им: "Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; кто хочет быть первым между вами, да будет всемрабом".

Монашество зарождается в IV веке, когда церковь становится чтимой, получает почет, славу, имущество от государства. А в ней по-прежнему распинается Христос, Которого первосвященники и книжники отдают на поругание язычеству! В церкви воцаряется язычество всякий раз, как только она перестает быть гонимой!

Возникает монашество

Монашество – это люди, которые не хотят участвовать в системе властвования над людьми. Они выходят не из Церкви, потому что Она есть Христос, но из среды языческой, которая притащилась в Церковь следом за Христом, идущим на крестную смерть. Притащилась для того, чтобы примкнуть наесться! Они выходят из этой среды. Монахи уходят в пустыню на смерть. Они идут туда, где нет имущества, где у них нечего отнять. Они умирают для мира. Они идут туда, куда "примкнувшим и наевшимся" идти не за чем. Там ничего нет, что можно было бы себе присвоить, и использовать, как используют Христа, как средство, чтобы пожить для себя. Они становятся солью земли. Сначала их не признает церковь, но мир идет за ними: те, кто жаждет видеть Христа, жаждет

веровать.

Те, кто вышли в пустыню в IV веке – вышли из среды языческой, в которой была только одна цель: примкнуть ко Христу, чтобы властвовать. Это то, о чем Христос предупреждает своих учеников перед своей страшной крестной смертью.

Что же делают первосвященники и книжники? Они делают одно и то же каждый раз: идут следом за Христом в первых рядах. Как только они видят, что Господь пошел опять распинаться, они тут же устремляются следом, сварясь между собой: кому что достанется, и как они смогут поделить ризы Его, когда Господь будет распинаться на Кресте, и кто из них будет старше и главнее. Потом это каждый раз происходит в Церкви.

Вот, например, Сергей Радонежский.

Это уже XV век: полно монастырей, храмов, все сияет в золоте, церковь полна и архиереев, и священников, и монашествующих. Такая красота, такой порядок, только Христу в ней места не осталось, как всегда. Христу место остается только на Кресте, прибитому гвоздями и умирающему. А все остальные живут здорово, со звоном, блеском и порядком. Недаром Ф.М. Достоевский написал диалог Христа с великим инквизитором в "Братьях Карамазовых". Инквизитор говорит: "Зачем Ты, Христос, явился сюда к нам, зачем Ты пришел мешать и портить нам все? Мы такую отличную церковь Твою устроили и учредили на земле, но без Тебя. Ты нам не нужен! Уходи. А то мы убьем Тебя!"

Каждый раз ищущие Господа опять уходят в пустыню. Прп. Сергей в XV веке, который жаждал монашества, идет не в монастырь, а в пустыню – в лес. Он идет туда, где у него никто ничего отнять не может, где ему никто ни в чем не может позавидовать. Есть нечего, крыши над головой нет! Он срубает себе келейку, живет там, Богу молится. О том как он там жил очень здорово читать в книжках, сидя в благоустроенных квартирах с горячей водой и диваном, в тапочках и теплых носках перед телевизором. А прп. Сергей пошел в заснеженный лес и остался там жить пред Богом со Христом. Он идет распинаться туда, идет на крест, принять Его участь и разделить ее.

Пребывая в этом лесу, он молится Богу, и Господь был с ним. Вот это и есть Церковь! И Она собирает вокруг себя верующие сердца. Люди идут туда, образуется монастырь. Люди начинают жить рядом с ним, подражая ему и Господу. И только много позже туда притаскиваются те, кто, видя, что Христос туда пошел, зорко следя за Ним, как бы не пропустить момент, в нужное время с денежным ящиком за спиной тащатся туда, подобно Иуде, для того, чтобы "примкнуть и наестся". Они вторгаются в обитель прп. Сергия, в обителище Христа, в пристанище Его, для того чтобы все разорить опять. Опять установить свои порядки, со своим уставом влезть в чужой монастырь.

Это всегда удается! Христа изгоняют оттуда и говорят: уходи, не мешай нам жить, мы все здесь устроим Твоим именем, но без Тебя! Является брат прп. Сергия Стефан. Он монашествовал до этого в Москве, в классном монастыре, и был за распри и интриги оттуда изгнан. Приходит он к своему брату прп. Сергию, и начинается ссора. Он начинает интригу – он - старший брат, а должен повиноваться младшему! Он начинает вражду, разносит клевету, начинается сплетня, гонение. Собирается совет старцев, как это обычно делается, и прп. Сергия лишают звания игумена, позорят его.

Что делает прп. Сергей? Удивительный пример! Он идет вслед за Христом – Христа гонят, и он идет за Ним. Он молча уходит из обители, которую он создал и построил своими руками, чад воспитал, кормил их, был им рабом и слугой по Евангельскому слову. Его выгоняют, и он уходит опять в пустыню – идет дальше на север. Там поселяется в лесу и начинает все сначала.

Братия искала его несколько лет. Те, которых он воспитал, не смогли жить без него. Все есть – монастырь есть, только Христа нет. Христос ушел, и прп. Сергей ушел за Ним, они Христа изгнали. Те, которые были воспитаны прп. Сергием, пожили и почувствовали, что Христа нет посреди них.

Несколько лет братия искала прп. Сергия, находят его, каются, падают в ноги и говорят: отче, вернись к нам. Прп. Сергий с таким же смирением возвращается к своей братии, которая все поняла.

Именно прп. Сергий становится родоначальником новой волны монашества, совершенно к тому времени выродившегося. Потом это происходит еще неоднократно, еще и еще раз. Церковь все время возрождается. Потом то же самое происходит в Оптиной пустыни, образовывается череда старцев. Потом это происходит у прп. Серафима Саровского, которого всю жизнь гонят, и гонят его братья монахи. Его гонят из собственного монастыря. Это всегда есть в церкви.

Подлинное монашество – это прежде всего христианство! Это монашество далеко отстоит от тех язычников, что поселились в монастырях, надели на себя шелковые ризы, повелевают людьми, и почитая себя царским священством, "солью земли", готовятся в архиереи, желая стать "князьями" церкви.

Едва придя в церковь, я, помню, пережил подряд два сильнейших взаимоисключающих соблазна, которые, считаю, типичны для всех, как неизбежная фаза развития веры в душе человека. Для сходного примера, известно, что ребенок во чреве матери, с момента зачатия, с первой клетки являясь уже полноправной человеческой личностью, проходит через все животные стадии: бывает и простейшим существом, и рыбой, и птенцом – повторяя в своем развитии историю Творения. Так и любой человек в церкви воспроизводит весь путь Христовой веры, содержащийся в церковной истории.

Итак, когда я крестился, мне было незамедлительно сообщено церковными доброхотами, что теперь Бог простил мне все грехи, я безгрешен, как ангел, и имею возможность "начать жизнь с начала". Ну, кто же не мечтал об этом, особенно в детстве. Я, бывало, почти всякую неделю решался, вместе с соседским мальчишкой, с "завтрашнего дня" начать "новую жизнь": подъем в шесть утра, зарядка, пробежка, гантели, бассейн, спорт... Я деловито заводил будильник, и клал его обязательно под подушку, чтобы точно не проспять. На рассвете я просыпался ровно настолько, чтобы, нащупав кнопку звонка, заткнуть нестерпимый назойливый треск, и спал дальше "до победного", пока мать с отцом не вытаскивали меня со скандалом буквально за ноги из постели за десять минут до выхода в школу.

Новую жизнь я начал с того, что решительно порвал с греховным прошлым: обличил своих друзей в их грехах, которым до этого мы вместе бездумно предавались, и потребовал, чтобы они изменились, как и я – уверовали бы в Бога. После чего незамедлительно и решительно прекратил с ними всякие отношения до тех пор, "пока не одумаются". Но оставался у меня еще один, главный "мой дружок", жена Марина, к тому времени уже родившая мне "нашего третьего друга", сына Димочку – и именно от них-то я втайне задумал было отделаться, как от "наследия проклятого прошлого". Ибо теперь уже мечтал о церковной карьере, коль скоро пришлось пожертвовать мирской. Мои новые церковные друзья быстро мне объяснили главное преимущество монашества: оно – путь к Архиерейству, а там, глядишь, можно и Патриархом стать. Что же до бывших семейных обязанностей, то "кто возлюбит жену или детей... более Меня, тот не достоин Меня". В цитатах и ссылках на что угодно, во оправдание, в том числе, подлости и предательства, недостатка не испытывали даже фашисты, а попробовать "начать жизнь с начала" так хотелось... Не знаю, чем бы все это закончилось, не прояви мои скороспелые наставники излишней ревности к убеждению меня в церковном происхождении замысленного злодейства: мне было предложено ознакомиться с "житием", в котором рассказывалось о двух братьях, решивших посетить Святую Землю с познавательной целью – что-то вроде теперешних экскурсий. Простившись с семьями, они сели на корабль, и прибыли в Палестину. Увиденное там впечатлило их настолько, что они уверовали во Христа, и не откладывая, крестились во Иордане. Далее, проезжая мимо монастыря, они решили, "возлюбив", оставить "ради Христа" жен и детей, и поселились в монастыре А затем, когда спустя несколько месяцев безутешные женщины, гонимые горем, разыскали их, они с помощью игумена ночью тайно были выведены из монастыря и переправлены в пустыню, где и принялись спасаться,

оставив родственников в неведении относительно действительной их судьбы. Так как игумен обманул их жен и показал им фальшивые могилы наших героев на монастырском кладбище. Вот так и живем. Надо сказать, эта агиография порядком меня отрезвила: я представил себе зримо свою Марину, с которой мы познакомились в школе, во втором классе, на месте несчастных женщин, и как-то мне стало нехорошо. Расхотелось в Патриархи.

Собственно, это и явилось соблазном номер два: если такое в вашей церкви считается примерным, то, пожалуй, нам не по пути стакой церковью. Слава Богу, что я встретил тогда своего духовного отца, старенького о. Тихона Пелиха, проживавшего на покое вместе с выжившей из ума матушкой в домике при церкви своего деверя, протоиерея Валериана Кречетова. Глядя на этих дивных стариков, наблюдая чудо взаимной любви, щедро переливавшейся через край их личных отношений на всех вокруг, я убедился и узнал, что Бог – Есть! И когда я все же решился (карьерное тщеславие прошло не скоро) исподволь завести речь о монастыре и монашестве, батюшка повздыхал, потом возведя кроткий взор выцветших глаз на небо, перекрестился, еле двигая иссохшей пергаментной "лапкой", и тихонько прошелестел: "Тебе это не полезно. Не нужно. А поезжай-ка ты – к Марине. Привези ее". И все. Вопрос был решен для нас. Я остался в церкви. С семьей, которая со временем и вправду превратилась в "семь "Я".

На самом деле, семья – это серьезнейшая жертвенная жизненная обязанность, которую Господь возложил на всех живущих. Это и есть Крест Христов. Откуда, я спрашиваю, взялись бы наши высокоумные монахи (всерьез заявляющие свою претензию на принадлежность к "ангелам земным, небесным человекам" только потому, что они вырядились в диковинную обрядовую одежду), да и все остальные тоже, если бы наши родители не пожертвовали – буквально – своей собственной жизнью для того, чтобы мы стали жить. Ведь Христос рассказал, какова обязанность человека к жене, к семье, в Евангелии от Матфея на первых страницах, а она такова: "Что Бог соединил (мужа и жену), человек да не разлучает"; человек должен "душу свою положить за други своя"; Христа надо возлюбить больше детей, жены, родителей, а ближних, то-есть, в первую очередь, семью, "как самого себя"; "кто разводится со своей женой, тот прелюбодействует", и ее толкает на прелюбодеяние, и многое другое.

Когда Господь все это рассказал и открыл ученикам своим, тогда ученики сказали: если такова обязанность человека к жене своей, то лучше совсем не жениться. Христос говорит: кто может вместить, да вместит. Поэтому произошло монашество.

Итак, все-таки, монашество - это больше христианства, или меньше христианства? Полагаю, что монашество – лишь "кусочек" христианства. Более того, это "кусочек" христианства по несовершенству, по боязни. Это как раз та самая очень малая вместимость. Человек может, к сожалению, вместить только свою собственную жизнь – такова малая вместимость. Он говорит: Господи, прости меня грешного, потому что я ухожу из-под Креста Твоего. Тот, кто уходит из-под Креста, теряет надежду на спасение. Но милостив Господь, и "сердце сокрушенно и смиренно Он не уничтожит", поэтому в покаянии Он и таковых принимает. И именно здесь находится место смирению: вот уж действительно, "хуже всех".

Человек говорит: я не могу понести Крест Твой, и не могу исполнять те обещания, которые я дал Тебе как христианин: возлюбить Тебя паче всего, и ближних своих, как самого себя. Люблю я только себя самого, поэтому я буду жить один. Я буду монахом ("монос" по-гречески и есть "один"), Ты меня прости, а за это я обещаю, что, живя для себя самого, я хоть других никого тиранить не буду. Я уйду в пустыню, буду там пропадать. Чем Ты меня пропитаешь, тем я и буду питаться. Я уйду из этой жизни, умру для нее, буду жить в стороне, потому что я человек не годный, прими меня в покаянии. И вот это есть монашество! Как же оно не похоже на наших ряженных, которые сегодня сидят в отделанных на нищую старушечью копейку под евроремонт "монастырях" и готовятся в Архиереи.

Я был свидетелем потрясающего случая с одним юродивым. Он был человек Божий. У себя в городе в Ивановской области он одними почитался за дурачка, другими – за святого. Однажды он

пошел в паломничество в Лавру, но не так, как теперешние "господа верующие" на иномарках ездят, а пешком. Причем, шел он не по дороге, а напрямую – по долам и весям. Весь в лохмотьях пришел блаженный Сережа в Лавру и пошел сразу на исповедь. Стоит иеромонах в шелковой рясе с кистями и крестом в каменьях. Подошел к нему Сережа в рубище и исповедуется: "Батюшка, грешен я – люблю вкусно есть, вино люблю пить, на мягких постелях люблю спать на шелковых простынях, одежду люблю шелковую дорогую, подрясники шелковые, рясы дорогие, красоваться люблю". В общем, все грехи этого иеромонаха он ему и рассказал. Господи, прости меня грешного!

Ап. Павел говорит: "скитались в горах, пустынях, расщелинах и пропастях земных, их же не был достоин весь мир". Подлинное монашество – это когда нам нечего терять. Вот Мария Египетская, ушла в пустыню и провела там в покаянии сорок лет, питаюсь тем, что Бог подаст. Боролась с грехами своими и стояла насмерть. Что можно было отнять у Марии Египетской? Что можно отнять у человека, который умер для мира, распявшись вместе со Христом?

Я возьмусь утверждать с фактами в руках, собранными самой церковью за две тысячи лет хотя бы в тех же "Житиях Святых", что монашество, поддавшееся на соблазн выйти из пустынь и собраться вместе в монастыри ради удобства коллективной (по сути, семейной) жизни, согрешило изменой своим же принципам, содержимое которых заключено в самом названии "монах", то есть "одинокий", и заболело устроением земной жизни и личных житейских обстоятельств. Болезнь эта на сегодня привела к гибели монашества, как идеи, как образа жизни ради Бога, и душевспасительного подвига. Но выйдя за пределы монастырей ради "спасения душ христианских", для "спасительного" примера "мирянам", развратившееся соблазном вновь привлечшего к себе "мира", то есть жизни и пребывания в общении с, было, оставленным ради жизни наедине с Богом обществом людей, монашество превратилось в болезнь Церкви, опасную и смертельную. Настолько, что сегодня болезнь эта, подобно раку, истощив силы и самое тело, угрожает смертью всей Церкви, в которой, "как леса за деревьями", из-за сомкнувшихся сплоченные ряды монахов(и среди них в первую очередь, архиереев, возвысившихся "до небес") уже стало почти невозможно увидеть Христа.

Современным монахам, слава Богу, есть чего терять! Поэтому в Церкви завелись "князья", те, кто хотят властвовать над людьми, хотят быть старшими, быть князьями и владыками. Ну, об этом речь еще впереди. За мной, брат читатель!

Как монахи стали епископами. Соборность

Будучи единственным ребенком у моих родителей, я с детства, как говорится, подавал своей семье большие надежды. Поэтому мой отец, адмирал-подводник, узнавши, что я уверовал в Бога и, что было для него особенно непереносимо, хожу молиться в церковь, сказал мне: "Ты погубил мою жизнь", - и был неправ. Не так отнеслась к этому известию его мать, моя бабка, которая, наслушившись выслушивать возмущенные жалобы своего единственного сына-героя, полностью оправдавшего надежды своей семьи, сказала с присущей ей твердостью, неожиданной в тщедушном, высохшем от старостителе:

- Замолчи, наконец, и хватит ныть. Подумаешь, испугался за карьеру. Ты уже всего достиг, что мог, от тебя не убудет. А молодухе твоей (папа был женат вторично на милой женщине, несколько старшей меня – подобные случаи с мужчинами в возрасте, к сожалению, не редкость) хватит нашего фамильного добра, чтобы дотянуть до генеральской пенсии, когда тебя под салют схоронят с положенными почестями. Я вон ей свой короб столового серебра хоть сегодня отошлю, чтоб не злилась. А тебе скажу, милочка: хоть ты и адмирал, а ничего-то ты не понимаешь. Олег-то наш – небось, не чета тебе: Патриархом станет.

И, при всем моем к ней уважении, была она права.

Что не смогу стать Патриархом, я знал уже тогда: к тому времени я был женат. Впрочем, как говорят в народе, "жена не стена, можно и подвинуть". Что на определенных условиях я мог бы

включиться в забег длиной в жизнь, призом в котором – Патриаршее место, я узнал значительно позднее. Недаром же из всех имеющихся на сегодняшний день биографий (как "авто", так и просто) ныне здравствующего "святейшего" патриарха тщательно вымарана его собственная женитьба, приключившаяся с ним накануне вступления во священство, лет за десять до принятия монашества. Что я никогда не хотел, и теперь не хочу в патриархи, я знаю сегодня, как и всегда, с самого начала, совершенно отчетливо, и сам о себе свидетельствую: патриархом мне не бывать. И по причине очень и очень простой – я и так патриарх. Да-да, не удивляйтесь, и не спешите кликнуть санитаров: тут все дело в терминологии. "Патриарх" означает – "отец народа", то есть старший в роду.

Как-то раз меня одернул спесивый поповский сынок, являвшийся к папочке на службу в алтарь в храме, где я работал пономарем, нелегким трудом сгадывая жалкую зарплату на прокорм в то время уже немаленькой (трое детей) семьи. Обратившись к нему по случаю, я сказал, что "все мы, отцы, тебя просим не вмешиваться в службу самовольно (у него была такая привычка), но договориться с нами заранее, чтобы не создавать путаницу", и в ответ услышал презрительное "ты тут не отец, и не командуй". Несмотря на папу, которого, кстати, в тот раз не было, я вполне пристойно вытеснил наглого юнца сперва из алтаря, а затем, через боковые двери из храма на улицу, завел за уголок, и... Пока он справлялся со своим испугом получить парочку заслуженных затрещин, я довольно монотонно рассказал ему про свою жизнь, и нелегкую жизнь других людей, работавших в храме на его папу за скудное жалование, которое тот не стыдился платить мирянам, трудившимся на низших ступенях церковного "послушания". Я хотел, чтобы он уразумел, что я именно отец, отец своих детей, и то, что для него забава, для меня – труд ради пропитания семьи. Так я понимаю и сегодня обязанность Патриарха, как "отца народа" - всех питать и обо всех заботиться. Именно поэтому, в первую очередь, лично я в патриархи не рвусь.

Когда еще только начиналось строительство нового ХХС (Храма Христа Спасителя), этой великой стройки Перестройки, один видный строитель, мой родственник, которому предложили это строительство возглавить, спросил меня по-родственному, как я к этому отношусь, и стоит ли ему принимать предложение. Я не стал ничего говорить, но открыл ему в Евангелии то место, где Христос, обличая фарисеев, говорит им:

"Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: "Если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков"; таким образом, вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших". Прочитав это, мой родственник от участия в строительстве отказался, и до сих пор об этом не пожалел.

Как рьяно кинулись возводить и реставрировать храмы по всей стране бывшие коммунисты на сворованные у ограбленного народа деньги. Для кого они это делали все эти годы, для чего?

У нас много говорят о покаянии. Мол, надо покаяться. А иные уже заговорили, что покаяться надо как-то побыстрее, а может, уже и хватит каяться – сколько можно? Ну, покайтесь – и довольно, пора дальше жить. Открою секрет: покаяние в нашей стране и не начиналось. Каяться надо – в чем? Что явилось причиной всей катастрофы, которая и сегодня продолжает развиваться в нашей "дивной и прекрасной" стране? Только поняв это, ответив на этот вопрос, мы сможем хотя бы для себя все увидеть на своих настоящих местах, а не в перевернутом виде, как смотрит народившийся младенец. Пора нам повзрослеть.

Главной задачей дьявола, того самого Воланда, существование которого отрицал небезызвестный Берлиоз на Патриарших, а следом и до сих пор вся интеллигенция, что, впрочем, тоже стоило ей головы – так вот, главной его задачей было не уничтожить Церковь – этого он не может, не дано – но подменить в ней Дух Христов – он мастер подмены – своим духом, духом антихриста. Что на сегодняшний день, наконец, в какой-то мере ему удалось не без помощи слуг его,

которых он темными путями страха, подкупа и лести возвел в Князя Церкви.

Лично я, будучи чадом Русской Православной Церкви, двадцать лет искал и не нашел ответов на вопросы, которыми в отношении Церкви задаются, думаю, все наши люди: верующие и неверующие, христиане, и просто граждане. Почему высшие церковные чины во главе с Патриархом льнут к Власти, и зачем это нужно им и Церкви? Каким образом епископы превратились в Князей Церкви и стали "священными коровами", непогрешимыми и неоспоримыми "святыми папами римскими", при этом совершенно утратив всякую реальную связь с людьми, с Народом Божиим, которому они обязаны служить и быть "слугами и рабами" в реальной жизни и житейских проблемах людей, а не на торжественных праздничных Богослужениях, где этот самый Народ оттесняется от Владык (слово-то какое – Владыки – не слуги, и не рабы) могучими спинами, а то и пудовыми кулаками ражих охранников, прислужников и телохранителей. Вот интересно, кто-нибудь пытался попасть на прием к Патриарху, да что к Патриарху – к епископу самой захудалой епархии – с улицы? Попробуйте интереса ради – мало не покажется. Скажу сразу – это невозможно в том числе и священнику. Как сказал Остап Бендер Шуре Балаганову у дверей конторы по "Заготовке рогов и копыт": "Рогоносцев не пущать".

Продолжу. Как случилось, что священника епископ принимает на работу, на службу, и тот оказывается в совершенной, рабской зависимости от Архиерея? Не нами сказано: "Попство – холопство". Почитайте хоть Лескова, кто не знает – в этой стране ничего неменяется.

Почему никакие, в том числе вопиющие, болезненные проблемы, возмутительные случаи и поступки со стороны Князей Церкви никогда не обсуждаются публично, но замалчиваются, и если изредка и принимаются вынужденные орг. решения, то келейно, молчком, и под благовидным предлогом? Расследованиям, которые, было, начались в отношении церковных иуд и оборотней, трусивших и продавшихся Советам Архиереев, был тут же заткнут рот рукою всесильного КГБ, нарассекреченные в Перестройку материалы которого эти расследования и опирались – а рукою этой водило церковное начальственное рыло в пуху. Живо отбили охоту у независимых журналистов, в том числе, у А. Нежного из "Огонька" совать свой длинный нос в церковную кружку.

Зато расправы над неугодным священством, над всяким, посмевающим посягнуть на "священную корову" - скоры и безжалостны, и производятся от имени Христа и Бога Вышнего "властью, нам данною". Насчет расправ-то еще Христос особо рьяных учеников урезонивал – мол, "не ведаете, какого вы Духа – Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, но спасти их". Похоже, дух Христовой Любви совершенно выветрился из сегодняшних церковных отношений – так что же осталось, стены "гробниц пророков"?

Наконец, при том, что наши святые – это мертвые, угодившие Богу, и Богом после смерти прославленные, почему наш Патриарх, пока, Слава Богу, живой, и в добром здравии, позволяет называть себя – Святейшим? Это что, как Ленин, который был "живее всех живых"?

В общем, вопросы есть. А ответы – по "системе-ниппель": туда – вопросы, а обратно –... ни гу-гу. Заговор молчания.

Теперь завели новую традицию: каждый год проводить в ХХС так называемый "Русский народный Собор". Почему он "народный", при чем здесь русский народ, то есть просто люди, которых не то, что на собор не звали, а вообще в ХХС не пускают просто зайти с улицы, как обычно в церковь заходят? Пускают только по пропускам и пригласительным билетам, и понятное дело, совсем даже не народ. Насчет русскости вопрос тоже открытый: почему, например в работе "Русского Собора" принимают участие раввины, и кто их, спрашивается, туда звал? Ничего не имея против евреев, и даже иудеев лично как таковых, я все же считаю это, мягко говоря неуместным. Неувязочка, так сказать, получается. Вообще же, являясь главным церковным свойством (Церковь и называется – Соборная), соборность нашей Церкви давно превратилась в миф. Мнение людей не имеет значения для Глав Церкви ровно никакого, и откровенно презирается ими. Глас народа:

"достоин, недостоин" - давно не звучит под сводами церковных Соборов.

Бывали у нас Соборы и раньше, случались в советские времена, и в постсоветские, бывают и теперь. Главное их общее свойство в том, что никакие это не Соборы, а – партсобрания. Никто эти Соборы не избирал, а мирян и священников, чье мнение на Соборах все равно не звучит и не считается, на Соборы назначают все те же правящие архиереи. Например, приходит разнарядка из патриархии: на такой-то Собор приглашают "Владыку", одного священника, и одного мирянина. И едут: "Владыка", его секретарь-священник, и личный слуга, келейник – мирянин. Вот вам и "соборность" - Соборы состоят из господ с ихними холоуями – поди как удобно.

Власть Церковная, превратившись в высшую касту посвященных, сама себя выбирает, собой живет и тешится, и собой довольна, а чтобы удержать то, что, "Слава Богу, им есть что терять", они льнут к Власти светской, чтобы с ней разделять и властвовать. Что же касается народа, то как говорили те же фарисеи: "Народ этот, невежда в Законе – проклят он".

Как многозначительно собирается последние раза два-три "Русский Собор": в возведенном в натуральную величину ХХС-макете на месте разрушенного большевиками всенародного Храма Христа Спасителя – Храма-Памятника Русскому Народу, великой жертвой победившему захватчика-француза; под председательством Патриарха и Князей Церкви; с участием Президента и Правительства, председателей партий, Глав религий и конфессий, политиков, богачей... - всех, "от кого сегодня зависит судьба России" (цитата) – нет на этом Соборе только нас с вами, русских людей, православных верующих: "Народ этот, невежда в Законе... - рогоносцев не пущать!". От нас ведь ничего не зависит, от народа, который все понимает, и потому – безмолвствует.

Знаете, когда придет антихрист – а о том, как это будет, поведал нам в гениальных "Трех разговорах" бессмертный Соловьев – примут его потому, что он взаправду будет "отцом народов". Я смотрел по телевизору речь Президента на Соборе и ловил себя на мысли, что больно все это похоже на мои представления о будущем нечестивом соборе в Иерусалиме, где будут короновать антихриста – вот не знаю, почему мне навязалась эта ассоциация.

Всем взял наш Президент. Он и вправду хорош: естественен, решителен и целен. Такой не может не нравиться, особенно на фоне наших церковных "князей" - как он выигрывает. Патриарх наш давно уже превратился в дедушку-сказочника, в этакого рождественского Деда-Мороза. Величественность его как-то неуместна рядом с Президентом, который немножко подчеркивает свою терпимость к подобным чудачествам. Заходилась от слюнявого восторга Митрополит Кирилл, известный у нас, как Митрополит – Табачный. Как рад он был обняться и облобызаться по-братски с Главным Раввином России и заявить в телевизор, что " в этом зале нет экстремистов. Никто больше не говорит о возрождении монархии, и о разделении по вере. А собрались – для блага России", ради которого можно пожертвовать всем – в том числе и верой. И понимаю я Патриарха. Ведь Президент, он же – душка, не то, что прежние гэбэшники-грубияны – ну как такому откажешь? Придет он, и скажет: "Ну надо, надо, Ваше Святейшество, надо для блага России, Родины, для блага – Народа". Да тут ведь от умиления, примирения, согласия и единства сам не заметишь, как от Христа отречешься.

А ведь Христос-то, Он был – экстремист, за это Его и убили – ну никак было с Ним не договориться. Родился Он в хлеву, был бедным, не было у Него ни семьи, ни дома – нечего было Ему терять, кроме жизни, которой Он пожертвовал ради всех нас, Народа Божия на все времена, в том числе и для нас с вами. Ишь чего вздумал, экстремист – за веру умирать. А вот нашим Князьям Церкви – монахам, отрекшимся от мира – слава Богу, есть чего терять, и за веру умереть они вряд ли поторопятся – лучше заткнуть рот недовольным, например, мне – "властью, нам данной", и именем Бога на земле.

Как быстро все переменялось – и это при том, что ничего не изменилось. После прошлогоднего катастрофического теракта в Америке (и "Собор" это подтвердил), главный враг всеобщего блага определился – экстремизм. Больше спуску не будет ни тем, кто холоден, ни тем, кто горяч, а "благо" - лишь для тех, о которых сказал Христос: "за то, что ты не холоден, и не горяч, я изблюю тебя из уст

моих". " И смотрите, чтоб больше никаких разделений, в том числе и по вере – а не то мы вам..." Религиозный экстремизм – новый жупел, с которым будет очередная "борьба за мир" такая, что не останется камня на камне. Не начинает ли сбываться пророчество Лаврентия Черниговского о таком "возрождении" Православия на Руси, когда будут повсюду колокола звенеть, храмы сиять золотом, вот только верующим в них ходить нельзя будет...

Так что же такое покаяние? В чем каяться, как и сколько? Пожалуй, может и поздно уже. Десять лет дано было Народу Божию на покаяние, а в Церковь никто так и не пришел, потому что народ, хотя и безмолвствует, но все понимает. Сколько людей ни заклинай, "мужик, хоть он и сер, да ум у него не волк съел" - видят люди, что Церковь – кукольная, что наше РПЦ во главе с кукольником-Патриархом, с марионетками-Князьями – на самом деле личина, у которой нет спины, и такой же макет, как ХХС – Дух Христов Князя Тьмы давно вынесли из Церкви, как ветошь, вымели дочиста, как ненужный сор, остались лишь стены гробниц пророков.

И никому-то наш Патриарх стать отцом так и не удосужился, никакой он не "отец народа", а так, чиновник. Поэтому я не гожусь в патриархи – я отец своих деток, всех тех, кого я родил, принял "на руки", выходял, вырастил, и сегодня для них, многих, я – "бабушка" отнюдь не по должности. Так что "не пойду, пожалуй, братцы, я в цари". То есть, извиняюсь, в патриархи. Да меня и не зовет никто. И на том спасибо.

Однако и в архиереи, епископы церкви, нашему брату-женатику нечего метиться – не берут: с некоторых давних пор завелась традиция архиереями быть только монахам. Как уж это случилось, может, потом разберем, а вот к чему это привело сегодняшнюю Церковь в том числе, и в ее сегодняшнем плачевном состоянии, попытаемся понять теперь же.

Я уже писал выше, как оборвалась связь епископа со своей церковью, с "мирянами": объединившись в "иерархию", они стали сами друг друга выбирать не из числа членов церковной общины, нуждавшейся в епископе, а из своего круга личных друзей и подчиненных. Таким образом, епископы, а затем священники стали назначенцами, и из "пастырей" превратились в "наемников", чуждых жизни и интересов "пасомых", то есть просто людей, которые были для них чужими. А "своими" были назначившие их "старшие начальники", угождая которым "не могущие служить двум господам" забывали про интересы людей, для служения которым, казалось, они были назначены. И скоро, скоро сложилась формула, что "церковь (они имели в виду только себя, как служителей) должна служить и угождать Богу, а не человекам". Епископу люди стали не нужны, он теперь без них обошелся и зажил отдельной от "просто" христиан жизнью собравшейся вместе в "единую соборную церковь" административной верхушки. А "на приход" епископ вместо себя, занятого великими свершениями (например, борьбой с "еретиками" за "чистоту веры", которая и до сих пор выливается в скандальную дележку спорного имущества; или выдумывание на соборах все новых правил для мирян и юридических норм в разрешении "церковных" споров), стал присылать попа "с бабами возиться". Что, конечно, для епископа, важной шишки, не пристало, да и зазорно стало с тех пор, как епископство перешло исключительно к монахам.

Система без обратной связи идет "вразнос", я это говорил. Как только среди епископов появлялся, проникнув, любой тайный враг, циник-"еретик", он, пользуясь отрывом епископата от "народа Божия", начинал активно втаскивать в "церковь" своих сообщников, и борьба с ними превращалась во всемирные трагедии и принимала вид эпохальных катаклизмов, скандально и зачастую трагически продолжавшихся целые века. Велись войны, христиане по всему миру убивали друг друга "за чистоту веры", и на бойню их толкал зачастую именно епископат, расколовшийся и разругавшийся между собой по вопросам, которые и тогда и нынче не имеют никакого значения для просто верующих, как умеют, во Христа людей. Но как только среди епископов явились монахи, вкусившие земной славы архиерейских почестей, они тут же начали тянуть своих, под разными предложениями оспаривая ранее введенные правила (например: "монаху не бывать епископом, потому что ему приличествует покаяние) и вводили свои, закрепляющие права ихнего сословия ("епископ

должен быть непременно монахом").

"Разнос" системы рано или поздно приводил к неизбежному разрушению, вылившемуся в многочисленные расколы, "ереси", "разделение церквей", протестные движения и прочее, что известно всем, независимо от религиозных взглядов. Причем буквально каждый из "обломков" спешил заявить о своей "единости, неделимости", и главное, "единственной истинности", то есть праве на "приватизацию" церковной Истины – Самого Христа – и единоличное "владение", ни много ни мало, Святым Духом и благодатью Божьей. И тут же от имени Самого Бога проклинал своих врагов и всех остальных, "кто не с нами". Отсюда яростные споры "о благодатности Таинств", и прочая, с позволения сказать, "мистическая" чепуха. Неизбежало этой печальной участи и "Православие", с моей вполне дилетантской точки зрения в земном смысле ничем не лучшее всего остального.

Есть очень уважаемый за здравомыслие профессор, который преподает в Московской Духовной Академии церковную историю. Так вот, сам я к сожалению, не слышал, но говорят, что свой предмет он начинает, буквально говоря студентам следующее: "Вся История Церкви представляет из себя сплошную цепь скандалов и безобразий". А это – уже квалифицированное мнение специалиста, который участвует в подготовке кадров профессиональных "пастырей".

Но, пожалуй, главным "скандалом и безобразием" церковной жизни наших дней стало, все-таки, оглашение болезненной проблемы, возникшей как следствие вырождения истинного монашества с одной стороны, а с другой – сохранение самого института неженатого священства и епископата, как некой незыблемой догматической проформы. "Пришла беда, откуда не ждали" – ждали, должны были ждать. Я имею в виду разразившиеся недавно "педерастические" скандалы в католической церкви. Наши собственные доморожденные мерзости страшнее потому, что тщательно блюдут публичную тайну. Но шила в мешке не утаить и придется нам с вами – да-да – для начала обсудить неприятную тему гомосексуализма, как явления, на сегодня, как это не прискорбно, отнюдь не частного. Но, хотя и позорного, постыдного, тем не менее, общественно значимого.

Обойти молчанием эту проблему невозможно, потому что в высших церковных кругах, среди монашествующего священства и епископата это явление приобрело характер повального бедствия и заразы, превратившейся в эпидемию – таковы его реальные масштабы. По все той же излюбленной схеме "разноса" педерасты-епископы втаскивают на верхушку церкви себе подобных "любовничков" и "дружков", а механизм иммунитета был намеренно разрушен церковной администрацией еще вон в какие первые века христовой эры, так что сегодня крыть их нечем, кроме русского мата, да и то заочно – близко к ним наемная охрана никого не допускает. В общем, катастрофа. Итак, за мной, друг читатель.

Часть 1 [здесь](#)

"Голубые"

Существуют "запретные" темы, обсуждение которых страдает нарочитой, болезненной односторонностью. Например, сказать что-нибудь плохое о евреях как о нации - верх непристойности, в то время, как русских ругать считается хорошим тоном, особенно, когда они "сами себя и друг друга ..." предадут. Или, вообще, национальные вопросы - того и гляди, как бы не поскользнувшись не задеть бы кого - мигом запишут в "экстремисты-террористы", а не то и фашистом обзовут. И все это, заметьте, без всякой боязни обиды с твоей стороны, или за тебя - со стороны общества, которое сразу поспешает от тебя откреститься и принести тысячу извинений мировой демократии.

Гомосексуализм вообще тема малопрятная, обсуждать ее открыто, равно как, например, проституцию, или, скажем, преступления на сексуальной почве, прежде считалось неприличным. Однако с некоторых пор появилась куда более веская причина числить г. одной из "запретных" тем. С тех ровно пор, как гомосексуалисты весьма преуспели в отстаивании своих "прав" и

протаскивании поощряющих их законов, так что любое неблагоприятное обсуждение "их" темы стало юридически небезопасным.

Тем не менее. Относится ли проблема "признания" г. обществом к области "прав человека"? В последнее время через прессу развиваются два отдельных, казалось бы, скандала, идущих, однако, как говорят моряки, "встречным курсом". Оба они - на интересующую тему.

"Прогрессивная общественность" во главе с правозащитниками всех мастей кинулась вопить о дискриминации в нашей стране "сексуальных меньшинств". И весьма слаженно шельмовать ("либеральная" пресса поспешила не отстать) тех, в частности, депутатов, кто осмелился, наконец, предложить поставить проблему гомосексуализма в нашей стране на всегдашнее ее законное место: в пределы ряда уголовно наказуемых деяний. Ибо, по мнению многих, сутью гомосексуализма является грех, разврат, позор и преступление. Вообще, определить гомосексуализм как общественно значимое явление с точки зрения обычного здравого смысла возможно только в пределах между преступлением и болезнью. Т.е. альтернатива между "сажать" или "лечить". Но, во всяком случае, как опасную заразу, немедленно искоренить и изолировать от здоровой части общества.

Был в свое время такой анекдот: коммунизм кто выдумал - политики или ученые? - конечно, политики, так как ученые сперва попробовали бы на собаках... А вот "права" педерастов "придумали", к сожалению, ученые, от большого, видать, того ума, от которого всем - одно горе. И первым из этих горе-умников оказался небезызвестный Зигмунд Фрейд. Именно ему мы обязаны утверждением "нетрадиционной сексуальной ориентации" как психической "нормы". Ну что ж, бывает, что и великие ученые ошибаются. Как сказал известный персонаж, "все теории стоят одна другой". Вон в школах до сих пор детям голову морочат, что Дарвин произошел от обезьяны, хотя сам он, может, так и не думал. Однако психиатрическая норма еще не оправдание преступлению, но даже как раз наоборот. Экспертизу для того и проводят, чтобы решить: лечить или сажать? И если преступник "нормален", значит, знал, что делает, и должен держать ответ.

Чем же преступен или болезнен г.? Прежде всего, своей агрессивностью. Казалось бы, живите, как вам хочется. Так нет, сперва "дайте нам права быть признанными как общественная норма", а затем, уже с правами, обращение всех вокруг "в свою веру", в том числе обманом и насилием. И жертвами, в первую очередь, становятся - дети. Преступность г. в том, что он ПЕДОФИЛИЧЕН по самой своей природе, что ни для кого, кроме Фрейда никогда не составляло ни тайны, ни загадки. Человек - существо общественное и общественно обучаемое, в том числе и в области подсознательного. Та самая "ориентированность", в том числе и сексуальная, у ребенка вырабатывается под влиянием и примером окружающих. Иначе говоря, гомосеками не рождаются, как утверждал дедушка Фрейд, а всегда становятся, и к сожалению, почти всегда недобровольно. Для того, чтобы стать педерастом, человек должен быть развращен другим, взрослым педерастом именно в детстве, когда личность податлива к изменениям - и таким образом меняется, или вернее, искажается "ориентация". И пусть-ка теперь педерасты, вместо того, чтобы поднимать ритуальный вой, заглянут к себе в души и вспомнят, как когда-то в их детстве и их развратил взрослый дядя и какой трагедией это было тогда для них и их семей. Прочих же отсылаю к исповеди педераста в американском рассказе "Мамин дом с лепным фасадом". Там он рассказывает, как его, девятилетнего, похитил из дома и изнасиловал мерзкий бродяга-педераст, как целые годы таскал его с собой, теща свою гнусную похоть, и наконец был убит повзрослевшим "питомцем", подгадавшим толкнуть его под поезд - так он его ненавидел и боялся. При этом, вернувшись к матери в "дом с лепным фасадом", сам он так и остался педерастом, так как его "ориентация" была сломлена в детстве - но положение свое воспринимал трагично, так как явно был жертвой, и совесть в нем осталась.

Поэтому другой, встречный скандал, сотрясающий Запад массовыми разоблачениями педерастии и педофилии в среде священников католических и протестантских церквей, является "зеркалом" нравственного состояния общества в целом, которого "молчанием Бог предается", и "все убийства и злодеяния на Земле совершаются при молчаливом попустительстве того

большинства", которое само считает себя к греху непричастным. К "отражению от стенки" привело братание с педерастами, лесбиянками и прочими на почве защиты их "законного права" "жить, как они хотят". Т.е. развратничать не таясь, похвально собственным бесстыдством перед всеми и развращать наших детей, одергивая нас и приводя в молчание козырянием своими "правами человека". Не свиньи, и не обезьяны из зоопарка, естественное бесстыдство которой вызывает у нас некоторое чувство неудобства за "предка по разуму", смешанное с жалостью, - нет, Человека, который "звучит гордо" (тоже мне, нашли, чем гордиться). Откровенное потакание развратникам до того "окрылило" их, что они перестали стыдиться и таиться, и вдруг открыто объявились их сторонники и последователи во всех областях общественной жизни. В т.ч. и в Церкви, среди священства (что курьезно), куда они, возможно, попали именно в результате "защиты" ихних "прав", и беспрецедентного, невиданного многолетнего давления общества на Церковь с целью заставить Ее эти права признать. Ну что ж, вот и получайте по праву священников-педерастов, вы же этого хотели? К ним будут теперь ходить на исповедь ваши детки, и станут у них поучаться нравственности и целомудрию - с "нетрадиционной ориентацией". Тут уж и поборники прав, когда их собственных деток коснулось, завопили "караул" и накинулись, как водится, со своей больной головы валить на Церковь. Вот уж правда, "битый небитого везет", и "виноват ты тем, что хочется ...".

Боже, какой визг поднялся, аж уши заложило: "Они в своей церкви развращают наших детей". А не в церкви - не развращают? А в церкви-то люди откуда взялись - с Неба, что-ли? Каково общество - такова и церковь, так как церковь - это мы. Уленшпигель, "я твоё зеркало" - помните?

Думаю, что признание законности "однополых браков" изначально задумывалось развратниками всех мастей как изощренное издевательство над святостью семьи, этой "колыбели человечества". А обманом и насилием над Церковью добытое "право" на кощунственное "венчание" таких "браков" стало для них подлинным триумфом. Но совсем уже диким безумием видится согласие закона на воспитание в таких "семьях" приемных детей. Те, кто такое делает, должны понимать, что отдавая детей на съедение - буквально - они, уподобляясь древним варварам, приносят человеческие жертвы на алтарь молоха, идола разврата. И, как в страшных сказках, подсаживают ребенка на лопате прямо в пасть к людоеду. Неужели эти труположники не догадываются, что сделают два педераста с ребенком, отданным в их полную бесконтрольную "родительскую" власть. Надо же, какая наивность, прямо "святая простота". Как говорят: с таким счастьем, и на свободе? По сравнению с подобным "гуманизмом", "Лолита" - просто рождественский утренник, а Гумбольдт - почти что пионер. В общем, Набоков - отдыхает.

Вот оно, "горе от ума" - куда может завести ум без разума и совести. "Будем последовательны: всем - равные права!". Ну, так будьте последовательны, выпустите из лепрозориев прокаженных, пусть живут среди нас, как равные, они же люди, имеют право иметь равные со всеми права. Или - уголовников из тюрем. "Свободу Юрию Деточкину!". Все это уже было не раз - слышали-видали. В революцию нашу в трамваях ездили голые с плакатами "долой стыд". Но хоть "стыд - не дым", а "глаза - ест"! Это без всяких занудных доказательств ясно тому большинству, которое представляет человеческую норму и из которого и сложилось именно человеческое - а не обезьянье и не скотское - общество. Сообщество человек, поставивших себе задачей перед звериным оскалом дикости, объединившись, отстаивать свое право быть и оставаться людьми. Что поодиночке, конечно, невозможно. И норма эта имеется внутри каждого человека, которого можно с детства развратить, "переориентировать", но окончательно превратить в обезьяну можно только с помощью лоботомии. Любой педераст, педофил, извращенец в глубине души знает, что грешит и творит мерзость - и потому, будучи зол на весь мир, сам так агрессивен, и всегда желает при малейшем попустительстве со стороны общества втянуть весь мир в свою гнусность. Чтобы, давая отчет Богу, - как злые дети родителям - мочь сказать: "Это не я, я не один, мы все здесь такие, такими Ты сотворил нас, Ты один и виноват". Это тоже было. Первые люди в Раю уже сказали это Богу. "Жена, которую Ты мне дал, дала мне (плод), и я ел", - сказал Адам, а Ева сказала: "Твой Змей искусил меня".

Что касается педерастов и лесбиянок, то нужно думать и решать, преступники они или больные, и что с ними такими делать. Но только предварительно изолировав их от общества. Иначе они потом нас изолируют. Уже через свое "педерастическое лобби" они добились законов, по которым даже свободно высказать негативное отношение к этой мерзости как к явлению - и то нельзя - вроде как это оскорбляет ихние чуть ли не "святые" чувства. За это уже теперь кое-где можно и в тюрьму угодить. А скоро "нормальных" станут отлавливать. И повторится история Содома и Гоморры, о которых Господь, решив истребить эту нечисть, сказал Аврааму: "Если найду трех праведных - пощажу". То есть все оказались поражены этой порчей, кроме одного Лота, приютившего посланных от Бога Ангелов, увидев которых, толпа требовала выдать их на поругание, и не хотела отступить даже честью дочерей, которую Лот готов был пожертвовать, чтобы защитить своих Небесных Гостей. Так же, как и всегда, Тараканище, глумясь, говорит нам: "Принесите-ка мне, люди, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю". Или сами с этим справимся все мы, всем миром, несмотря на визг интеллигентов и ритуальные заклинания "правоборов", или как бы не пришлось потом, подобно Лоту, поодиночке удирать в горы и скрываться, скитаясь с детьми по пустыням.

В брежневские времена, помню, развернулась на весь мир громогласная компания "за права человека в Советском Союзе". Лучшие наши люди шли в тюрьмы, гнили на каторге, пропадали в сумасшедших домах. На западе - вопили, качали истерическую помпу... За что боролись? Как выяснилось позже, за право евреев выехать из страны. А сегодня ни мы со своими правами, ни наши евреи никому и нигде не нужны. И, несмотря на наши права, на Запад нас никто не пускает даже в отпуск, и не ждет там, и объятий не распахивает. Теперь они там делают все возможное, и даже невозможное с точки зрения их собственных законов, чтоб всячески воспрепятствовать исполнению наших законных прав на свободу перемещения и проживания, за которые они с такой пеной боролись еще так недавно.

Подводя итог сказанному, нужно иметь волю признать, что те, кто желает преступать пределы естественной человеческой природы, вытекающие из велений души и совести, запечатленные в историческом опыте человечества, обрекают нас на выбор: или придется потеснить и ограничить их "права", или, скорее рано, чем поздно, нам придется столкнуться с собственным бесправием и бессилием перед лицом торжества гнусности и похабства. Пока мы еще в силах защитить себя и своих детей – была бы только воля и разум. Господи, ничего нам не нужно, дай только премудрость, чтобы в один ужасный день всем нам не сгинуть вслед за Содомом без следа и памяти в огненной пучине гнева Божия. Если Бог захочет наказать, то прежде всего отнимает разум. Будем же разумны, пока не поздно, а зараженных похотливым безумием, как и прокаженных, – за стенку. Пусть они там осуществляют свои права и проводят социальные эксперименты друг на друге.

В советские времена "статья" УК о гомосексуализме принадлежала к числу "неработающих" - по ней практически не "сажали". Но наличие ее в УК определяло правильное положение г. как социального недуга, поставленного обществом "вне закона". Там ему и теперь место. И педераст знал: попробуй открыто проявить свои пристрастия или совращать подростков – мигом окажешься в тюрьме, где уголовники, по "понятиям" которых педерастия – тоже гадость, тут же "опустят" в "петухи", а жить заставят – "у параша", чтоб знал свое позорное место. Так что лучше сидеть тихо и не высовываться. Вот это и есть данное им право жить так, как они хотят: прячься и не смея похвастаться своим бесстыдством. "...Юноша, ... помни – Бог приведет тебя на Суд!".

"Церковь" "голубых"

Доверяли. Доверяли слепо, и слепо доверились. Кто обрел веру в сознательном возрасте, знают, как им эту веру даровал Господь, когда Сам избрал их. "Не вы Меня избрали, но Я вас избрал". Однажды, проходя мимо моей беспутной жизни, Он сказал мне: "Следуй за мною". И когда я побрел за Ним, "ужасаясь", Он Сам привел меня в Свою Церковь. Поэтому, придя в Нее вслед Христу, я безоговорочно принял все, что там было, как Его Волю, как Им Самим

устроенное Царство Божие на земле. Как же я был наивен, и как глубоко заблуждался насчет божественного происхождения и "святости" церковных порядков и отношений, ничего не зная из того, что знаю теперь, – и как же я был счастлив тогда! Как сказано у Екклезиаста: "Во многом знании много печали, и познание умножает скорбь". Это про меня, как, впрочем, и про всех живущих.

Как-то глубокой осенью некий "странник", богомольный гражданин приличного вида, приставший ко мне в храме и попросившийся переночевать, наутро предложил мне съездить "к Сергию", в Загорск – было это как раз накануне дня памяти преподобного. С нами был его маленький сынок, и мы отправились. Дорогой он мне расписывал свои знакомства с монахами, священниками и семинаристами, и объяснял план устроиться на ночь в семинарской гостинице. Я ничего не понимал из того, о чем он толкует, но доверился ему, как человеку, имеющему незнакомый мне опыт общения в церковных кругах.

Вечер, почти до ночи, мы провели в Лавре на службе, и когда вышли из церкви, на дворе стояла темень. По окончании богослужения многие остались в храме, стали устраиваться на ночь кто как мог, сноровисто и привычно занимая более удобные места у стен, поближе к теплу, в укромных углах, тупичках, где не дует. Кучками собравшись там и сям у икон, вслух читали молитвы при колеблющемся красноватом свете догоравших немногих свечей, или тихонько растяжно пели невпопад, кланяясь вразнобоицу или стоя на коленях, кто как. Все было мне в диковину, казалось чудным, непонятным, – я впервые оказался на "вселенском" празднике, куда отовсюду стекаются простые верующие люди, паломники, привычные к житейской неустроенности, к тому, что в церкви кроме них самих никто о них заботиться не станет.

Но сам я был не в таком положении: обо мне обещали позаботиться. Мой проводник привел меня на лавку в аллее, напротив входа на семинарскую территорию, и велел обождать, пока он договорится и придет за мной, оставил меня одного. Как сейчас, вижу его неторопливо удаляющуюся спину, слегка вихляющую походку хромоножки, мерно переставляемую палочку в одной руке, а в другой – руку мальчика, и как они исчезают за створкою решетчатых ворот. А я остаюсь: на пропитанной дождевой влагой, кем-то забытой, необранной на зиму одинокой садовой скамейке, в заброшенной мокрой опалой листвой аллее, под бесприютным чернильным осенним небом – ждать.

Каждые четверть часа мерно били часы на лаврской колокольне, вызванивая медлительное течение времени. Когда колокола ударили в восьмой раз, я стал понимать, что меня попросту бросили на произвол судьбы. Тут-то и подсел ко мне на лавку – он, тот самый. Что-то мне сразу не понравилось: какая-то неприятная навязчивость, и в то же время – елейность, приторность – но не имея опыта общения в среде привычно верующих, я решил, что, должно быть, так принято знакомиться в церковных кругах. Однако из дальнейшего развития событий все оказалось куда проще: он был обычным педерастом, только с "церковным" уклоном, и имел банальное намерение "закадрить" меня. Он что-то ворковал "про владык" - это запомнилось – и под неумолчное журчание сладких речей во мне росла тоскливая уверенность, что меня обманули и покинули. Благополучно устроившись по своему усмотрению и тихонько похрапывая в безмятежном сне на казенной койке, мой "старший брат" во Христе давно забыл про меня, мерзнущего на сиротской лавке под промозглым небом в обществе отвратительного типа, и даже не удосужился известить, что другого места для меня в церковном мире пока нет и не предвидится.

Вообще, с педерастами доводилось мне встречаться и раньше, в своей обычной мирской, "доцерковной" жизни. Это теперь они голову подняли, а в советские времена их за людей не считали, и вынуждены они были таиться и прятаться, как правило, не смея публично проявить свои пристрастия. Однако, иногда все же бывало. Как-то раз ко мне пытался пристать один, в автобусе. Пользуясь толкучкой, он, пробираясь вперед, слишком уж надолго притиснулся ко мне, и поняв, в чем дело, я точно знал, что делать. Ни секунды не колеблясь, я, развернувшись, левой рукой отстранил его от себя, сколько мог, а правой со всей силы ударил его в нос кулаком.

Опрокинув залитого хлещущей кровью неудачливого "ухажера" на загаженный рубчатый пол и вытерев платком кровь с разбитых пальцев, я бросил испоганенный полотняный лоскут прямо в растерзанное лицо. Затем, перешагнув брыкающееся тело, я растолкал опешивших зевак и вышел вон из с треском распахнувшихся дверей наружу, чтобы пройти и отдышаться от омерзительной "вони", почти физически накатившей на меня от этого негодяя.

Пробило одиннадцать (все "владыки" давно спать полегли), и я решился, наконец, покинуть безнадежный пост, чтобы поискать возможного ночлега, а заодно отделаться от неприятного "собрата" – и направился обратно в храм. В храм за мной он заходить не стал, и, как я обнаружил с облегчением, куда-то исчез. Но и в храме мне места не было: везде вповалкуспали люди, устроившись прямо на полу, на пальто и припасенных одеялах. У стен, у колонн, в проходах – повсюду притулились мужчины, старухи, женщины с детьми, кто лежал в самых невообразимых положениях, кто сидя на полу или редко на складных матерчатых стульчиках, привалясь к чему пришлось, а то и просто спина к спине – все устроились, как могли, с возможным удобством, на всю ночь, и уходить никто не собирался. Все было занято, можно было только стоять с теми, кто у икон продолжал читать, петь и молиться. Но выстоять всю ночь посреди храма на ногах я не мог, я это понимал. И я вновь вышел наружу, совершенно не представляя, что же мне делать, куда податься? Тут же, будто из земли, около меня возник и завертелся мелким бесом мой давешний супостат. Как он был рад, он знал, что мне деваться некуда, и сразу предложил ночевать с ним "у знакомых". Вот тут я запаниковал. "Бежать" – была единственная мысль, и я понесся на станцию, опасаясь опоздать к последней электричке. Бес не отставая, гнал меня без разбору дороги, и в укромном месте, на подъеме по тропе, он, догнав, слегка погладил и ущипнул меня за зад.

Всю жизнь, вспоминая этот позор, я жалею, что не врезал ему прямо там, лягнув ногой, – позиция была удобная, и он, слетев вниз, возможно, свернул бы себе шею в овраге. Но тогда я смалодушничал и сделал вид, будто ничего не заметил: я не верил себе, не мог поверить, что верующий в Бога церковный человек может оказаться на такое способен – у меня это буквально не укладывалось в голове. "А вдруг мне показалось?", – уговаривал я себя, сидя в безжизненном вагоне еще не скорой электрички, за окном которой продолжал кривляться и паясничать, отвечивая мне прощальные пассы, отвергнутый мной воздыхатель, – "Вдруг я не так его понял? Может, у церковных людей это что-нибудь другое означает?" Долго протоптавшись на сыром ветру, гулявшем вдоль плохо освещенной безлюдной платформы, он-таки дождался отправления и не ушел, пока не выпроводил меня в Москву, будто долг выполнил.

Года два назад на всю Церковь – да что на церковь – на всю страну, на мир скандал был. Не просто уличили, а уже буквально дело дошло до того, что дубьем стали гнать из епархии "преосвященного Никона" – епископа из молодых, "перестроечного" разлива, педераста, отнюдь не скрывававшего своей "ориентации", как теперь принято стыдливо выражаться у интеллигентов, ратующих за всеобщую "свободу". Наглуую жирную свинью, обожравшуюся церковными деньгами, полученными от грабительских поборов со священников и приходов огромной уральской епархии.

Десятки статей – буквально – были опубликованы в том числе и в центральной прессе, с фактами, доказательствами, показаниями очевидцев, документальными свидетельствами – готовое уголовное дело, по сути. И что же? Патриархия даже расследования проводить не стала. А как пришлось невмочь: народ поднялся, этого гада люди в церковь не пускали к себе на службу, и от расправы его только наемная охрана спасала (буквально – могли побить) – его потихоньку, тайком, перевели в другую епархию опять архиереем. Зато священству, которое заодно с народом против епископа пошло, урок дали хороший: нескольких "зачинщиков" повыгнали, кого понизили, кого перевели бедовать на заштатные приходы – чтоб неповадно было "сор из избы мести" и чтобы все знали, "кто в доме хозяин". И на народ из Патриархии цыкнули, а на прессу злобно ворчали: дескать, это все жидо-масонские происки, которые раздувают газетчики, всегда рады возвести напраслину на "страдалицу-Церковь". Почитание

епископа, какой ни есть, должно быть по должности. Потому что, "где епископ, там Церковь". А мы-то думали, что Церковь там, где Христос.

А педераст этот в открытую себе в мальчики поповских детей требовал, пользуясь начальственным положением, и ставил пострадавших священников в безвыходное положение: или пойти против начальства, и как следствие, лишиться места и куска хлеба для семьи (что и случилось), или отдать родных детушек на "съедение" мерзкому Тараканищу. Вот и думай теперь, чего это патриархия за "голубых" всякий раз так рьяно заступается? Что, например, мешало устроить публичный, принародный церковный суд над негодяем, какие такие "высшие" церковные интересы? Христос нам объяснил, что света боится и избегает тот, кто сам причастен "к бесплодным делам тьмы". И еще сказал: "По делам их узнаете их". Узнали. Всем миром, всем народом. И сегодня, по-моему, ни у кого уже не осталось никаких иллюзий в отношении церковного начальства: обыкновенные, банальные пройдохи.

А вот еще "любопытное", так сказать, свидетельство, за которое отвечаю как за типичное из многих тех, которые, что называется, "неводом не перечерпать". Ко мне обратился священник со своей кручиной: ребенка его знакомых, прислуживавшего в храме, "отпидорасил" поп. И теперь они не знают, что им делать. Дело-то, и вправду, не простое. Поп этот, уже пожилой священник, с матушкой и детьми, а то и внуками, служил в сельской церкви поблизости богатого "новорусского" поселка, где у этих "знакомых" дом. Брат попа, монах, стал в свое время епископом, и получил хорошее место рядом с Патриархом в Москве. Вот мать-то их счастливая, вывела деток "в люди"!

Как нынче иной разводится, богатые, кое-как уверовав вместе с семьями, стали церкви помогать, на службах по праздникам бывали, давали попу денег на то, на се... Мальчику в церкви понравилось, стал он "к батюшке" сперва на исповедь ходить, потом его в алтарь взяли, прислуживать, стихарь нарядный, специально на него пошитый, на службе стали на ребенка надевать и со свечой по церкви пускать перед священником с кадилом. Родители, как в церкву придут, на сыночка умиляются. А батюшка-то, оказывается, даром времени не терял: присмотрел удобный случай и улучил момент совратить малолетку, подпоив его кагорчиком. Малый пришел домой "из церкви" поздно ночью пьяный да растерзанный – так родители и ахнули. Думали сперва, может, кто со стороны, пока дознались – и теперь вот "не знают, что и делать", советуются. О чем тут советоваться, с кем? А если и советчик из тех же окажется, что он присоветует? Ну, вроде бы, какие тут нужны советы – ведь взрослые же люди. И вспомнулся мне собственный мой первый "церковный" опыт: все, что ли, с этим "гадом" на церковном пороге встречаются?

В общем, я им сказал, мол, нечего оглядываться на то, что поп. Мало ли, бандит на себя милицейский мундир напялил, он от этого, что, блюстителем закона, или защитником общества стал? Бандит и есть, и пуля его сыщет, пусть даже и в мундире. Так и поп этот, он что, христианин? Педераст он, и есть мерзость пред Богом и позорище перед людьми.

А пока они думали да советовались, незадачливого совратителя братец исхитрился в Москву перетащить, под крылышко известного в церковных кругах высокопоставленного архиерея, тоже из педерастов. Даю подсказку – он от патриархии поставлен был за "связи с армией" отвечать. И так они на пару усердно потрудились эти "связи" налаживать, что вот совсем недавно (видать, опять приперло дальше некуда) епископа того, наконец, сняли, а вместе с ним слетел и помощник. Тут уж и братец не помог, а пожалуй, пришел его черед теперь уже о самом себе позаботиться. "Скажи мне, кто твой брат...".

А вообще, насколько монашество увязло в содомии? Не знаю. Но по тому немало, что знаю, думаю – минимум наполовину. Такая вот страшноватая картинка получается: погрязшее в гнусном разврате монашеское архиерейство, ранее узурпировав высшую церковную власть, единолично распоряжается, в частности, церковными назначениями. Епископ сам решает, кому быть священником, а кому не бывать: тем самым приходским "батюшкой", которому вы

доверяете интимные стороны своей жизни, и своих дочерей, сыновей, внуков и внучек. Пустили козла в огород, а он оказался крокодилком.

Великая беда, как разлив реки, незаметно влилась в церковно-приходскую жизнь, а пропустили ее сами те, что все приговаривали: "Нам все едино, что ни поп, то батька. До Бога высоко, до начальства далеко, мы не станем судить да осуждать, нас это не касается, что у них там наверху творится". Коснулось, нас и наших детей, дома и на приходах. И разбираться придется нам – с тем, что творится в нашей церкви, потому что больше некому, как всегда. Это наше дело, и это наша жизнь. Вот и примемся разбираться теперь с тем, что такое монашество, священство и епископство: откуда на нашу голову взялось, как принялось, и что с ним, таким, сегодняшним, делать, куда его девать, и от него деваться. И да поможет нам в этом Христос, Бог наш. За ним, читатель!

"Та злая, та святая"

Много лет я удивлялся, да и до сих пор не перестаю удивляться тому, что придя в церковь вполне искренно по вере, люди с годами во-первых, разочаровываются, а во-вторых – становятся хуже, что-ли?... Часто от случайно зашедших в церковь можно слышать: "Почему у вас в церкви люди такие злые?". И вправду, почему?

Когда я был маленьким, мать мне рассказывала из Библии. Помню один разговор, про Содом и Гоммору, который затем, как это бывает, перешел на вычитанные мною в книжках инквизицию и крестовые походы, и закончился фразой, не понятой, но запавшей в память на долгие годы, до востребования. Сказано было примерно так: "Как могло случиться, что учение Христа, исполненное любви и доброты, породило такое количество зла и ненависти?". Кто виноват в этом, уж не Христос ли?

Среди православной молодежи в церковной общине, где я нашел в свое время пристанище, со смехом обсуждался случай, происшедший на приходе неподалеку с новоиспеченным священником. Молодой батюшка, послужив с месяц, исчез, оставив записку примечательного содержания. Буквально он написал следующее: "Ухожу навсегда, потому что меня здесь никто не любит". Наши молодые теоретики от христианства юморно корили его (за глаза, конечно) за его столь неуместное желание "любить и быть любимым": "Тоже, выдумал – любить его должны. Терпеть надо, как учит Церковь, и велят святые отцы". Внимая слаженному хору "премудрых и разумных", я тогда думал, что мне ясна неправота этого незрелого человека. Почему-то с годами моей уверенности на сей счет поубавилось. Пробыв двадцать лет в его шкуре, теперь я думаю: неужели для христианина необходимо провести всю жизнь среди неприязненно настроенных людей, в атмосфере постоянной травли со стороны тех, кого по должности ты обязан считать своими "братьями во Христе"? И бесконечно сносить, терпеть молча их безнаказанные подлые выходки в адрес всех вокруг. Которые они предпринимают зачастую просто со скуки, чтобы развлечься на счет "придурка", каким они считают тебя, как и всякого пришлого. Не ими избранного, но нанятого и назначенного к ним попа, о котором так и говорят: "А нам что ни поп, то батька". Не уверен. И, главное, подобная "норма" церковных отношений породилась еще при жизни ап. Павла, главного строителя Церкви и Ее порядков, который именно на страницах Священного Писания сам же не преминул посетовать, что "много пострадал от лжебратии".

Так случилось со мной, что придя в церковь по вере "с улицы", из мира, без какой бы то ни было хотя бы мало-мальской предварительной подготовки, я совершенно не имел церковного опыта: каких-то сведений, почерпнутых из книг, или впитанных с детства вместе с "атмосферой" храма, которая воспринимается детским впечатлением непосредственно, или, наконец, порядков и обычаев, усвоенных через общение с церковными людьми – ничего этого не было у меня. Я начал осваивать весь начальный опыт "в лоб", с церковного порога:

"принимая как новость эти раны и боль поминутно, ежечасно вступая в туманное новое утро".

По наивности приняв разговоры о непреложности священного церковного опыта за чистую монету, я принялся буквально на практике исполнять вычитанное в книгах, содержавших "святоотеческий опыт" и предлагавшихся мне "для просвещения" (а вовсе не для исполнения, как выяснилось позже). Вот что из этого вышло.

Я читал книги и ничего не понимал: слова понятны, а как их к жизни применить, было неясно. Я стал все делать буквально – как написано, так и поступал. Написано, что надо исповедоваться прилюдно в церкви, грехи не скрывать, я попробовал это делать. "Исповедуйте друг другу согрешения ваши". У меня было некоторое общение христианское - молодые люди, которые ходили в ту же церковь. И когда священника не было, я своим собратьям говорил: друзья, я согрешил, делал то-то и то-то. Результат был для меня удивительный: эти люди стали меня презирать и шарахаться от меня, как от чумного. Видимо, они решили, что я – человек совершенно падший и плохой, хотя сами они были такие же обычные ребята. Такой был очень странный для меня в то время результат. Я тогда чувствовал, что моей душе от этого большая польза, а окружающим этот опыт повредил, люди от этого как-то надмеваются и считают в глубине души, что они-то нормальные, а вот есть "малохольный", над ним можно потешаться.

Расскажу другой случай. На моем первом приходе, в селе Рябушки под Боровском, была такая Клава. Я там служил первый год священником. Я так старался не грешить! Все думал написанное в книгах исполнить и тем Богу угодить, спастись. Была она человек вообще неверующий, и за это была старостой поставлена от советского исполкома. В церковь ходила прилюдно лоб крестить, да деньги собирать. Придет к концу службы, соберет деньги, посчитает, в сейф запрет – такая была эта Клава. И стала она меня донимать по-всякому и, как это бывает, притеснять. А была она такая не одна: были у нее подружки-заединщицы, сплотившиеся вокруг церковных денег. Они видели, что человек им отпора не дает и начали на меня наседать все больше и больше. Мешали работать, служить, с людьми заниматься. "Вот, все тянешь, на исповеди с бабами городскими, со столичными чужаками залетными подолгу разговоры разговариваешь, а мы тут жди, пока службе конец". В общем, все время лезли не в свои дела и как-то достали – я и сорвался. Ну, бывает, что ли. Сорвался и наорал на нее. Я, конечно, почувствовал, что согрешил и после очень мучился совестью. Я стал молиться Богу и понял, что мой долг христианский: пойти и попросить у нее прощения. Я понимал, что это ей не полезно; что она это воспримет, как мою слабость; что это будет глупо выглядеть; что я, как будто ... Она этого ничего не поймет, не оценит - это будет совершенно превратно истолковано. Я все это понимал. Но мне Господь сказал в Евангелии: "Если ты согрешил пред братом своим: иди, примиришься с ним и попроси у него прощения". И я, памятуя о Евангельском благовестии, которое я принял, пошел его исполнять. Таких случаев – их тысячи было в моей жизни. Это просто первый попавшийся, который я вспомнил. Я пошел в домик, где она жила: позвонил и постучал. Она вышла, и я упал ей в ноги. Я ей поклонился. И говорю: "Простите меня, Клава, я виноват". И вы знаете, что было дальше? Некоторые, может, сейчас подумают: "Ну, дальше было обращение неверующей к вере, она покаялась ..." Ничего подобного! Она потом по деревне ходила, хаяла меня, насмехалась надо мной и со смехом эту историю всем рассказывала. И позорила меня 10 лет после этого. Ничего этот человек так и не понял, понимаете? И, знаете, самым большим благом, которое я получил от этого, было то, что я успокоился, моя совесть была утешена. Для себя я понимал и чувствовал, что поступил правильно, и меня нисколько не смущали дурашливые клавины выходки и ее окончательное мнение обо мне как о придурке. Я эти насмешки и позор принимал с полным спокойствием. И тогда, когда после этого на меня много лет смотрели, как на дурака, и теперь, когда многие до сих пор так смотрят.

Я уж не говорю о том, как относятся ко мне некоторые собратья-священники. Кое-кто так за дурачка меня и считает. Я многих людей к вере привел, в том числе и тех, которых теперь почитают "старцами". Они были у меня алтарниками, эти теперешние священники, в свое время. И когда-то я открыл для них Евангелие и веру. Так вот: я до сих пор все мальчишески бегаю, и они же меня заплешеным и оглашенным называют, считают за дурачка и юродивого, а сами стали "великими", отрасли бороды до колен и бесов "изгоняют". Я такого однажды прижал при встрече и говорю: "Ты кто такой? Ты забыл, откуда ты родом? Чьей властью ты это делаешь, и

кто тебе дал эту власть, уж не считаешь ли, что Сам Христос? А если нет, то кто же?" Знаете, как у него "хвост задрожал"? Я не буду его называть, он и до сих пор этим занимается. "А почему я не должен?" Я говорю: "Ты у кого из тех, кого ты для себя считаешь в церкви авторитетом (или для тебя нет таких?) благословение испросил людям голову морочить?" А он мне: "На это не нужно благословение". И это говорит монах, человек, который дал обет послушания. Они теперь только самих себя слушают, вот это у них и есть "обет послушания".

Такова жизнь реального христианина: всегда позорная, смешная – "юродская", если хотим принять в свою жизнь Христа и Евангелие, придя в Церковь не для того, чтобы здесь лоб крестить и молитвы выучить, а для того, чтобы стать христианами. Об этом апостол Павел говорил: "Христианство для иудеев соблазн, а для язычников – безумие".

Человек, у которого всегда есть ответ на все вопросы, о чем ни спроси, все расскажет и цитаты приведет. Сейчас у нас очень много безжизненной церковной литературы. Люди покупают такие книги и читают через силу, потому что, зачастую, к сожалению, по своему содержанию они мертвы – в основном, это одно только цитирование. У нас очень боятся и живой мысли, и живого слова. Это подметил еще Гете в 18-ом веке и в уста Мефистофеля вкладывает такую мысль о богословии: "Словам ты должен слепо доверять, в словах нельзя ни йоты изменять!" Недаром это говорит сам дьявол, потому что его задача – подмена понятий, он хочет все перепутать и подменить жизнь пустыми горами из картона, превратить ее в декорацию, в личину и выхолостить живое содержание; и ему это всегда удается! Вот так была выхолостена жизнь из нашего богословия.

Наши книги стали безжизненными потому, что они занимаются бесконечным цитированием друг друга: у нас, не дай Бог, что-нибудь сказать и не подтвердить десятью цитатами из Святых отцов. Да наши "православные" тут же объявят тебя еретиком, определяют в Ад на веки вечные, а при случае и на ключья изорвут ("как Тузик грелку")! Удивительное дело, почему это так? Многие из тех, кто считает себя живущими в церкви, которые все знают, имеют ответы на все вопросы, как-то очень злобно реагируют на живую мысль, которая возбуждает в них злобу, ненависть и необъяснимый страшный протест. Они начинают цепляться к любому слову и пытаться человека по формальной линии запясть: "Ты говоришь вот так, а святой отец такой-то говорил вот так-то; значит, ты - еретик! Ату его!".

Сейчас, например, профессора Осипова шельмуют его же бывшие ученики. И приходится за него заступаться людям, которые его почитают. Уважаемый человек и подлинный христианин, который поднялся над уровнем формального книжного понимания и исполнения "закона" по букве, познал Христа душой и самым делом, имеет мнения, которые дышат жизнью. Он эти мнения высказывает в своих книгах. Это не нравится! Его же бывшие ученики начали его шельмовать: "Мол, это не так, то не так"...Один достаточно известный своими довольно посредственными и ужасно скучными книгами монах, архимандрит, ни много, ни мало позволил себе написать брошюру, которая называется: "Что общего у Христа с профессором Осиповым?" Вы помните высказывание ап. Павла в Новом Завете (2Кор.6:15), на которое он намекает: "Что общего у Христа с Велиаром " (то-есть с бесом – ничего себе, однако?).

Как говорил литературный герой по прозвищу Коровьев: "Врать не надо и хамить не надо!" К сожалению, это типично в церковных кругах, когда возникает заядлая дискуссия по поводу, совершенно не соизмеримому с накалом злобы, которая в связи с этим изливается. Читаешь какую-нибудь статью в церковном издании, в ней речь идет всего лишь о некоторых нюансах догматического богословия, которые простой несведущий человек даже различить и понять не сможет, и удивляешься накалу страстей и непристойности взаимной ругани, до которых доходит эта злобная "дискуссия" на страницах нашей православной печати. Вот такое очень печальное явление! В частности, и поэтому к нам люди не идут, они говорят: "У вас в Церкви люди злые".

Пришедших в церковь впервые, совершивших подвиг преодоления себя и со страхом переступивших церковный порог встречают неприязненно те, кто сам пришел сюда недавно, но

успел уже заразиться атмосферой зависти, впитав ее прежде всего. И новичку здесь ничего не объясняют, никогда – на него только шикают, шугают из стороны в сторону, дергая со злобой за одежду, за что попало по подвернувшемуся поводу ("батюшка идет с кадилом"). Священство зачастую потакает этому виду лести себе: "Бей своих, чтобы чужие боялись" - считая себя достойными особого почитания от "народа" по причине "священности" места, которое они занимают по должности.

Например, один юный священник, который в школе учился вместе с моими старшими детьми, на приходе, который он после меня унаследовал, первым делом для прихожан правила написал, как следует им почитать и уважать его за его "сан", с чем можно обращаться к нему, с чем нет, и как надлежит благоговейно вести себя в его присутствии. Такую вот составил бумагу на нескольких листах, размножил и раздает всем, кто в храм заходит. Называется "Правила церковного общения". Вот уж действительно, "он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог". А еще объявил прихожанам, что заведенные мной свободные порядки отменяются, больше они не вернутся, мол, нечего и толковать. В церкви должна быть железная единоначальная дисциплина с полным подчинением настоятелю, то есть лично ему. И все должны приносить деньги, пока что в размере "десятины" от дохода семьи, "а там посмотрим по надобности". А кто деньги не принесет, того отлучат от церкви и не будут причащать. Вот так повел дела этот едва вылупившийся, еще в желтке, птенец. Здравствуй, племя, молодое, незнакомое. Или, вот еще, к месту: "Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей".

Но "не место красит человека...", и люди, увидев эту "мерзость запустения на святом месте", разворачиваются и уходят к сектантам, потому что "здесь их никто не любит" (см. выше), да и не собирается, здесь сами по себе они, очевидно, оказываются никому не нужны.

Вот удивительно, почему Господь, Который даровал нам закон любви, допустил, что в нашей Церкви зародилась традиция злобы и взаимной неприязни? Я думаю, что верующие все-таки Слово Христа не соблюли. Господь предупреждал учеников: "бойтесь закваски фарисейской и иудейской". К сожалению, соблазн протащить в Церковь линию формального исполнения буквы закона всегда существует. И тогда можно с наслаждением учинить расправы любого масштаба над теми, кто эту букву не исполняет, зачастую по неведению или будучи не в состоянии понять, зачем ее исполнять нужно.

Освоившись немного в церковной среде, я быстро обнаружил, как легко стать "святым": достаточно выработать определенную манеру поведения, подражать которой оказалось на удивление просто. Говорить нужно тихим голосом, смотреть всегда вниз и, обращаясь к обсуждению чьих-либо недостатков, включать и себя в число виновных, как бы разделяя вину. Например, вместо грубого: "Ты виноват" - лучше сказать: "Мы с вами виноваты..., а я, грешник, хуже всех" - это очень нравится в церковной среде, и более того, воспринимается, как некий опознавательный знак, по которому человека принимают за "своего". Вместо "я" нужно всюду говорить "мы", намекая таким образом на церковную соборность высказанного мнения. Вообще, говорить нужно лишь когда спросят, а если тебя перебивают, сразу же умолкать до следующего вопроса, что свидетельствует о наличии смирения. Хорошо складывать руки на животе и, держа их сложенными вместе (только не переплестать пальцы, Боже упаси!), внимательно следить за тем, чтобы они были неподвижны – это показатель мирного устройства души. Нельзя жестикулировать, а уж махать руками, шаркать ногами, перебегать с место на место или вскакивать и ходить во время беседы считается вообще недопустимым – на этом основании могут решить, что в тебе бес, что ты – одержимый. И тогда все.

Освоив азы "святости", я с увлечением включился в новую для себя игру, и до того заигрался, что сам поверил в собственное мгновенное перерождение под влиянием "благодати". Мне очень нравилось, как умилялись на меня пожилые интеллигентные дамы, составлявшие ближайший посвященный круг подруг "матушки" - жены священника, особы таинственной, на

которую распространялся ореол благоговейного отношения к "нашему старцу", как между собой именовали настоятеля модного "интеллигентского" прихода в ближайшем подмосковье человека в то время еще вполне млажавого.

Как-то, гораздо позже, я услышал независимое мнение уважаемого мной за трезвые взвешенные оценки явлений церковной жизни уже очень пожилого заслуженного священника. Он сказал буквально следующее про тот "каков поп, таков и приход": "Сам он (настоятель), безусловно, в прелести (т.е. в состоянии болезненного заблуждения), а чада его все какие-то задвинутые". Но я думаю, он не угадал корня, из которого выросла эта "прелесть": там все играли в игру "святости", придуманную и присвоенную себе настоятелем, и усердно подыгрывали ему и друг другу, получая от этого несказанное наслаждение собственным самодовольством ("люблю меня, любимого"). Причем затеявший все это священник, видимо, вначале просто пытался чисто внешне подражать тем из числимых ныне среди новомучеников, кого еще в детстве видел и лично зная, усвоил от своих родных воспитателей почитать, как авторитет прижизненной святости. А потом привык. Маска приросла, правда, к сожалению, навсегда скрыв за резиной и раскрашенным "папье-моше" настоящее лицо, которое у всякого живущего изначально исполнено красоты Боготворной, а "игра", дуплом опустошив выгнившую безжизненную сердцевину "древа жизни", постепенно вытеснила душу на обочину жизненного пути. Вспоминая сегодня об "игре" с мимолетной усмешкой, я имею сведения, что там все по-прежнему, и люди те же, только постаревшие. Продолжают все ту же игру, застряв, видимо, уже навсегда и давным-давно потеряв идущего впереди Христа из виду. Явление, весьма часто встречающееся в церковной среде под разными видами: кликуши, юродивые, старцы, "прозорливцы", чудотворцы, "целители", "бесогоны" – все идет в ход, все годится для того, чтобы "забыться и уснуть и видеть сны...", буквально уснув и умерев для той реальной христианской жизни, в которую Господь призвал нас жить и действовать. "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой".

К слову, я как-то привез туда, уговорив крестить младенца-сына, близкую подругу, человека, с проницательным мнением которого о людях соглашается сегодня взыскательная аудитория многочисленных зрителей ее всем известных "портретных" фильмов, рассказавших судьбы наших великих, прославленных и забытых, современников. Я так ее уговаривал, убеждал, что именно здесь она сможет встретить столь желанные для любого и каждого, и в церкви всеми искомые убедительные проявления и живые свидетельства действительности Божией Любви. Наконец, сдавшись, она решила ехать, я вызвался ее сопровождать.

Стояла поздняя осень, денек был пасмурный и какой-то промозглый. Пока шли через жухлое поле к храму, в направлении матово светившегося золотом купола и шпиля с крестом, я, торопясь в словах, рассказывал свои религиозные восторги, связанные с новыми знакомыми, к которым мы шли "в гости", для предварительного серьезного разговора о крещении ребенка – просто так, "с ходу", на том приходе крестить было не принято. Женщина молчала, заметно волнуясь, комкала в зяблых руках так и не надетые перчатки...

Принял нас сам настоятель, во всей красе своего подчеркнута неброского величия. Я был в восторге от оказанной нам чести быть удостоенными столь лестного внимания (нас даже чай пригласили пить), упустив из виду проявленный накануне интерес, когда я сообщил, что моя предполагаемая "протезе" - дочь известного на всю страну телеобозревателя. Однако при конце визита настроение у меня как-то приушло, может, оттого, что, как мне показалось, меня постарались вытеснить, и под ненужным предлогом отправили дожидаться к сторожам. Долго спустя моя спутница вышла очень задумчивая и тоже грустная. К платформе шли молча, говорить как-то расхотелось. Порядочно отойдя, я оглянулся на крест, неожиданно сиявший в пробившемся сквозь мглу одиноком луче, сказал: "Взгляни, солнце". Остановившись, мы смотрели, как живой свет, поиграв с минуту отражением в золоте кровли, медленным щупальцем втянулся обратно под облачный панцырь, и – будто заслонка задвинулась – отдушина небес закрылась в своде низких предзимних облаков, несущих к земле первую поземку. Стало зябко. Передернув плечами, она сказала: "Бр-р... Так неприятно...", – "Что?", – "Да этот твой батюшка. Такой

фальшивый. Он очень неискренний человек – ты не заметил?" Тогда я не захотел с ней согласиться: у меня все так хорошо налаживалось. А сына она крестила гораздо позже, уже разумным мальчиком, подростком, у покойного ныне о. Александра Меня, в его игрушечной церковке, куда они случайно забрели теплым весенним деньком в воскресенье, гуляя. Чем-то, видимо, убедил.

Усвоив принятые правила, я быстро преуспел. Меня заметили, на меня обратили внимание. Священники вскорости сочли меня "очень перспективным молодым человеком", и было решено показать меня "монастырским старцам" на предмет определения моей дальнейшей участи: например, не надлежит ли мне избрать для восхождения "царский путь" монашеского жития.

Однако поездка в Печеры Псковские, оставившая по себе неизгладимое воспоминание, стала для меня поворотным пунктом в определении моих гораздо более серьезных отношений с Церковью Христа. Встречей со святостью подлинной, живой и настоящей, без всяких "кавычек".

Жизнь во Христе

Настало время выполнить данное ранее обещание: пора рассказать что-нибудь хорошее, а то из всего предыдущего у читателя могло сложиться перекошенное мнение, что в церкви делать нечего, потому, что там одна только гадость, и более ничего. Спешу всех успокоить и утешить: это диаметрально не так. В песенке про эмигрантов Галич пел:

То, что болью прозвенит здесь,
Клеветой прошелестит – "там".

– имея в виду "забугорную" критику здешних коммунистических порядков уехавшими из страны в советские времена. Так вот, я двадцать лет прослужил в церкви, и никуда из нее уходить или переходить не собираюсь, сколько бы ни гнали. Опять-таки, как другой всенародно любимый бард и поэт однажды сказал про слухи о его эмиграции и отъезде из страны:

"Не волнуйтесь, я не уехал;
не надейтесь – я не уеду!"

Поверьте, боль и стыд не дают молчать, потому что когда у тебя в семье беда, все мысли и разговоры только об этой нынешней "злобе дня", а благополучное в своей основе устройство всей жизни в это время отходит на второй план и как бы теряется из виду. Когда зуб заболит и небо взвидится "с овчинку", никак не утешает полное и безмятежное здоровье остальной телесной массы. Так что спешу исправить "перекос" и заявить, что вообще я счастливый человек и жизнь моя состоялась, я считаю, только потому, что, "утопающего в пучине житейского моря" меня отыскал Христос, и втащил, бесчувственного, в лодку Своей Церкви, где меня озаботились "привести в чувство", оживить и спасти от гиблой судьбы добрые Его ученики, многие замечательные люди, которые не только в избытке есть среди "мирян", священства и монашества, но которые, как я считаю, и есть – Церковь Христа. Потому что Церковь – это мы, все, кто ищет быть со Христом, и по своему обещанию Он всегда среди таковых нас. Где Христос – там и Церковь Его. Ну, об этом вся речь впереди. А пока свидетельствую: в нашей Православной Церкви, в которой я прожил жизнь, Христос – Есть! И самое главное – не отставать, не терять Его из виду. За Ним, читатель!

Божья милость привела меня знать и видеть дивных светильников Веры, и среди них нынче известного многим о. Иоанна Крестьянкина. Говорят, что всяк "оправдывает свою фамилию", то есть, главное жизненное качество, присущее всей семье, отражено именно в "фамилии". Не знаю, насколько это вообще верно, но о. Иоанн свою фамилию, содержащую слово "христианин", полностью оправдал своей жизнью. И слава "вселенского старца" свидетельствует, прежде всего,

о состоявшемся его личном жизненном христианском подвиге. "Стяжи мир души, и вокруг тебя спасутся тысячи". И эти "тысячи", без преувеличения, стекаются отовсюду, чтобы самим увидеть, и удостоверившись увиденным, сказать то, что в Церкви составляет основу так называемого "Священного Предания": "Если этот верует, значит, Бог – Есть!". Вот что я вам скажу, дорогие мои: Бог – Есть! И хотя я уже знал это, случившаяся встреча с о. Иоанном, без сомнения, открыла для меня жизнь в Боге.

Ничего этого я не подозревал и не думал, когда "советом святых" - приходским священством - было решено и настоятельно мне рекомендовано отправиться в Печерский монастырь, под Псковом, для определения моей дальнейшей участи. Свезти меня "к о. Иоанну" вызвался относительно молодой в то время священник, а нынче знаменитый проповедник о. Дмитрий Смирнов. Весьма скептически отнесясь к моей фальшиво-благочестивой "святости", о. Дмитрий купил в Москве на перроне газету и предоставил меня самому себе и двум молодым летчикам, оказавшимся нашими соседями по купе. Лейтенанты после года службы ехали в свой первый отпуск на родину и были изрядно пьяны уже на посадке. Снисходительно глянув на тщедушных птенцов в новенькой офицерской форме из-под газеты со своей верхней полки, на которую он уже успел взгромоздить свое нешуточно богатырское тело, мой спутник вновь погрузился в заинтересованное чтение. А офицеры, едва сдав билеты проводнице, тут же достали початую литровую бутылку "экспортной" водки, распаковали немудрящую закуску: шпроты, колбасу, давленные буфетные яйца "в крутую", жареную куру в промасленной газете, соль в спичечном коробке и, конечно, пару лохматых бочковых соленых огурцов-желтяков, полных крупного несъедобного семени – и принялись угощаться. А также, к моему ужасу, не без ехидства потчевать меня, видимо, раскусив во мне привычный для печерских уроженцев вид монастырского паломника. Изрядно накачавшись, пьянея на глазах, они навязывали мне выпить водку из граненого чайного стакана и принялись было скандалить, приняв мою неуместную в подобной ситуации наигранную "святость" за обидную для них заносчивость. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы одному из них не вздумалось закурить прямо в купе. Почуввав табачный дух, великан-священник, отшвырнув газету, махом слетел с верхней полки и мигом, деловито и спокойно, одного вытолкал, а другого выволоч за шиворот в вагонный коридор. Аккуратно прикрыв дверь купе, в уголке которого, ни жив ни мертв, я сжался в ожидании побоев и позорного скандала, мой невольный заступник погнал горе-воjak по проходу пинками в тамбур, на ходу внятно на весь вагон объясняя им правила приличного поведения в общественных местах. Я был в нешуточном страхе. Однако, против моих ожиданий, никакой особой неприятности не стряслось: полчаса спустя все трое вернулись назад в мирном взаимном расположении, и вполне пьяненькие солдатики были уложены бай-бай священником, как доброй няней, только что без сказки и колыбельной песенки. После этого, глянув на меня довольно свирепо, батюшка проворчал невнятное и потому оставшееся без ответа "спокойной ночи". Погасив верхний свет, он завалился на застонавшую под его весом полку и принялся вновь за свою изрядно вытопанную офицеровыми сапогами газету.

В три ночи был Псков, и сквозь марево неверной дремы до меня дошло, что купе опустело: военные, вполне протрезвев, тихонько, дабы не потревожить соседей, покинули поезд, чтобы утром явиться в областную комендатуру – таков был распорядок для офицеров-отпускников.

А через час я был неласково растолкан моим суровым спутником в крошечной тьме тягучей декабрьской ночи: пора было сходить и нам, поезд подходил к станции "Псковские Печоры".

И вот тут, в момент, когда я из тусклого тамбурного света ступил на присыпанный снегом смутно белевший в неразогнанной дальними станционными фонарями тьме перрон, на меня напал непередаваемый и необъяснимый ужас. Страх, наравне с сырой зябью заползшего за шиворот мозглового ночного воздуха, заполнил душу беспросветным туманом тоскливого предчувствия, грозившего мрачным бедствием, ожидавшим меня здесь, в этом неуютном месте. Мне стало отчетливо невмоготу, нестерпимо захотелось бежать отсюда все равно куда, и я с тоской взгляделся в темную даль, по ходу поезда, покотившего мимо нас дальше, в Эстонию,

которая, при всей ее ненужности, вдруг показалась мне желанным прибежищем еще возможного бегства. Однако поезд уже набрал скорость, мелькнули мимо темной чередой зашторенные окна, запертые тамбуры тусклыми полосами упавшего на снег желтого света прочертили оставляемый перрон, проводница последнего вагона, смотав в трубку сигнальный флажок, закрыла за собой тяжелую остеклованную дверь – и закачались, неспешно удаляясь, красные хвостовые огни, а я остался на пустынном перроне и покорно побрел вслед непреклонной спине моего столь завидно уверенного в себе провожатого.

Ни яркий электрический свет, ударивший по глазам в станционном зале, через который мы прошли к ожидавшему ранних пассажиров первому рейсу, ни слабое тепло и мутный свет в салоне автобуса, пробиравшегося сквозь стылую мглу предместий в городской центр, сосредоточенный издревле вокруг монастырской ограды, не могли ничуть разогнать тоскливый мрачный сумрак моего застрявшего на ужасном, неодолимом желании сбежать настроения. Ввиду запертых глухих ворот, упрятанных в черный мрак воротной ниши, выбитой в монолите неприступной крепостной башни, темной бесформенной глыбой вставшей у нас на пути от конечной остановки, мой беспричинный ужас только усилился. Пришлось ждать с полчаса на морозе, в полной тьме, в окружении безмолвных закутанных фигур, беззвучным движением ради согрева похожих на кружащие тени, пока отопрут узкую калиточную щель в неодолимом железе ворот. Протиснувшись мимо насупленных привратников, попадаешь под мрачные своды, ведущие вниз, вниз, меж рядами мерцающих в стенах крохотных звездочек лампадных огоньков, и выводящие в сгустившуюся тьму глубинного, теряющегося в придонной мгле, овражного провала. В самую пору было вспомнить Данте, да замерзшая память не ворочалась.

Стылый ужас начал меня отпускать не скоро и не вдруг, но по мере увеличения количества тепла и света: когда уже развиднелось за окнами причудливого приземистого храма, полного уютного баюкающего печного согрева, в котором, разомлев, я продремал, стоя, раннюю литургию. Когда вышли на забеленный снежной падью монастырский двор, полный веселого гомона и глухого мерного шарканья фанерных снеговых лопат послушников, сгребających свежий снежок, ударили колокола, залиvistым звоном сзывавшие всю округу спешить ко второй, "поздней" (в восемь утра), службе. Зимнее солнышко, чуть взойдя над дальними лесами, раскинуло лучики неяркого красноватого сияния на поднебесный мир, изменив его, и сделав совсем не страшным, но радостным, сияющим, и полным надежды на лучшее, на то, что все в жизни будет хорошо.

Отстояв вторую службу, мы разошлись: я в плотной кучке жаждущих "видеть старца" дождался на дворе у заветных дверей, а о. Дмитрий на правах знакомства со священниками прошел в Алтарь, чтобы "предварить" запланированную встречу и беседу. Ждать пришлось довольно долго, и хотя по-прежнему морозило, мне было заметно веселее, и я потихоньку стал прислушиваться к диковинным разговорам в толпе людей вокруг меня. Говорили, например, про какую-то отчитку и про "отца Адриана", "которому новый Владыка опять запретил отчитывать. А людям-то с бесноватыми, которые к последней надежде приехали, куда теперь деваться? Небось, сам-то Владыка за отчитку не возьмется, да и бедный человек к нему не больно-то попадет. От них, небось, сочувствия долго не дождешься, от начальства-то. То-то и оно", - "да грех тебе будет, Василий, архиереев-то осуждать. Владыки, они люди Божьи, святые, им видней, а ты кто? Вот гляди, не примет тебя Батюшка, прознавши, что ты опять Владык осуждаешь. Как тот раз, когда ты про Патриарха говорил, что он с коммунистами-безбожниками побратался и предал Христа – тебе Батюшка, выйдя, благословенья не дал, прозрел, что ты хулител", - "Да, пошла опять молоть, дома надоела. Батюшка тогда больной был, мало кого благословить успел, пока монахи нас оттеснили от него".

Дивуясь на эти темы, я пропустил момент, когда открылась заветная дермантиновая дверца в низенькой предалтарной стенке, из которой ртутным шариком выкатился очень живой и подвижный пухленький старичок в здоровенных очках и седых развевающихся космах, торчащих невпопад и вразброд из-под острой нелепой шапочки, немного похожей на лыжную и чудом державшейся где-то у него на затылке. Он оживленно разговаривал, обращаясь к слегка

замешкавшемуся в явно не по его росту дверях о. Дмитрию, моему давешнему спутнику. Не делая ни малейшей паузы, отец Иоанн (это был он) продолжал говорить, обращаясь теперь непосредственно к ожидавшим его людям, которые, подавшись единым движением, взяли его в кольцо и продолжали обступать все плотнее. Он же, нимало не смущаясь таким вниманием и чувствуя себя вполне естественно, как рыба в воде, приветствовал знакомых, с кем-то обнимался, говорил с одним, при этом благословляя рукой подошедших с поклоном, наклонясь, шепнул на ухо женщине, целовавшей его руку, и походя ожег меня быстрым оценивающим взглядом: мол, кто таков, что за птица? Люди отходили утешенные, с радостными улыбками, с отогретыми лицами, как будто на улице вдруг потеплело, дохнуло жилым духом. Толпа заметно стала редеть, образовался свободный проход, можно было двигаться. В это время справившийся наконец с дверной докукой мой батюшка выхватил меня из зазевавшейся кучки разинь и поставил прямо перед собравшимся было идти и уже сделавшим шаг в обход впавшего в столбняк "Василия" отцом Иоанном. "А, это тот самый грешник, который себя праведником так скоро возомнил", - весело выпалил, смеясь, Батюшка и, приобняв, добавил: "Да ты не обижайся, я сам грешник. Здесь все грешники", - он быстро повел вокруг свободной рукой, а другой крепко взяв меня под руку, потаранил с неожиданной силой впереди себя через окружавшую толпу. При этом он продолжал оживленно говорить, обращаясь уже одновременно ко всем: "Я вот тут, дорогие мои, на досуге подсчитал, что, оказывается я из своих семидесяти двух двадцать восемь лет проспал. А сколько еще "на все про все" бесплодно провел, и не перечесть. И как же Богу угодить, когда столько времени данной Богом жизни зря потрачено? Вот то-то и оно, милые, как пред Богом за грехи наши, да за праздность отвечать станем, а? Однако Бог милостив, и знает немощь нашего естества. Так что понадеемся и положимся всецело на Божью милость и Любовь Христа". На подходе к келейному корпусу, куда за батюшкой вослед направлялась вся оставшаяся вереница людей, надеявшихся задержать для своих нужд его личное к себе внимание, отца Иоанна остановила назойливая нищенка, с утра ко всем пристававшая со сказкой об украденных деньгах. В разное время ей на билет до Пскова уже дали и я, и о. Дмитрий. Теперь она опять завела ту же песню: "Батюшка, я приезжая, замерзла, дай денег на билет доехать до Украины, а то у меня в вашем монастыре все деньги покрали". Я уже собирался возмутиться, но Батюшка отнесся к ней на удивление участливо: "Что ты, милая, деньги разве могут согреть? Да они тебя вконец заморозят. Я вон уж сколько лет их в руки не беру и у себя не держу, монахам их иметь не положено. А на-ка вот тебе лучше просфорку. Да и ехать тебе никуда не надо, ты ведь здесь живешь. А иди-ка ты лучше домой, там тебя детки дожидаются. И по дороге водочку не покупай на деньги, что тебе люди подали, а купи-ка лучше деткам пряничков, да конфетку. Ну, иди с Богом, Бог тебя благословит". И, повернувшись к окружавшим людям, стал быстро с ними решать, кому чего надо. Порешав вопросы, всех отпустив, повел нас следом за собою в келейный корпус и, проведя мимо вахты, сказал о. Дмитрию: "Идите сейчас в трапезную пообедать с братией, и я вскоре подойду, вот поднимусь только в келию одеться полегче, да переобуться в тапочки – стар становлюсь, болят ноженьки. А вы после погуляйте, город посмотрите, сходите на вечеренку, да и приходите к шести часам ко мне в келейку – там и переговорим обо всем с вами. Ну, с Богом", - и поднял руку для благословения, под которое подходя, я поймал себя на мысли, что это благословение – Божье.

Когда вечером потемну шли к Батюшке в келью, я опять забоялся: а ну как прямо сейчас меня в монастыре навсегда оставят? И вновь окатила меня, теперь уже горячая, волна всамделишного ужаса, правда, кратковременного. Испугать себя всерьез я не успел, так как мы уже пришли. "Молитвами святых...", - постучав, прознес отец Дмитрий своеобразный местный "сезам", дверь беззвучно приоткрылась, и из нее глянуло на нас доброе лицо какой-то тетеньки. Я подумал, было, ошиблись, дверью, но это была келейница о. Иоанна, а следом уже спешил и сам он обнять и буквально втащить нас внутрь – такая била из него кипучая живая энергия, что все у него получалось с большой силой, я это заметил.

От того первого посещения Батюшкиной кельи осталось у меня ощущение нестерпимой белизны, царившей, как ни странно, в полумраке повсюду обвешанной иконами комнатки. Единственный свет, мерцающий и дрожащий, исходивший от множества горевших перед иконами лампад только ее подчеркивал, а сам Батюшка показался мне богатырем ничуть не

меньшим, чем едва вместившийся в келью о. Дмитрий. Сам я чувствовал себя рядом с ними таким маленьким, и вдруг слетевшая молодая спесь вернула забытое было ощущение себя ребенком в присутствии взрослых. Впрочем, Батюшка так меня и понимал.

Усадил рядом с собой на старомодный, с валиками, диванчик, обнял – как большая мама, курица-наседка цыпленка, под крыло взял – ощущение было ровно такое, это я отчетливо помню, и сказал: "Да ты не бойся, не опасайся, в монастыре мы тебя не оставим, ты же еще, смотри, совсем маленький, птенчик ты мой. Да и зачем тебе в монастырь? У тебя женушка молоденькая, хорошенькая, любит тебя, души не чаает. И сыночек махонький, ему и мама и папа, оба нужны. Ты сам подумай, как же они без тебя? Нет, в монастырь тебе ни к чему, это что-то батюшки наши мудреное удумали. А вот если, не дай Бог, семью потеряешь, тогда милости просим к нам, будем тебе рады-радешеньки. Да и так, с семьей приезжай, в монастыре побыть, душой отдохнуть, к святыньке припасть, прикоснуться. Меня, старика, попроведать. И письма пиши мне на адресок, что келейница моя тебе даст – Маша, адресок Тасин запиши ему (это келейнице, неслышно появившейся уприткрытой двери в соседнюю коморку). Не забывай старика, а я, как скучать по тебе стану, за вас Богу молиться буду. И ты, как меня вспомнишь, помолись. Вот и будет у нас с тобой – молитвенное общение".

Совсем не страшным и не суровым открылся мне на возвратном пути и мой давешний попугчик. Опоздав к поезду, мы ночь коротали на станции, полусидя на жестких диванах из гнутой фанеры. Спать было нельзя, да и невозможно за неудобством, и увлекшись, отец Дмитрий много чего порассказал мне об о. Иоанне: что в молодости он был женат, любим женой и счастлив в семье, но рано овдовел. Один поднимал детей. А на старость, как один остался, освободившись от житейских попечений, – поселился в монастыре, где Богу угодно было его прославить на весь православный мир.

Будучи еще приходским священником, Батюшка не угодил власти тем, что людям помогал, веру проповедывал открыто, книжки церковные нелегально издавал – за это его посадили. Сам он многим рассказывал, что когда сидел, молиться приходилось в уголку камеры или в бараке, при всех. Икон не было, так он молился на крестик из ниток, которыми была пришита пуговка на телогрейке. И говорил потом, что никогда больше так "Богу не маливался", как на ту пуговицу. За его молитвы стали люди в лагере к Богу обращаться, и видя такое дело, лагерное начальство удумало его извести. Нашли повод прицепиться и перевели его из политической зоны к отпетым уголовникам, к убийцам. Привели в барак, втокнули, двери заперли. Подошел детина громадный, весь по голу телу в наколках, и спрашивает: "Ты, что ли, "Батя" будешь?" (такая кличка у о. Иоанна в лагере была). Ни жив ни мертв, отвечает: "Я", - а сам думает, что тут ему и конец. А бандит-то, обернувшись ко всем, кто в бараке, говорит: "Кто батю тронет – сам убью, так и знайте, шакалы". Он за сделанное жестокое убийство срок отбывал большущий, а как вышел – к о. Иоанну в монастырь приехал, да так и остался, послушником на тяжелых работах: водовозил, дрова рубил. Так и живет при монастыре, уже старый, а все Богу кается и у всех, кого встретит, прощения просит.

Много раз бывал я впоследствии у отца Иоанна, посещал его и в келье: так, ничего особенного - все маленькое, старенькое, чистенькое, но обычное. И сам отец Иоанн, посмотришь на него – обычный старичок, маленький, кругленький. Но за этой обманчивой внешностью скрывался огромный мир великих свершений чудо-великана, гиганта духа, вселенского старца Иоанна, и до сих пор являющегося стратегической молитвенной силой нашей Церкви. Ибо "таковых послушает Бог".

Разговор двух священников

Теперь, после всех этих глав, я думаю, что друг мой читатель готов понять, чего же я хочу, зачем взялся написать все это? Надеюсь частично ответить, приводя именно теперь, а не с начала, разговор двух священников, который и подтолкнул мою мысль в направлении книги, которую теперь мы читаем вместе с вами. Если покажется скучновато, прошу потерпеть: диалог

этот важен для дальнейшего. Он, так сказать, "ставит задачу", определяя тему всей книги в целом. Тем, кто терпеливо прочтет, большое от меня человеческое спасибо. А я пока, чтобы не мешать внимательному чтению, постою в стороне, и помолюсь Богу за Вас, за нас.

о.О.: Ты знаешь, меня поразила беседа с одним монахом. Мы с ним разговаривали на болезненную тему о том, что монашество, соблазненное архиерейством, на сегодняшний день является болезнью церкви. Все это привело, с моей точки зрения, в общем-то, к вырождению монашества как попытке осуществления христианского идеала в индивидуальном порядке.

Что такое монашеское делание? Это попытка личности осуществить христианский идеал в своей жизни. "Моно", так сказать, как бы вне всякого подчинения кому бы то ни было. Это же выход из мира. Человека не устраивала именно навязываемая ему административно-иерархическая система. Он выходил из мира власти над людьми спасаться сам перед лицом Божиим. Вот что такое монашество.

Оно начало погибать гораздо раньше, чем состоялось как общественно значимое явление. А будучи соблазнено архиерейством, стало болезнью церкви. И на сегодняшний день именно, допустим, монашеское архиерейство, по сути дела (если смотреть на это с формальной точки зрения), является самой настоящей ересью.

Что такое ересь? "Ерео" по-гречески означает "выбирать", ты знаешь. Берем из Священного Писания то, что нам подходит. А то, что не нужно, отбрасываем.

С этой точки зрения монашеское архиерейство даже формально есть ересь, потому что оно прямо опровергает Священное Писание, где апостол Павел говорит: "Епископ да будет муж одной жены".

А Великий Собор постановляет, что епископ да будет монахом. Почему? Вот это самая потрясающая штука.

Когда я ему сказал об этом, он говорит: ты тут немножечко не прав. Почему? Потому что возникли проблемы в церковной среде, были наследники. Они потом приходили в церковь и говорили: мы хотим получить часть нашего наследства. И было непонятно: имущество это принадлежит родственникам или церкви? И преимущественно для того, чтобы проблему снять, был введен монашеский епископат.

о.М.: Извини, но это же большевицкий "принцип целесообразности". Т.е. мы отменим заповедь Божию, потому что нам так удобно. С точки зрения сегодняшнего дня это целесообразнее.

о.О.: А может, вместо этого стоило отменить имущество и запретить в церкви раз и навсегда имущественные отношения, коль скоро объявлено, что церковь – это само Царство Христа "не от мира сего"? Так зачем Ей заводится имуществом в "сем мире"? Спор, который многократно заводили в церкви истинные последователи Христа, святые мистики и нищелюбцы, и всякий раз бывали опрокинуты и опозорены теми, кто умел создать из церкви централизованную управляемую организацию, способную защитить себя и свое добро отнюдь не "силой Божьей", но кулаками, оружием, и неприступными крепостными стенами. Как теперь говорят: "Добро должно быть с кулаками".

Именно в результате развития имущественных отношений на сегодняшний день церковная иерархия совершенно выродилась и перестала быть церковью. А стала организацией, в основном, преимущественно политической и, вообще говоря, властью вполне светской.

о.М.: То, что произошло в церкви, допустим, со священством, - это полная катастрофа, потому что именно священство и епископат отринули, по сути дела, заповедь любви Христовой,

единственный в мире действующий закон с момента Воскресения Господа, заменив его административно-командной системой власти.

Я много лет пытался между священниками (ты это знаешь) как бы соблюсти любовь. Я пытался добиться этого сам со своими братьями и еще друг с другом их примирить, не зная и не понимая того, что это принципиально невозможно.

Не может быть никакой любви между священниками. А если и может быть, то не благодаря, а вопреки действующей в церкви системе отношений. Потому что она выстроена на других принципах: не на Любви Христовой, а на подчинении (совсем не добровольном), которое у нас называется послушанием. Т.е. это административно-командная система. Какая может быть любовь, когда здесь администрирование, когда священник нанят епископом на работу?

о.О.: Рыба гниет с головы. С точки зрения осуществления Любви Христовой иерархия полностью выгнила на сегодняшний день. И вся церковь держится на мирянах. Она держится на приходских общинах, где осталась свобода, где не удалось замкнуть административный круг.

Люди свободны на приходе. Они в любой момент могут сказать: нам тут не нравится, пойдем в другую церковь. И ничего с ними не сделаешь, никакими анафемами. Они просто не пойдут больше к тебе и не придут никогда. И вот в этом сила и надежда церкви.

о.М.: А изначально? Кто такой был епископ?

Не было же никакой иерархии. Господь сказал: у вас один Отец и один Учитель -Христос, а все вы - братья. И церковь - она составлялась апостолами с самого начала по принципу того, что есть христианская община, и один выбирается всеми – епископ – надзирать за благочестием. Где епископ - там церковь. Церковь – это приход.

Сегодня архиереи - это самодостаточная система, нужная только самой себе. На самом деле полнота церковная осуществляется на приходе священником со своими прихожанами. Где священник – там и церковь. "Где епископ - там церковь". Кто надзирает церковь, тот и есть епископ. А что касается опасений за "чистоту вероучения" - смехотворная очевидность того, что это используется как предлог для организации системы властвования над людьми, особенно отчетлива сегодня, когда по сути христианство нужно проповедовать заново. Но именно этого в нашей церкви никто делать не собирается, потому что свобода, в первую очередь дарованная всем нам Христом, очень не выгодна тем, кто создал такую хорошую систему, позволяющую иметь неограниченную власть и деньги лично для себя. Насчет вероучения: у каждого есть разум, совесть и Евангелие, написанное для всех. И есть Бог, который нас любит и Сам как-нибудь позаботится о том, чтобы не заблудились и не пропали те, кто держит путь к Нему. Не надо защищать Христа мечом, он Сам о себе позаботится, и о нас тоже. И не надо, жалея свое добро, как Иуда в случае с помазанием ног Христа драгоценным миром, делать вид, что заботишься о нищих, о благе ближних. Достаточно посмотреть на автопарк и хоромы наших иерархов, чтобы понять, с кем они: с Нищим Проповедником или с денежным ящиком его лукавого "ученика".

о.О.: Изначально каждый член церкви был священником, а епископа выбирали, просто чтобы следил за порядком. Но по благодати, по харизматическим дарам он не отличался, да и не мог отличаться от всех остальных членов церкви. Как может быть, чтобы помимо усыновленных Богом братьев Самого Христа – христиан – были еще какие-то "особо избранные"? Дух Святой сошел на всю Церковь только один раз и почил в равной мере на каждом Ее члене. Все христиане равны пред Богом, равны между собою. А иначе зачем приходил Христос, отменивший иудейскую богоизбранность? Чтобы утвердить новый вид иудаизма и кастового неравенства людей, и "родового священства", что ли?

о.М.: И, кстати, насчет законов и церковных правил. Разве не сказано ясно в Священном Писании, что Христос пришел исполнить закон Моисея, оказавшийся неисполнимым для человечества в течение 5000 лет, и исполнив, тем самым отменил его? Исполненный закон прекратил свое существование как довлевший над человечеством долг Богу. Христос отдал долги человечества, и настала Эра Милосердия. Поэтому любые юридические отношения в Церкви: законы, правила, уставы, предписания, и прочие "административные восторги" - являются абсурдом. И те, кто вводил в Церковь все новые и новые юридические и административные нормы, с самого начала были на ложном пути, увозящем христианство от Христа обратно в иудаизм, в ветхозаветную церковь. Те, кто делал это, начиная от апостола Павла, невзирая на авторитетность, заслуги, имена, звания, и даже личную святость – или обманывались сами, или сознательно обманывали христианство, увлекая его на гибельные для Любви Христовой пути формализации отношений между христианами. Об этом подробно писал протоиерей Николай Афанасьев в своей работе "Церковь Духа Святого". Читал? Прочитай, прошу тебя. Там еще говорится о проявлении в церкви юридического понятия "права" как абсолютно антихристианской сущности. Что интересно или печально, не знаю, как сказать.

о.О.: Это то, что я все время говорил. Я всю жизнь прожил и могу сказать только одно: я ничего не понимаю. Вот ничего не понимаю. Ясно только одно, что, если бы были простые ответы на эти вопросы, к которым так стремятся те, кто желает властвовать над людьми, то понимаешь - подвиг Христа был бы бессмысленным. Ведь непонятная и невыносимая задача спасения совершенно не выполнима для человека.

Невозможно спастись самому, потому что непонятно, что для этого нужно. Вот нельзя сказать: нужно это или то, и этого будет достаточно. Как в сказке: "Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что".

И когда мы говорим: нужно "жить в церкви" для того, чтобы спастись, - это такая же натяжка, как и все остальное. Потому что, если б можно было что-то сделать человеческими усилиями и через это спастись, тогда Христос зря приходил и подвиг Его не нужен. Мы сами с усами. Мы без Христа спасемся.

Спасение - это милость Божия. Только милость Божия и больше ничего. Да, при нашем произволении, желании: нам приходится кувыркаться, карабкаться, доказывать самим себе и Богу, что мы действительно этого хотим.

о.М.: Давай опять вернемся к той идее, которая двигала христианами где-то в 4-ом веке. Т.е. когда государство всосало в себя церковь. И церковь стала государственным инструментом. Когда цари приняли христианство на вооружение, что называется.

о.О.: Так вот. Видимо, дух свободы, который существовал и присутствовал в гонимой церкви, был нарушен. И люди вдруг почувствовали, что они утратили то реальное ощущение предстояния пред Богом, ежедневной жизни с Богом и спасения души, "святости", которое было присуще, допустим, первым гонимым христианам, и которое было изгнано именно "системой".

И они тогда стали выходить из мира для того, чтобы осуществить церковь и церковность в своей личной жизни. Вот такой личный христианский подвиг спасения. Т.е. в этом же был смысл выхода из мира. А не в чем-то другом.

Не было же до 4-ого века никакого монашества. И монашество - это осуществление христианской жизни в индивидуальном порядке. "Монос" - один, т.е. на самом деле: сам иду и живу пред Богом, один - в этом же основная идея первоначального монашества. И реакция на огосударствление церкви, на попытку использовать церковь для достижения земных целей.

о. М.: Ну и не только это. Я думаю, еще - и именно – "обмирщение" в том смысле, что когда церковь стала государственной идеологией, туда хлынула масса народа, которая церковь и

христианство воспринимало не как идею Христовой Любви. А лично оставаясь в языческом состоянии, примкнула к институту "государственной благонадежности", что ли, нисколько не утруждая себя духовными вопросами и поисками Бога.

о. О.: Да, правильно. Т.е. меч разделения, о котором говорит в Евангелии Христос - он проходит по какой границе? Кого с кем он разделяет? Он разделяет тех, для кого Бог является целью, с теми, кто пытается Бога использовать как средство для достижения целей вполне земных. Скажи?

О. М. Да, согласен.

О. Олег. И вот такой "меч разделения", когда он прошел по церкви, тогда из ее среды, из "мира", который влез в христианство под видом церковности, вышли те, кто искал Христа и шел за ним, оставив за собою "пуст дом" пришедшим в Церковь, чтобы "примкнуть и наестся". И так происходило всегда, много раз. Всякий раз, как Иуда, прознав, притаскивался за Христом с ящиком, чтобы собрать денежки. И всякий раз выгонял Христа и идущих за ним. Поэтому Церковь Христова, всегда будучи в пребывании со Христом, не разделялась, а делилось, как Он и обещал, иудино Царство сатаны, прикинувшееся на время Церковью, и тут же превращающееся на глазах в церковную организацию. Чем более церковь заорганизована, тем более она принадлежит иудину царству, которое, все время разделяясь само в себе, не устоит в Истине и падет, как бы она сама себя ни величала: например, РПЦ, или еще как. И заметь из истории: едва лишь все эти "РПЦ" "вознесутся до небес", как Господь, ушед и оставляя "дом пуст", предает их на заслуженное поругание и крушение. Только так можно объяснить нескончаемую череду катастроф, больше тысячи лет потрясающих нашу "Святую Русь", "Третий Рим", "Православную державу". Сперва татары аккуратно к моменту, когда Церковь "воссияла аки солнце по всей земле российской" - что ж, коль так угодно Богу, он не нашел средства защитить такое сияние от иноверцев и отдал православное царство в полон аж на пятьсот лет? Такое бывало в древнем Израиле, полоненном Вавилоном, как наказание Божие за языческое нечестие. Потом то же самое еще много раз: поляки, французы, пожегшие Москву с ее "сорока сороками" церковей. Наконец, последняя, "внутренняя" казнь – большевики – разорившие церковь дотла, до последнего, буквально, попа и епископа. И смотри, едва дали продыху, опять полезли, как муравьи на мед, отстраивать храмы на бандитские или ворованные чиновные деньги, как вавилонские башни, до небес, и "будовать" монастыри, которых уже понаоткрывали пятьсот штук, хвалясь один перед другим, кто больше. И это при том, что страна разорена, три миллиона брошенных детей бродят по улицам, а народ, погрязший в язычестве, и знать не желает, кто такой Христос, зачем Он жил на свете, и какой Он хотел видеть Свою Церковь, которую основал на Своей Крови, ценой Собственной Жизни. Ничего хорошего не ждет нас, если не попытаемся понять, чего же хочет от нас, "церковников", Господь. Что же все-таки Он пытается сказать нам всем через последовательное сокрушение налаженной нами "церковной жизни", давно не имеющей ничего общего ни со Христом, ни с Его Учением, и потому пустой, формальной, и совершенно безжизненной? И опять, к сожалению, на наших глазах превращающейся в государственную проформу и придаток политики, не более того.

Итак, мы хотим понять: Сам Христос - какой хотел видеть Свою Церковь? Для этого придется, в известном смысле, пройти Его путем, по Его стопам. За Ним, читатель!

Жертвоприношение Христа

Пришло время задаться вопросом, не решив который, невозможно двигаться дальше. А именно. Зачем вообще нужна Церковь, в чем смысл Ее существования и суть служения, которое Она несет пред Богом и людьми? И как относятся к Церкви люди, зачем они в нее ходят, в чем они видят смысл посещения храма? Вот вы, например, в церкви когда были в последний раз и по какому поводу?

Здесь, все-таки, мне кажется, нужно разделить: на тех, кто в церковь приходит по случаю, и собственно верующих. Потому что это два явления, казалось бы, совершенно разной природы.

Давайте сперва обсудим обряды и их поклонников – так называемых "обрядоверцев". Вообще, эту тему не перечерпать, о ней в пору писать отдельную книгу. С печалью приходится признать, что основу наших приходов составляют именно обрядоверцы самых различных толков и мастей. Так что здесь ее коснемся только вскользь, и потому заранее прошу прощения за некоторый невольный схематизм.

Итак, "обрядоверцы".

К их числу относятся, в первую очередь, почитатели "крестин". Для чего люди крестятся сами и, в особенности, крестят детей, в частности, младенцев? Да Бог весть, для самых разных причин, но только, к сожалению, не по вере. Спроси любого на улице: "Ты по вере кто?", - "Православный!", - "А в какого Бога веруешь?", - многие затруднятся с ответом; "Прочти Символ Веры", - и почти каждый спросит: "А что это такое?"

Сам я перекрестил еще в советские времена многие тысячи – я не преувеличиваю – людей, из которых никто в Церковь не пошел и не пришел. Теперь, когда стало невозможно ссылаться на "гонимость" Церкви, совесть больше не позволяет крестить кого попало только потому, что, решив почему-то креститься и придя для этого, возможно, впервые в жизни в храм, люди, заплатив, считают, подобно Остапу Бендеру, что: "Я покупаю самолет, заверните в бумажку".

Выдвигаемым сегодня условием принятия крещения является – всего-навсего – просьба предварительно прочитать Евангелие, причем в этом случае мы даже предлагаем книгу Нового Завета взять у нас бесплатно, в подарок. Потому что я убежден: тот, кто не прочел Евангелие, будь хоть трижды крещен, христианином не является и стать им не сможет. Зато, крестившись без Веры, станет с полным правом считать себя – "православным". И как только человек встречается в храме с необходимостью, помимо "оплаты услуг", еще и хоть что-то, хоть самую малость, сделать для того, чтобы получить крещение, – он разворачивается и уходит туда, где можно без хлопот приобрести крещение за деньги. И после этого нас еще обвиняют в торговле Таинствами: сами люди требуют от нас осуществления их законного права "купить товар", а встречая отказ со стороны священника следовать установившейся циничной и порочной практике, возмущаются, что им испортили праздник, и бегут жаловаться на строптивного попа церковному начальству.

Приведу пример, достаточно типичный, состояния христианского самосознания у наших православных верующих в церковной среде. Я все долблю-долблю в проповедях, что нужно читать Евангелие, и, видать, с годами – капля камень точит – как-то проняло, принялись-таки за чтение. Приходит пожилая женщина, наша прихожанка (может, и не самая прилежная, но в наш храм ходит постоянно), и говорит продавцу: "Я у вас Евангелие недели две назад купила. Не могли бы вы взять его назад и вернуть деньги. Я прочитала его, и мне в этой Книге совершенно ничего не подходит". Видели бы вы, как она была рада, когда ей двадцать рублей ее без звука сразу же вернули – как тут она церковь зауважала!

Т.о., за последние четыре года я так и не крестил никого, ни единого человека, исключая нескольких младенцев, родившихся за это время у наших прихожан, потому что все хотят купить крещение Бог весть для каких целей и никто не хочет ничего сделать, чтобы обрести веру. Вера никому не нужна, она только жить мешает.

Вообще, сама по себе вера - это дар Божий. И это дар, который предлагается всем без исключения. Каждый человек может быть верующим, если захочет.

Но как веровать в то, чего не знаешь? Какая может быть вера в Того, Кого ты знать не хотел и узнать о Нем не удосужился? И Дух Святой не соизволяет на таковых. "У верующего в Меня

потекут из чрева реки воды живой." А у наших крещённых нет веры. Вроде страна православная, крещёные все, а верующих нет. Я говорю, я тысячи людей перекрестил, и всегда старался с людьми о вере разговаривать. Приходит, например, 50 человек креститься. Ну как с 50-ю людьми, которые уже стоят с младенцами, переминаясь с ноги на ногу, станешь разговаривать о вере? Подходишь к человеку и спрашиваешь: "Ты в Бога веруешь?". Если мне человек чётко и внятно говорит: "Верую", - то я иду к следующему. Если начинает мяться – задаю следующий вопрос. И дело до анекдота доходило. Стоит взрослая девушка, 18 лет. Сама пришла в церковь, по своей воле, и хочет креститься. Я подхожу к ней: "Ты в Бога веруешь?", - "Да вроде, верую". Я задаю следующий вопрос: "А в какого Бога ты веруешь?". Она молчит. Я спрашиваю: "Ну как зовут Бога, в которого ты веруешь?". Она начинает мяться, ей сзади крестные начинают подсказывать. Я говорю: "Мы не в школе, милые мои. Давайте по-взрослому подходить". Она молчит. Я начинаю ей сам подсказывать: "Ну в кого ты веруешь? Во Христа, в Будду, или в Магомета?". Она подумала и говорит: "В Магомета". На это я ей говорю: "Тогда иди к мулле". И как крестить такого человека?

Во имя чего мы крестим людей? Для чего совершается крещение? Я перекрестил тысячи людей и ни разу(!) за мою священническую практику - Господи, помилуй мя, грешного! - у меня не было случая, чтобы ко мне подошёл человек и сказал: "Батюшка, я верую во Христа, крести меня, желаю креститься по вере своей". Буквально, не было ни одного случая за 20 лет. Приходят и говорят: да, нам надо креститься, мы хотим креститься. Начинаешь спрашивать: "Ты в Бога веруешь?", - , "Да, вроде верую немного". Как это можно веровать много или немного? Вера или есть, или её нет. "А почему вы хотите креститься?", - "Вот болеем", - или, - "нас сглазили", - или ещё какую-нибудь чушь. Например, частенько колдуны человека к нам посылают, говоря: "Знаешь, на тебе сглаз, порча, но мы тебе помогать не станем, потому что ты не крещённый. Иди к попу, пусть тебя покрестит, потом к нам приходи". То есть, иди, исповедуй Христа, прими Духа Святого, а потом приходи к нам для отречения от Христа и идолопоклонства, чтобы душу наверняка погубить хулой на Святого Духа и навсегда оставить без покаяния и примирения с Богом. И многие священники без разбора таких крестят в общей куче за деньги, для умножения церковного дохода, а ведь это Богохульство и глумление над Величием Божиим. И как только нас Бог терпит?

Однако, Церковь – не поликлиника. И исцеления, которые часто случаются в результате крещения, Богом посылаются во удостоверение, для подкрепления веры. Что же касается самого крещения, которое пытаются использовать в надежде отвести беду, болезнь, житейские неприятности или укрепить благополучие, то ничего такого Бог не обещает крестившимся: на христиан в равной со всеми доле приходятся все беды и несчастья нашего мира, недаром называемого "юдолью скорбей". А крещение лишь открывает для человека церковные двери, вводящие его в Вечную Жизнь, в которой уже не будет "болезней, печали и воздыхания". Но все это – уже "не в этой жизни".

Теперь, к примеру, венчания. С ними вопрос решается проще всего. Венчаются теперь редко: или люди действительно глубоко верующие и церковные ради освящения христианского брака, или же кто попало, как правило, молодые, первым браком, для "красоты" и ради пышной торжественности венчального обряда. Такие, как правило, мало о чем вообще задумываются, и половина из них через пару месяцев прибегает с разводным свидетельством в руках к батюшке "за церковным разводом". К сожалению, предупреждение о нерасторжимости брака они пропускают мимо ушей, как ненужную докучу, поповское "вяканье", и очень возмущаются, получив на свой запрос о "разводе" отказ со стороны священника и Церкви.

Возьмем также молебны, и среди них, в первую очередь, так называемые "водоосвящения". Многие люди приходят в храм за святой водой, и среди них немало таких, которые в Бога вообще не веруют и не задавались вопросом о вере: "Может быть, Бог и есть где-то там далеко, а нам нужна вода".

Сейчас очень много развелось "соблазнитель", которые, как обещал Христос, "придут в последние времена и соблазнят многих, чтобы по возможности соблазнить и избранных". Соблазном этого неверия является не полное отрицание существования Бога, а некоторая половинчатая позиция, которая очень любима и живет в сердцах многих людей. Я уже говорил, о том, как у нас любят говорить: "Немного верю, что-то есть!". Советская власть исполнила свою задачу, поставленную "отцом лжи", воспитав "человека нового типа" - так называемого "мага-материалиста". Это люди, воспитанные на некоей идее, что мир материален, но при этом есть неизвестные силы природы, всякие поля, науке пока неизвестные, которые несут информацию, и с их помощью можно исцелять, и над людьми властвовать. Сейчас почти никто не верит в Бога, но все верят в колдовство, в ворожбу, в экстрасенсорику, в поля и силы, объяснения которым нет, но ими можно воспользоваться, и, кажется, делать это совершенно благополучно. Однако в Священном Писании задаётся вопрос, который не мешало бы задать себе тем, кто верит в поля и пытается эти "поля" использовать в свою пользу: "Какой властью ты это делаешь, и кто дал тебе эту власть?". Это очень интересный вопрос: кто же эту власть дал, и откуда она взялась? Кто дал власть и силу исцелять, сглазить и потом "сглаз" "снять", "навести порчу", "снять порчу"? Кто дал власть "видеть", что на человеке "порча", и говорить: "Иди в церковь, поставь свечку кверху ногами, чтобы твои враги умерли лютой смертью"? Откуда все это?

Люди приходят в Храм Божий набрать воды и исцелиться от болезней с помощью полей и сил, которые науке не известны, но пригодиться в жизни могут. И потому: "Мы вчера ходили к экстрасенсам и колдунам, а сегодня Крещение Господне, и мы идём в Храм Божий набрать банку воды и заодно свечку кверху ногами поставить, как нам посоветовали колдуны и экстрасенсы". И, уйдя отсюда, так и останемся неверующими. Вода, которую унесём с собой, будет просто вода, которую можно набрать из-под крана, и сколько бы вы не похвалялись друг перед другом, что она стоит годами в банке в тёмном шкафу и не зацветает, толку из этого нет никакого. Потому что благодать Духа Святого, который освящает не саму воду, как таковую, "изменяя ее естество", но душу и жизнь человека, соизволяет снисходить только на верующее сердце. Церковь не магична, мы здесь волшебством не занимаемся. Освящение воды – это не магическое действие, что наведёт "на воду" поля и силы, которые вас сами по себе исцелят или помогут вернуть мужей, избавиться от пьянки и наркотиков, отвратить прелюбодеек от своей семьи...

Бог не "что-то", а по крайней мере, "Кто-то"! Бог – личность! Вы ведь тоже личности, а тем более Бог – это личность высочайшая, ни с кем не соизмеримая! Он, имея общение с каждым из нас, "по молитвам", то есть по просьбе: всей ли Церкви, или по чьей-то личной просьбе – Сам решает, прийти к человеку или нет, встретиться с ним или не встретиться, исцелить его, или оставить больным. Не вода исцеляет, а Господь, если Он того пожелает. Вода, которую вы унесёте в банках, будет для вас святой, целительной и полезной только по вашей вере. Когда вы будете её пить, вы будете вспоминать, что в этой воде крестился Христос, Который умер за нас, воскрес, чтобы и нас воскресить в Жизнь Вечную. Вот это воспоминание о Христе и является той святой связью с Богом, которая содержится в этой воде. При священнодействии, при освящении воды в неё входит Христос, крестится в ней, омывается в ней, оставляя в ней свою святость, и омывает ею наши с вами грехи. Мы, когда принимаем эту воду и вспоминаем подвиг Господа, освящаемся своей верой. И тогда Господь наш, Отец наш Небесный, видя веру в сердцах наших, соизволяет на встречу с нами и приходит, чтобы вселиться в нас и сделать нас Храмами Бога Живаго и Духа Святого.

Ничего отсюда не унесёт тот, кто верит в поля, в исцеления, в воду, кто поставит её в шкаф, считая что в банке с водой под пластмассовой крышкой запер Живого Бога. Ничего не будет там, кроме простой воды, которую можно вылить в раковину и набрать другую из-под крана и разницы не будет для таких никакой. Дух Святой "дышит, где хочет", Его не запрешь ни в шкафах, ни в банках, а обитать Он Сам желает лишь в верующем сердце. Не только у нас, но и у Бога есть свобода Его Воли, Он - не безликие "поля", "силы", "законы природы", которые можно "использовать" по своему усмотрению. Он Сам решает, что Ему делать, и с кем. А быть Он желает лишь с теми, кто верит Ему и любит Его, и их послушав, даст, если захочет, в том числе и исцеления даже неверующим по молитвам Своей Церкви.

Однако пора переходить ко второй части нашего исследования природы различных "вер". Помимо обрядоверцев, составляющих большую часть современных христиан, и именно христиан очень "внешних", есть еще не меньше людей, желающих "умилостивить Бога".

Мне как-то один священник жаловался, которому пришлось одно время служить в Грузии. Подкатывает, бывало, к церкви "мерседес", оттуда выходит грузин, заходит в церковь, покупает охапку (буквально) свечей рублей на двести – а тогда самая дорогая свечка рубль стоила, несет их попу, и говорит: "Батушка, свечи поставишь сам знаешь кому за мою сэмью и дэток. Вот тэбе пятьсот рублей, молись. А я потом заеду, еще дам". И не перекрестив лба, садится в машину и покатил, только пыль столбом. И "батушка" затосковал: деньги есть, а в храме никого, пусто – люди считают: есть поп, вот пусть он Богу и молится, он для того поставлен, а мы будем жить, как придется, зная что нами Богу сполна "уплочено".

Помню, где-то в в конце восьмидесятых, едва вышло церкви малое послабление, кое-где стали храмы открывать, и надумал один колхозный директор (председатель, как тогда называли) открыть церковь в дальнем селе, докуда дорога от "большака" километра три не доводит. Стал он, как тогда принято было, этот вопрос "продавливать": в церкви ремонт затеял, выделил для попа жилплощадь, половину в благоустроенном коттедже на две семьи со всеми удобствами, даже полставки "электрика" батюшке на содержание обещал. И начал каждую субботу звонить, а то и ездить в епархию: дайте, мол, нам священника. Вот и послал меня архиепископ обследовать на месте, нужен ли там постоянно действующий храм.

На разбитом церковном "козликe" по бездорожному размытому проселку воскресным днем после службы я пробрался к месту назначения лишь к середине хмуроватого весеннего дня. Сельцо невеликое, хоть и сильно разбросанное по краям живописного урочища, посередине которого пруд, и там же коровья ферма, местное "основное производство". Зайдя посмотреть церковь, прилепившуюся ласточкиным гнездом над заросшим буйным молодым лесом оврагом, от села несколько в сторону рощи с погостом, я обнаружил типичное для того времени состояние: кирпичный остов, зарешеченные глазницы оконных проемов, сгнившая, местами проваленная снегом кровля, немалые березы, давно уже пустившие корни в трещины на колокольне, решеточные "ребра" облетевшего купола и угрожающе покосившийся изъеденный злой черной ржавчиной крест. Посреди этого запустения следы недавнего "созидательного" посещения: новенький амбарный замок на сведенных кой-как вместе разбитых дверях, внутри какие-то трубы, древний электрочайник – "ремонт", одним словом, которого такими темпами за десятилетия не перечерпать, даже с помощью председателя.

Пошел я по деревне, стал в каждый дом наведываться и с жителями разговаривать, из которых, в основном, оказались старухи: старики до старости не дожили, пропали, спившись и надорвав здоровье на непосильной сельской работе; а молодежи в деревнях с войны не водилось иначе, как в дачное время. Был я в сапогах, подвернутой рясе с крестом, представлялся священником и беседы с женщинами записывал на диктофон, "во свидетельство" пославшему меня начальству. Жаль, что пропала эта запись, бездарно затерявшись по нерадивости служивых в недрах епархии – ибо это получился, что называется, "человеческий документ". Особенно на меня произвела впечатление местная доярка-"ударница", жившая одна в зажиточной нарядной хате с телевизором, холодильником и даже, хоть и немудрящим, но чистеньким крашенным туалетом типа "сортир" в сенях, "под крышей", что в деревнях, где до сих пор среди зимы бегают "до ветру" на двор в досчатые "латрины", считается предметом зависти и неприязни "к культурным". Так вот, эта "культурная" женщина очень была рада предстоящему открытию церкви. В селе постоянно проживало, как я выяснил, человек, примерно, тридцать. Из них женщин пять-семь, собравшись вместе, раза два-три в году выбирались "в церкву" в Медынь, районный захолустный городишко по соседству, в тридцати километрах. "Церква нужна, это точно", - заявила она категорически, узнав, в чем дело, - "и поп чтоб был свой, местный, а не гастролер заезжий".

– Ну, хорошо, а служба? Службу каждый день вести, или в неделю раз, или, допустим, раз в месяц?

– Каждый день.

– А сами-то вы каждый день на службу ходить станете?

– Не, я не могу, у меня без выходных в шесть утра дойка, и днем дойка, и вечером, – всего пять доек в день.

Я начинаю объяснять, что, дескать, у нее дойка, у других – свои дела, а церковь нужно содержать, ремонтировать, у батюшки семья, да и самому прожить нужно, и если каждый день, то служить-то придется, при тридцати жителях, что хоть раз в месяц (много!) в церковь придут с рублем на свечку – в пустом храме. Для кого? Для Бога, который все видит? "Так все же, как по-вашему, по-Божьи-то, будет довольно: каждый день, или раз в неделю, или в месяц раз?", – Она мне: "Каждый день. А нехай поп служит. Подумаешь, работа: пришел, кадиллом помахал, денежки собрал...". Так я и уехал ни с чем, пленку привез архиерею, на стол положил, и говорю: "Вот тебе, слушай и сам решай: нужна там церковь или нет". А вскорости председатель к церкви охладел, потерял интерес "к религии": новую нашел забаву барскую – коней водить. А квартиру попа он милиционеру отдал. На том все дело и кончилось.

Вообще, эта идея "откупиться от злого Бога", чтобы жить не мешал, ох как не нова: это идея ветхозаветная, и более того, вполне языческая. Обратившись к Библии, обнаружим, что в Законе Моисея Бог определил людям принесение "искупительной жертвы" за грехи: размеры и форма жертвования скурпулезно высчитаны в отдельной книге Священного Писания под названием "Второзаконие". Полагаю, что именно неистребимое желание заключить с Богом сделку и откупиться от Него, всегда присущее "ветхому человеку", вынудило саму идею Закона, то есть ограниченного набора жизненных правил, выполнение которых снабжает людей "праведностью", правотой пред Богом. А роль ветхозаветного священства заключалась "в ходатайстве": священник принимал "жертву", следя за соблюдением полной меры этих самых правил, "приносил жертву Богу" за людские грехи и молился о помиловании, "о жертве благоприятной". И, конечно, как бывает со всяким законом, вся дальнейшая Священная История Ветхого Завета была посвящена одной-единственной цели: как обойти требования Закона, и исполнив формальную сторону "сделки", выгадать, надув Господа Бога. Придуманные за тысячелетия способы схитрить были собраны "мудрыми евреями", раввинами, в специальную толстенную книгу, "Талмуд", содержащий "толкования", и совершенно вытеснивший из жизни "правоверных иудеев" сам Закон с его совершенно четкими и понятными велениями. Приведу пример. В Законе сказано: "в субботу (день "покоя", посвященный Богу) не переступай порог дома твоего". Но в гости-то сходить хочется, скучно дома сидеть. И вот богатый еврей нанимает "гоя", который, выпилив порог, носит его перед хозяином, куда бы тот ни пошел. Ловко, ничего не скажешь, но неужели люди всерьез надеялись, что так им удастся провести Самого Бога, оставив Его "с носом"? В этом, безусловно, проявилась примитивная природа языческих верований в "богов"-истуканов, за каменной спиной которых можно делать что угодно, так как идолу каменную шею не поворотить.

Таким образом, ветхозаветное священство функционально сомкнулось с языческим жречеством, видимо, в определенной степени исторически порожденным именно слепым внешним подражанием языческих народов ветхозаветной "жертве" иудейского народа, жившего и являвшего среди "языков" принятые от Самого Бога "законные" ритуальные формы поклонения Божеству (вспомним, хотя бы, Христос говорит самарянке: "Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы (иудеи) знаем, чему кланяемся").

Ну, а Церковь Нового Завета, что, тоже унаследовала ритуальное "жертвоприношение" в качестве сердцевинной сути своего служения? По всему, вроде бы, выходит, что так оно и есть, именно таков акцент, на который церковной иерархией на протяжении веков делается

главный упор во оправдание самой идеи существования в христианстве профессионального священства – так называемое "принесение бескровной жертвы".

Евхаристия как центр христианского общения с Богом

Первой клеветой, возведенной на Церковь от апостольских времен и продержавшейся даже "до сего дня", является издевательское утверждение, что Церковь заставляет христиан "поедать плоть своего Бога". Поэтому считаю целесообразным начать обсуждение темы совершаемого в Церкви Таинства Причащения с уточнения некоторых вопросов, связанных с такой прозой жизни, как вообще еда. Если посмотреть на само устройство нашего существования непредвзято, придется признать неаппетитный факт, в таком неприкрытом фразеологией виде способный повергнуть в шок не одних только гуманистов и "друзей животных": все мы, к сожалению, "трупоеды", то есть, и люди, и животные живут только за счет поедания, переваривания и поглощения мертвых тел своих ближних. Для человека это, в основном, тела "братьев меньших" или, в крайнем случае, грибов и растений, существ тоже, несомненно, живых. Но даже если бы нам пришлось грызть камни и кушать землю, парадокса избежать не удалось бы, так как все творение Божие, включая так называемую "неживую природу", в конечном итоге есть жизнь, бытие – как по представлениям самой прогрессивной научной мысли, так и согласно древнему учению Церкви. Почему это так, и устроено ли так Богом или еще кем-нибудь – вопрос, хотя и совсем не праздный, но я его оставляю пока без ответа, чтобы не уклоняться совсем в сторону от темы: для меня важна констатация имеющего место указанного факта бытия, а толкования пусть остаются ученым богословам.

Мучительные попытки разума примириться с проживанием бессмертного сознания в смертном теле, оправдать, а то и вовсе исключить столь неприглядную зависимость Жизни от смерти (как говорил известный Портос про поданную ему вареную курицу: "Я уважаю старость, но не в вареном виде"), осуществлялись религиозным сознанием человечества на протяжении всей истории. Взять хотя бы индуистское религиозное вегетарианство, при упоминании о котором мне невольно вспомнились две забавные истории, являющиеся, я думаю, хорошей иллюстрацией абсурдности искусственного отказа от "соучастия в убийстве", как индуизм трактует – еду вообще.

Мой отец, будучи в свое время военным атташе в Индии, рассказывал о случае, невольным свидетелем которого он явился по должности. Это был конец семидесятых, СССР активно продавал современное оружие своим союзникам на Востоке, и, в частности, Индии – за чай, тряпки и безделушки типа разноцветных бус и медных тазов причудливой формы, которые, наравне со вьетнамскими циновками, вдруг в изобилии стали появляться в бедных товарами советских магазинах. В Индию пригнали партию МИГов, и приехал советский пилот-инструктор, здоровенный парень-сибиряк богатырского сложения. Во время демонстрационного полета, на котором присутствовало все индийское руководство во главе с Индирой Ганди, а также советские дипломаты, этот летчик-ас умудрился не на шутку перепугать высокое начальство: заходя на посадку после "стандартного" акробатического воздушного шоу, он внезапно, на самой малой высоте, практически над головами высоких гостей, "затормозил" огромную машину, поставив ее, как взбесившуюся лошадь, "на дыбы", и дав полный газ, унесся ввысь, как ракета. Через несколько секунд он исчез из пределов видимости, растворившись вместе с самолетом в нестерпимой белизне раскаленного индийского неба и оставив за собой грохочущую волну форсажного рева двигателей, докатом сверхзвука разорвавшего знойный воздух и до контузии оглушившего зрителей. А буквально через минуту он уже, как ни в чем не бывало, катил мимо трибуны по полосе, зайдя на посадку "под солнце" и сев незамеченным при выключенных, "молчащих" турбинах. Выслушав от моего отца, подбежавшего к едва остановившемуся самолету, длинную тираду, состоявшую из одних лишь отборных матерных ругательств фронтального еще разлива, капитан неторопливо, по-медвежьи выбрался из тесноватой для его габаритов кабины сперва на крыло, затем неожиданно легко, подобно кошке, экономно спрыгнул вниз без всякой лестницы, и отдав честь старшему по званию, по-военному четко гаркнул: "Служу Советскому Союзу". После чего повернулся на каблуках: "кру-у-гом!" - и отправился

обедать в сопровождении забежавших вокруг него двух индийских летчиков, нимало не заботясь о последствиях впечатления, произведенного такой лихостью на начальство.

Во время парадного обеда, сидя на том конце стола, где "подальше от начальства, поближе к кухне", он съел цельную курицу, а затем, не насытившись, вторую. И когда тщедушный индус-пилот через переводчика, замирая, спросил, смогут ли они когда-нибудь тоже так научиться летать, ответил: "Сможешь, если будешь съедать за обедом две куры, как я, а не щипать, будто телок, одну траву, что у тебя теперь лежит в тарелке".

А вот случай недавний. Некоторые наши христиане, усвоив всякого из разных "вер", (как говорил герой Марка Твена Гекльберри Финн опять-таки о еде: "Наберешь, бывало, на помойке огрызков и объедков, перемешаешь, чтоб пропитались соком – и проскакивают не в пример легче"), начали подражать индусам в вегетарианстве, что в наших суровых краях совсем чудно смотрится. Один такой подвижник, наш близкий друг, недавно женился на милой женщине, имеющей обо всем вполне земные, простые представления и особо не утруждающейся высокодуховными нравственными изысканиями. При том, что она является искренне верующим человеком, еда для нее – лишь еда, о происхождении которой задумываться ей особенно некогда, потому что, "думай - не думай", а три раза в день нужно накормить мужа и сына-малыша. Так вот, она мне недавно жаловалась на исповеди: "Батюшка, принесла домой постом селедку, а он мне говорит, мол, зачем ты купила этот труп!". Воля ваша, братья и сестры, но это уж чересчур. Что называется в логике, "доведение до абсурда", которое мастерски проделал в одной из своих книжек наш любимый писатель современности и весьма язвительный человек, скрывающийся под псевдонимом Бориса Акунина на примере описанного именно православного подвижника. Подвижник этот, из "неофитов" (т.е. едва уверовавших самоуверенных всезнаек, которых нынче полно понабилось в церковь со своими категорическими "православными" мнениями буквально по любому поводу, о чем их никто и спрашивать не собирался), прослышав про Любовь Христову, внезапно воспылил этой "любовью" буквально ко всему живому, но не враз, а как бы по очереди, и сам о себе говорил: "Как только полюблю и пожалею и морковь с капустой тоже, тут мне и конец". Вот и пример "горя от ума", взявшись за который в вопросах веры, то, что сам жив не будешь, это полбеда (может, никто и не пожалеет) – но как бы и всех остальных за собой на тот свет не потянуть, для компании. А то и вперед себя толкнуть, как стало с Гоголем, которого, как известно, довел до голодной смерти "православный духовник" из монахов, сам почему-то при этом не поступившийся ни сытостью, ни довольством, отличавшими и тогда, как и теперь в особенности, "классные" монастыри от захудалых "заштатных".

Вообще, в умниках человечество на тот свет спровадить, в том числе и за счет религии, никогда недостатка не было, и если бы люди все исполняли буквально, что напридумано для "мирян" в наших "православных" книжках, в основном, для нас почему-то монахами писанных, мы со света за одно поколение исчезли бы вместе с монахами, которых тоже "мама родила". Однако, слава Богу, есть на свете такая необоримая вещь, как женское материнское здравомыслие, и им, а не благочестивыми предписаниями монахов и прочих умников, мир стоит и держится до сей поры. У каждого есть мама, и она имеет власть от Бога не дать нам сгинуть по заядлой глупости и взаимной злобе.

Однако, обратной стороной столкновения здравомыслия с "велиим благочестием" явилось полное отвержение современными людьми церковных порядков, как заведомо невыполнимых, невозможных, да и непонятно зачем нужных для исполнения в обыденной семейной жизни, а потому неприемлемых. И, через это, конфликта основной массы "народа Божия" с Церковью, в лице Ее рьяных служителей, ставящих в прямую зависимость от строгого исполнения "устава" саму возможность участия в "евхаристическом общении". То есть, по сути, священник решает участь "непостоящихся" "отказом от церкви". Вот яркий пример, являющийся типичным, и более того, по сути дела превращенный в некое "правило". Те, кто хоть раз ходил к исповеди, знают и смогут подтвердить. О чем, в первую очередь, заходит речь на исповеди? О посте, конечно: кто как соблюдал, и если не соблюдал, то почему? И заметьте, именно тема поста становится

решающей при определении, "достойн" человек причастия или нет. К примеру, женщина приходит в церковь исповедаться и причаститься. Батюшка ее спрашивает:

- Вы когда последний раз причащались?

- Да лет десять назад.

- А грехи у вас какие за это время были?

- Да не помню... аборты делала.

- Сколько абортов?

- Пять.

- Господи, помилуй нас, грешных! Хорошо, что вы раскаиваетесь в содеянном, ибо аборт - это убийство человека. Смотрите, больше так не делайте. Сейчас я вам прочту очистительную молитву, положенную женщине от осквернения (читает молитву).

- Ну хорошо, можно причащаться. Ничего не забыли? А вы постились, пост соблюдали?

- Грешна, батюшка, детки у меня, муж, семья. Не получается поститься.

- Пост надо соблюдать, церковный устав – это святыня. Без поста нельзя. Идите, недельку попоститесь, потом придете причащаться.

Так она и уходит – до следующего раза, опять через десять лет. Если, конечно, доживет – за десять-то лет всякое может случиться.

Аборт – это не просто грех, но страшное преступление, жестокое людоедское убийство дитя собственной матерью. Изуверская кривая ухмылка века, звериный оскал "гуманизма", сумевшего, переборов неодолимый инстинкт материнства возведением в абсолют соблазнительного принципа "самоценности" человеческой жизни, прежде всего, для самого ее носителя, убедить наших матерей, что детей любить не нужно, а нужно вовремя от них избавиться. Чтобы они, "проклятые, не мешали нам жить. Ведь наша жизнь – это главная ценность на свете. Моя жизнь – моя! Разве не так?". А как же жизнь другого – она-то разве не ценность? Выходит дело, что для каждого ценен только он сам? "Люблю меня, любимого" - главная заповедь "Антиевангелия", Новейшего Завета антихриста, грядущего в мир. А Церковь, на века запутавшись "в постах и молитвах", потеряла доверие людей настолько, что теперь, когда решается судьба мира, ничего не может противопоставить этой новейшей "пороповеди", потому что больше никто не слушает набившие оскомину безжизненные и оторванные от реальных запросов души, и людских проблем формальные поучения о посте и "благочестии". "Только зайнык был пайнык, и всех уговаривал", да никто его слушать не стал.

Так вот и случилось, что люди лишились Церкви, а Церковь – людей. И остались священники в гордом одиночестве, в окружении одних бабушек, для которых исполнение церковных правил и обсуждение с батюшкой "духовных вопросов" типа "поститься или не поститься, и если поститься, то как?" вполне подменило христианскую Жизнь с Богом и исполнение Христовых заповедей о Любви в жизни и на деле, превратившись в стариковский "клуб по интересам". А люди, предоставленные самим себе, живут, как могут. Подорвав их доверие невыполнимыми требованиями исполнения ненужной строгой проформы, Церковь вместе с доверием людей утратила данную Ей "власть от Бога": право и возможность сеять в душах "разумное, доброе, вечное", благовествовать о Христе, проповедовать Вечную Жизнь, звать в Небесное Христово Царство и помогать людям спасаться. Таким образом, на сегодня оказалось, что церковная "миссия – невыполнима!".

Между тем, у поста есть свое законное место в жизни, давно осмыслив которое, я имею дерзость утверждать, что несоблюдение поста вообще не может рассматриваться с точки зрения "грех" - "не грех". Это неверное отношение к посту как "норме закона", за неисполнение которого следует неизбежная Божья кара, как и многое другое, присущее ветхозаветной церкви, отменено Христом. Пост – это способ "угодить" Богу, возможность выказать Ему нашу любовь. Среди людей для выражения приязни и в знак благодарности существует обычай дарить друг другу подарки. Но что можно "подарить" Владыке мира, Творцу всяческих, которому одному законно все и принадлежит, что есть в созданном Им мире, в том числе, и мы сами? Только произволение, выраженное в каком-нибудь поступке. Это как в детстве, когда детьми мы рисовали маме ко дню рождения неуклюжие картинки и были счастливы видеть, как искренно рада она нашему нехитрому "подарку" - главным было, что дети для нее старались. И тогда человек говорит: "Господи, я так благодарен Тебе, и чтобы Ты знал, что я люблю Тебя не за что-то, а просто Тебя Самого, за то, что Ты Есть – вот, я готов на время отказаться от пищи, которую Ты даешь мне для пропитания, чтобы Ты знал и видел, что Ты для меня дороже пищи, дороже всего, что я люблю Тебя". Таким образом, пост становится для человека одним из немногих способов "одарить" Бога, которому не нужно лишать нас еды, которой Он Сам нас и питает для насыщения. А несоблюдение поста является не грехом, но лишь упущенной возможностью выразить Богу любовь и благодарность за все, что есть, в том числе и за "хлеб наш насущный даждь нам днесь". О добровольности в отношении соблюдения постов говорит и ап. Павел. Но Церковь, к сожалению, со временем вернувшись на привычную ветхозаветную дорожку "юридических" отношений со своими чадами и во всем "поворотив оглобли" обратно в сторону ветхозаветных порядков, не преминула и пост опять превратить в "добровольно-принудительное" мероприятие, отняв у людей ту самую добровольную возможность самим делом засвидетельствовать Богу свою любовь к Нему.

Что же касается еды вообще, и в частности, Евхаристии, то есть Таинства Причащения, то с первых дней и поныне возведенное на Церковь ложное обвинение в "людоедстве", в том, что Она "заставляет христиан питаться плотью своего Бога", при всей его нелепости, смехотворной отвратительности, будучи рассмотрено с самых общих позиций оказывается не лишенным некоего, правда, вовсе даже обратного, смысла. Ведь сотворение мира из ничего, явившись воплощением Божественного Замысла, тем самым облекло этот замысел в "плоть", в материю, и потому весь материальный мир можно в известном смысле считать "плотью Самого Бога". "Насущный хлеб", плоть тварей, данная нам в пропитание и вообще вся "еда" с высших позиций может рассматриваться как "причащение" животворящей Силе Божией, Плоти Самого Божества, дающей плотяной жизни силу и возможность для продолжения своего личного, "автономного" существования. И с этих позиций мы уже не "трупоеды", а причастники Божественной Природы, принадлежать которой остаются материальные, плотяные тела тех, кто этот мир покинул для продолжения бытия в мире бесплотных духов, потому что у Бога смерти нет.

Отсюда следует, что оставляя христианам для Причастия Свои Божественные Тело и Кровь под видом хлеба и вина, Христос ни в чем не приступил нравственных пределов, и никак не оскорбил ничьи возвышенные чувства выдуманном клеветническом "людоедством", на которое он якобы "склоняет", но как и всех остальных, и всегда, напитал христиан Своим Божеством.

Однако, "не хлебом единым жив человек", и оставляя на Тайной Вечери завет Евхаристии в хлебе и вине (а отнюдь не в человечине), Господь даровал нам в Таинстве Причащения Хлебом и Вином в "воспоминание о Нем" – Причащение Святым Духом, животворящей божественной Сущностью, осеменяющей и "обожающей" человека всякий раз, когда в воспоминание Господа он с верою принимает хлеб и вино во Имя Его, как Его Божество – и при этом сам становится чуточку "божественнее", что ли.

И потому Таинство: принимаем Хлеб и Вино, и через Них по вере таинственным(!) образом – то есть, никому не известно, как – становимся причастны Божеству Самого Христа, Святого Духа и Бога. Так что весь (и единственный) смысл существования Церкви – содержание в Ней, как в драгоценном сосуде, Тела и Крови Живого Христа для причащения верующих в Него.

Потому что неизбежная необходимость Таинства Евхаристии для христиан обозначена Христом в Его грозном предупреждении на Тайной Вечери: "Кто не причащается, тот не имеет части (участи) со Мною". Это значит, что христианам без помощи Причастия не прожить, и тем более, не войти в Вечную Жизнь, в которой навечно быть со Христом – заветная участь(!) "спасшихся". Все ли я понятно объяснил? Сам не знаю, но мне, во всяком случае, понятно.

Вот, вроде бы, и все, что касается Евхаристии и назначения Церкви. Остается сделать лишь замечание. Как-то в обнинской газете, которая, по обычаю еще советских времен так и называется до сих пор – "Обнинск" – была напечатана заметка про крестный ход, в которой местный журналист из недоучившихся "интеллигентов", "все знающих, и все – неточно", удосужился написать буквально, что "на Пасху вокруг Белкинской церкви носили мощи Иисуса Христа" - такой вот, извольте видеть, анекдот-с. Поскольку я не вполне уверен в богословской образованности уважаемых читателей, все-таки хочу объясниться, почему это невозможно: Христос-то – Воскрес! И Тело Его пребывает с Ним на Небесах. А вкушаем мы все-таки Хлеб и Вино (а вовсе не человечину даже в переносном смысле), которые есть Тело и Кровь именно Воскресшего Христа, воспринимаемые нами не зубами и желудком, а в Духе и Истине, по нашей вере. И причащаясь Воскресшего Христа, мы с вами тоже обязательно воскреснем. Так что приходите в церковь в ближайшее воскресенье(!) причащаться, вот что я вам скажу, дорогие мои, вместе со своими родственниками и детьми. Буду ждать.

Теперь, однако, про "бескровную жертву". Что за "жертва", кто ее приносит, кому и зачем она приносится, и как? Сейчас расскажу.

Я знаю человека, который много лет тому назад, будучи мирянином, привез батюшку на машине, (он был водителем) и сам зашел в храм, поглазеть. Он, будучи верующим, не склонен был к религиозным восторгам, высоким экстатическим переживаниям – ничего такого за ним не водилось. Просто зашел человек в Храм помолиться, лоб перекрестить. И что же увидел этот человек, самый обычный? Отверсты Царские врата, служит архиерей, идет евхаристический канон (он тогда не знал, что происходит, он человек простой, и рассказывал просто, поэтому его рассказ такой достоверный). Протоиерей возносит Святые Дары - знаете, когда поднимается Чаша и священник произносит: "Твоя от Твоих, Тебе приносящих за всех и за вся" - есть такая "формула Евхаристическая". Человек этот был далек от Богослужения, ничего этого не знал, на службу, если и приходил, то нечасто, и особо не вникая: постоит, помолится, да и ладно. А что там поют-читают на языке вовсе невнятном – поди, разбери. И вот он так-то стоит, и вдруг видит: протоиерей поднимает в алтаре как бы куклу-"голыша"! Он ничего не понял, но увидел большую куклу, как раньше, помните, были куклы-"голыши", без одежды. Он смотрит и удивляется: "Что это они в алтаре делают – куклу поднимают" – такие простые мысли. Постоял он, подивился, помолился Богу, как умел, да и пошел себе – батюшку в машине дожидаться. Ждать пришлось долгонько: торжественная служба, проповедь, потом обед парадный – он и выпасться успел, пока дождался. Поехали они назад в Москву под вечер, а путь неблизкий, ночь уже, темно, мести стало, дорогу переметает, того гляди, перевернешься, влетев в сугроб. Да и не видать ни зги. Забыл он про случай этот, внимание все на дорогу, а батюшка-то задремал. Ну, добрались все же, хоть и не скоро, но благополучно. Слава Богу! Подвез он батюшку домой, а тот зазвал его чай пить: целый же день в дороге, намаялись, намерзлились, хотел он отказаться, да куда там... "Пошли", - и все тут, - "Я деткам твоим гостинчика передать хочу". Пришлось подчиниться. Не любил он гостевать: дома жена, дети ждут, да и неудобно как-то, пропахшему бензином и в дорожной грязи в сановную квартиру заявляться (у тестя с тещей жили, а тот большой был чин в министерстве, и зятя с дочкой веру не одобрял). Пока он маялся без дела по богато убранной гостиной, дожидаясь чаю, о котором расхлопотались женщины-хозяйки, батюшка пришел, помывшись и переодевшись в штатское платье и вот тут-то дошел черед спросить его, а что, мол, сегодня за куклу в Алтаре поднимали?

- Какую такую куклу, где, когда?

- Да на службе-то, перед тем как Чашу выносить, перед Причастием. Вы ж там были, видели: архиерей громко к Богу взывал с поднятыми руками, а отец протодьякон в это время вознес двумя руками над головой, вроде, куклу-голыша, мне хорошо-то не было видно, я далеко стоял, все присматривался, присматривался. Но точно как гуттаперчевый голыш, большой только, обеими руками. Я еще подумал сначала, что за игра такая, а потом решил, может у архиереев так положено. Носят же протодьякона на патриарших службах (он, пока шоферил, много чего разного нагляделся) медные церковки в руках, когда кадят. Ну я подумал, может, и тут так полагается. Но куклу-то могли бы купить и побогаче, на заказ, что ли. А то – голыш гуттаперчевый, да еще голый, без одежды. Срамота перед людьми-то, не поймут они, зачем на службе в куклы-то играть. Чай, не дети малые, а важные служители.

А батюшка-то смотрит на него так пристально, дивуется. Смутился малый, совсем не знает, куда деваться, чувствует, сморозил глупость. Священник-то молчком прошел к себе, а тут их чай пить позвали, а батюшка: "Я занят, пейте без меня", - видать, всерьез рассердился, и видеть больше не желает – вот тебе и чай, да "гостинчик деткам". Ведь чуяло как сердце, что не надо бы ходить, домой бы надо. Нет, пошел, и попал же в переплет с людьми культурными, не чета, ему, дураку неученому. Чем-то, видать, обидел невзначай, не думавши. Так он переживал, не знал, как от чая того постылого отказаться, да и бежать. А женщины-то разлюбезничались, кудахчут, и невдомек им, как ему здесь не по себе. Насилу, было, вырвался, уже наладился в прихожую, одеваться – да и давай Бог ноги, не прощавшись. Да не тут-то... Вышел батюшка, и говорит: "Куда это ты так вдруг заторопился? А ну, зайди ко мне, не кончен разговор", - ну все, видать, что выгонит. Ни жив ни мертв, заходит. Полумрак. На письменном столе под лампой в круге света раскрыта книга. "Садись", - говорит, - "читай. Вот здесь читай, отсюда". Сперва не мог читать, все буквы прыгали. А как вчитался, начал понимать: это Христа-младенца, а не куклу, увидел он на руках у протодьякона. То было чудо! Которого никто другой не видел: ни архиерей, ни в алтаре стоявшее священство, но лишь он, простой шофер – так судил Господь. В книге был описан такой же древний случай с одним святым, который увидел во время Евхаристии, как ангел заколол Младенца, и подставленная чаша наполнилась Живой Христовой Кровью. Тут и до него дошло, как прежде до священника, которому рассказывал, что он видел, как поднимают на руках Самого Христа-Младенца! Который сейчас в жертву будет приноситься и умирать - за вас! Вот что происходит в Церкви, и это увидел простой человек своими глазами! Это дивное чудо, потрясающее событие! И видел это человек, который даже не понял, что он видит.

Так что "бескровная жертва", которая приносится в церкви каждый день – на самом деле, вовсе не бескровная. У Бога время не существует, и Евангелие – не история, а Книга Жизни, которая продолжает совершаться каждый день не понарошку, а взаправду, как сказано в стихе у Пастернака "до полной гибели, всерьез". И все наши затертые церковные речи про "искупительную жертву Христа", перестав быть исторической абстракцией, сразу встают на свое действительное место: для искупления грехов, творимых человечеством нынче, каждый день опять и опять умирает Христос, принося Себя в Жертву, чтобы спасти нас. Тут-то самое время призадуматься, друг читатель, какова на нас всех ответственность и каков будет спрос с каждого из нас: как оправдал своей земной жизнью самопожертвование умершего лично за тебя Христа.

Знаете, чтоб было всем еще понятнее, расскажу-ка про случай в войну. Попали люди в плен к немцам, и за побег из лагеря группы заключенных решили "фрицы", чтоб неповадно было бегать (эти нелюди всегда так делали), расстрелять каждого, допустим, четвертого. Вывели, построили, рассчитали, и: "шаг вперед!". Надо выходить, а то всем будет смерть, лютует немец, совсем озверел. И выпало в строю стоять мальчишке, который, попав в "четвертые", загоревал о матери, которая его не дождетя и с горя умрет. Как услышал это стоявший рядом пожилой мужик, он взял, да и переставил его потихоньку на свое место, а сам "четвертым" встал. И выходя, успел шепнуть мальчишке: "Живи, мол, не поминай, брат, лихом, и матери от меня поклонись, когда домой придешь, пусть Богу обо мне в церкви помолится. И знай, что я священник, бывший поп, так что придется тебе за меня Богу идти служить, как война кончится". Парнишка тот, из плена чудом вырвавшись (немцы отступить стали, хотели весь временный лагерь пленных расстрелять, да наши подоспели), сперва, как водится, в штрафбате "вину смыв

кровью" и за геройство орден получив – не брала его пуля, будто "заговоренного" – дослужился до капитана артиллерии. А как отвоевал, первым делом маманю попрощал, передал наказ своего спасителя, чтобы молиться за него, и испросил материнское благословение зарок исполнить. Пожив-побыв и распрощавшись с родными, он как был в капитанских погонах, при орденах, явился в полуразрушенный, брошенный монахами древний монастырь на границе с бывшей Тевтонией, да и остался там навсегда угождать Богу "иноческим житием". Когда собралась кое-какая братия: из уцелевших монахов, и так, пришлые, кто войной семью потерял, разные люди – избрали его игуменом, и пробыл он в этой должности до самой своей смерти, служба Богу "за того парня", за погибшего. Всем ясно? А то я все объясняю-объясняю, да боюсь, что сам-то ничего не понимаю.

Так что жертву за нас всех приносит Христос: Он и Жрец, он же и Жертва. А "бескровность" Ее – для нас, мы в пролитии Крови Христа хоть и повинны, но сами не участвуем: для людей это невозможно, непосильно. Поэтому – Таинство, а людям – безобидные, "бескровные" – белый хлебушек и капелька красного вина, чтобы помнили. И никакие "священники" - профессиональные жрецы и посредники между человеком и Богом - христианам больше не нужны, они здесь бесполезны, потому что за нас уже есть пред Богом Ходатай, принесший в Жертву Самого Себя, Господь наш Иисус Христос, наш единственный Первосвященник и Пастырь всех христиан: "едино стадо и Един Пастырь". Аминь.

Молитва и предстояние пред Богом

Нет, не обойтись нам вовсе без цитирования. Невозможно всерьез обсуждать наболевшие за две тысячелетия церковной истории проблемы, только рассказывая истории из жизни, и ограничившись одним лишь этим. Если хотим понять, какой Церковь виделась Христу – а именно это является нашей целью – придется нам время от времени заглядывать в Новый Завет, чтобы справиться: а что же говорил Сам Христос по тому или иному поводу?

Например, о молитве. Существует гигантское количество учений о молитве: как православных, так и вовсе нехристианских. Вообще, все на свете по-своему молятся Богу (всякое дыхание да хвалит Господа – сказал Давид) и поучают один другого, как это правильно делать. Так что и по этому поводу можно сказать, что "сколько людей, столько мнений". Например, существует йога, которая договаривается до того, что называется у них "самадхи" или "просветление", а на деле означает достижение через углубленное гипнотическое психическое состояние самовнушения полного "освобождения духа", по сути – физической смерти. Исихазм – православное монашеское учение о высшей аскетике – так далеко не заходит, но во многом йогой подозрительно напоминает, о чем в ученой монашеской среде веками велись жаркие (вопреки бесстрастию, проповеданному данным учением, как главное достижение добродетели), а иногда и яростные споры. Зачастую, с "оргвыводами" в отношении "неправых", в виде отлучений от Церкви, в том числе и посмертных, через века прославленной святости, как было, например, с Оригеном.

Кроме того, существуют сотни (буквально!) толстенных книжек, наполненных готовыми, кем-то написанными молитвами, состоящими из повторения скучнейших длиннющих периодов, читая которые, начинаешь невольно сомневаться, хватит ли у Бога терпения все это выслушивать в ожидании, пока доберемся до сути дела. "Читать молитвы" предписывается по тому или иному поводу буквально на все случаи жизни. Как всегда, незаметно проформа доводится до очевидного абсурда, один из ярких примеров которого находим у Лескова в "Соборях". В церкви "у ктиторова места лист был наклеен" (цитата), и в нем "кому (из святых) за что молебен петь положено" - читаем: "об исцелении от отрясовичной болезни – преподобному Марою; от огрызной болезни – великомученику Артемию; о разрешении неплодства – Роману-Чудотворцу; если кто возненавидит жену свою – мученикам Гурию, Самону и Авиву; об отгнании бесов – преподобному Нифонту..." - и так далее.

А что о молитве говорил Господь? Читаем в Евангелии от Матфея(Матф.6:5-14):

"5 И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6 Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

7 А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;

8 не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

9 Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

10 да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

11 хлеб наш насущный дай нам на сей день;

12 и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

13 и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

14 Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный".

Также, от Луки (Лук.11:1-13):

"1 Случилось, что когда Он в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих.

2 Он сказал им: когда молитесь, говорите: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

3 хлеб наш насущный подавай нам на каждый день;

4 и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

5 И сказал им: [положим, что] кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба,

6 ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему;

7 а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе.

8 Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит.

9 И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам,

10 ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

11 Какой из вас отец, [когда] сын попросит у него хлеба, подаст ему камень? или, [когда попросит] рыбы, подаст ему змею вместо рыбы?

12 Или, если попросит яйца, подаст ему скорпиона?

13 Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него".

Вот, собственно, и все учение о молитве, которое Господь Иисус Христос преподавал ученикам и Церкви на все времена. Потом, за две тысячи лет, каждый из "авторитетов" Церкви почел своим необходимым долгом добавить немножко от себя, и получилось такое, в чем разобраться впору только специалистам, посвятившим свою жизнь изучению церковной истории. Что же касается исполнения... Тут и взаправду впору "лист" составлять и на стенку в церкви вешать, как, кому и о чем молиться. И это при том, что все это "учение" к молитве, как таковой, о которой говорит Господь, видимо, вообще имеет очень малое отношение.

Вообще, я часто думаю, что от многих бедственных заблуждений людей зачастую охраняет и спасает – лень. Интересуясь какими угодно "духовными" учениями как таковыми, совершенно теоретически, мало кто, к счастью, пытался опробовать их на практике по причине прозаической: этому, как правило, требуется посвятить целую жизнь, и причем без каких бы то ни было гарантий возможного успеха. То есть, надо много и долго трудиться с неясной целью, и неизвестно, что получится, возможно, что и ничего. Таких энтузиастов встречается мало, и страшно подумать, что было бы, если бы семейные люди, прослышав о подвигах пустынников, о которых так интересно читать в книжке, лежа длинными зимними вечерами в теплых носках на диване у пышущей смолистым жаром печки, вместо этого, покинув дома и семьи, массово устремились бы в заснеженные поля и веси вести под знойким студеным небом "жизнь христианскую". Во всяком случае подражатели "отеческих преданий" нередко становятся (или изначально являются) клиентами психиатрических учреждений, а если и обходятся без специализированной медицинской помощи, все равно при встрече с ними всякому сразу ясна их "ненорма", ничего общего не имеющая с христианской "неотмирностью", но являющаяся результатом "сдвига" и "повернутости" на захватившей их всецело "идее". Таковы, например, многие навязчивые "сектанты", нацеленные, как боеголовка, насильно навязать ихнюю "веру" во что угодно любому попавшему в поле зрения.

Слава Богу, у нас речь не о психиатрии. Вернемся, однако, к учению Христа о молитве. В самых первых, Господь опровергает показную, прилюдную молитву, в том числе и так называемую "общественную" (например – церковную), как бессмыслицу, негодную Богу, ибо молитва – это личные, более того, глубоко интимные, тайные, отношения человека с Богом, требующие уединения, хотя бы, пусть, и внутреннего. Целью молитвы (мольба!) является всегда прошение (а иначе зачем Богу докучать?), просьба насущная, и потому неотступная. В то же время немногословная, ибо обращена к Всеведущему Богу, Отцу, Который любит всех своих детей, нас. Притом, есть прошения, обращенные не только к устройству земных дел и обстоятельств. Речь более идет о вечных нуждах души: спасение, вечная жизнь с Богом, освящение души и жизни Святым Духом.

Из Евангелия я, например, не могу припомнить мест, где бы Христос устраивал какие-то совместные моления с учениками. Когда Он имел нужду молиться, Он удалялся от всех, в том числе, и в тот роковой для Него час, который ученики умудрились проспять вместо молитвы, о которой их попросил Господь, уstraшившийся по немощи человеческого естества, искушения смертью.

А что же тогда есть "непрестанная" молитва к Богу, о которой упоминает апостол Павел? И что такое "жизнь с Богом"?

Прочитав церковные книжки как практический опыт тех, кто преуспел на поприще духовного христианского подвига, и пытаюсь исполнять их советы, я столкнулся с одним интересным противоречием, разрешение которого, затянувшись на целую жизнь, постепенно определило мое собственное отношение к молитве, которым и поделюсь.

Во всех читанных мною православных книгах говорится все время о "труде молитвенном", о "бдении", "подвиге". Рассказываются поучительные истории про святых, простоявших на молитве и протерших коленями углубления в каменных плитах и дыры в полах. С самого начала пришедшему в церковь навязываются "молитвенные правила", которые нужно исполнять неукоснительно, стоймя прочитывая десятки страниц ничего не говорящего ни уму ни сердцу текста, якобы ради воспитания молитвенного навыка. Длинные богослужения на непонятном языке, распеваемые речитативом до полной неузнаваемости необходимо выстаивать на ногах долгими многими часами. Зачем все это? Если посмотреть со стороны, создается нередкое у людей впечатление, что Церковь специально заботится обеспечить "угодные Богу" мрачные мучения, терзание и неудобство людей, а молитвенный "подвиг" и "угождение" Богу именно и должны состоять в том, чтобы терпеть все это. Ну хорошо, а с какой целью, спрашивается? Может, чтобы этими искусственными муками (мало у нас у всех в жизни терзаний от естественных причин, так еще и в церковь ходить, чтобы больше мучиться? Воля ваша, это какой-то мазохизм получается, только без сексуального удовольствия, которое извращенцы находят в самоистязании) заслужить вечное блаженство? А оно какое? "Непрестанное предстояние Богу", - нам говорят, то есть, что, постоянное Богослужение? "И будет вечная музыка"? "Нет уж, увольте", - скажут многие, и их можно понять. Как тут не вспомнить литературный персонаж, Гека Финна, которого взявшая его на воспитание вдова так достала строгими требованиями неукоснительного исполнения благочестивых порядков в своем доме, что он по простодушию считал за лучшее оказаться в аду с грешниками, чем с ней в ее раю, таком, каким она его себе представляла. В конце концов, он от нее сбежал, предпочтя и в этой жизни искусственному самомучительному благочестию обычные житейские невзгоды бедного беспризорника.

Помню, как-то, служа в деревенском храме пономарем у одного батюшки-"подвижника", скупулезно выполнявшего богослужебный устав, кстати, позаимствованный приходской церковной жизнью у монастырей, в которые собраны люди, ничем, кроме исполнения этого устава, не занятые, я на великопостных службах допостился и домолился до натурального голодного обморока, продолжавшегося более часа. Во время чтения "двенадцати Евангелий" вечером Великого Четверга я почувствовал, что медленно, но неотвратимо теряю сознание. Пока не поздно, я прошел под предлогом надобности в Алтарь (Евангелие читается на середине храма, и в алтаре в это время никого не бывает), и там завалился в углу, не успев даже присесть, разбил лицо о стоявшие там с Крещения ведра со святой водой и Пасху встречал с "фингалами" на оба глаза.

Напротив, первые мои, да и многих людей, Даром Божиим обретших веру, впечатления от познания Бога в молитве очень радостные и светлые. Помню рассказ одного пожилого уже священника, бывшего до крещения пьяницей и наркоманом, про то, как он стал верующим. Был он художником-диссидентом, ни работы, ни перспектив у него в смысле возможности творчества на "советской родине" не было, и стал он потихоньку спиваться. Жена у него была дочкой "засекреченного" академика, жили более, чем благополучно, а на "богемного" зятя смотрели искоса, как на дочкину причуду. Едва дал повод, стали склонять оставить "этого ненормального", хотя был уже к тому времени ребенок. Она заколебалась, начались упреки, скандалы, и он переселился в каморку при кинотеатре, где пристроен был малевать афиши ("халявское" богемное место советских времен, наравне с дворниками, в которых перебивала половина интеллигенции, и я в том числе). И, что называется, "завил горе веревочкой". Попойки с кем попало, неразбериха, но публика, хоть и пьющая, все больше "культурная": поэты, художники, актеры из захолустных театров – мелкота, но люди приятные, умные, и с "протестными" взглядами. Алкаши местные, "на побегушках" - как правило, из спившихся военных: кто в Чехии пулю схлопотал в тысяча девятьсот шестьдесят "проклятом", кто во Вьетнаме орден получил,

который надеть нельзя. В общем, публика интересная, теперь таких нет – люди мятущиеся и ищущие, сами не зная что. Естественно, разговоры "кухонные" ночами напролет обо всем на свете. И тут же водка, "дурь", а там и наркотики. И зашла по пьяни как-то речь о вере. Мой знакомый на запальчивый вопрос возьми, да и скажи не совсем стрезва: "А что, Бог есть. Вот, я, например, верую – есть Бог!". И рассказывает: "Просыпаюсь я утром в сильном похмелье: дурнота подкатывает, в висках ломит, во рту саднит – обычно в таких случаях, пока не похмелишься, жить не хочется. А тут – настроение хорошее, и в душе будто котенок пригрелся. Начинаю вспоминать, накануне что же было, чем дело-то кончилось, что с утра так-то хорошо, несмотря на жестокое похмелье? Ба, да я же теперь верующий, ведь Бог-то есть, как же хорошо-то, Слава Богу!". Бросил он разом свой кинотеатр и дружков своих в нем, имущество нехитрое – даже не похмелился. Как был нетрезв, заявился к теще (тесть на работе был) забирать домой жену с ребенком. А она-то была радехонька, сразу поверила и решилась, опрокинув всю мамашину заготовленную неприступность. "И пошли они ..., как по облаку", стали "жить-поживать, и теперь живут" - как в сказке. Вырастили семь ребят (семь "я" - семья), тестя с тещей, по примеру детей со временем обратившихся к Богу, проводили и похоронили по-христиански. Стали батюшкой с матушкой, глядя на которых, любой скажет: "Ну, коли эти веруют, значит, Бог Есть!". И к водочке с тех пор наш герой – ни-ни! – никогда больше не прикасался, но до сих пор считает себя, хоть и вылечившимся Божьей милостью, но алкашем и наркоманом, и возглавляет общество "анонимных алкоголиков", чтобы помочь другим выбраться из беды, к которой и себя считает всецело причастным. Такая вот история.

История не единственная. Но чуть ли не единственная со счастливым концом. Что касается меня, то я прямо свидетельствую: веру, которую лично мне даровал Господь "ими же веси судьбами", все годы моего пребывания в Церкви растаптывали все, кому не лень было – и уж "что выросло, то выросло". С первых дней жизни по вере, с первых неуверенных моих шагов к Богу Господь даровал мне радость общения с Ним. Именно радость – по-другому не назовешь. Радость эта настолько переполняла все мое существо, что я не знал, как ее выразить, на что обратить – и бежал в церковь. Выстаивая церковные службы, я молился без слов, без мыслей, одним лишь переполнявшим меня чувством взаимной, разделенной со мной любви и счастья "любить и быть любимым". Да, так можно проводить время на молитве часами, годы простоять на коленях, не помня себя от радости – и камни, не выдержав, сотрутся до дыр, а ты этого и не заметишь. Однако, недолго это продолжалось ("надо же, с таким счастьем – и на свободе" - это обо мне). Возможно, я выглядел странновато, по старинному присловью, буквально "носясь, как оглашенный (то есть только что принятый в церковь)". И, "опасаясь за мой рассудок", добрые мои наставники из числа вновь обретенных друзей-христиан поспешили отвести меня "к своему духовнику", как раз тому самому "подвижнику", враз осадившему мои "восторги" и на целые долгие годы погрузившему меня в беспросветную тоскливую мглу дотошного исполнения церковной уставной проформы. Не проговоривши со мной и пяти минут, "духовник" уже сразу поставил категорический психиатрический диагноз: "прелесть" - и запретил мне молиться Богу иначе, чем лишь прочитывать два раза в день "правило" в молитвослове, ни в коем случае не поддаваясь ни на какие "чувства", но мысленно гоня прочь все, что прямо не относится к чтению написанных слов. И радость моя куда-то пропала: я испугался, засомневался – и послушался. Тот, кто в жизни по малодушию предал первую любовь, поддавшись на уговоры "мудрых" родственников, поймет тоску и раскаяние, которые, взяв душу, никогда не оставляют ее. Первую любовь ничем не вернешь, а вторая никогда первой не будет. И ничто не затмит тоски по утраченному Раю, из которого изгнанный Адам непрестанно проплакал прожитую им без малого тысячу лет, так что слезы пробрили у него на щеках борозды, похожие на овраги.

Нет, не оставил, не бросил Господь – это я сам отступил от Него на время, испугавшись "авторитетного" окрика, как ребенок, застигнутый ночью с книжкой под одеялом. Прошло время, и освободившись из-под постылой насильной власти неумелого, неумного и недоброго самовольно навязавшегося мне советчика, не без душевных потерь обретя род свободы самому жить пред Богом, я вновь потихоньку стал привыкать молиться Богу. Но сама собой такая молитва уже никогда не получалась, и я постепенно приучил себя и привык – не молиться, нет – но жить в присутствии Бога. Я вспоминал о том, что Бог меня видит, сперва изредка, потом все

чаще, и когда думал о Боге – к Нему обращал свои мысли, Ему поверял свои горести, печали и заботы – и мне становилось легче от того, что есть Кому все это со мной разделить. "Возверзи на Господа печаль твою...". Так я научился молиться. И Учителем моим был Господь.

Потом я прочитал про это в книжках и узнал, как все это правильно называется. Но самое главное, что я узнал, было то, что опыт общения с Богом человек может обрести только сам с помощью Божией, а с чужим опытом, книжным ли, или "живым" - можно только сверяться, если хочешь остаться самим собой, а не стать чьей-то "тенью". И нечего бояться "прелести" тому, кто ищет общения с Богом, потому что коли есть Бог – а Он есть (вот что я вам скажу, молодые люди: Бог – Есть!) – то Самон как-нибудь сможет позаботиться о безопасности "грядущего к Нему".

Кстати, именно эта "универсальная" идея отвращала меня от практических попыток освоения разного рода "учений" о молитве и других видах "духовного делания". Я искренне недоумевал: зачем нужно трудиться осваивать какие-то специальные навыки в том, что, являясь Даром Божиим, Богом может быть дано человеку без труда, "даром". А если не дается так, то зачем нужно то, что Бог дать не хочет? И уж если искать что-либо очень желанное, то у Самого Бога, молясь Ему неотступно, чтобы Он дал это Сам. На том и порешили. Ничем особым не обладая: не будучи ни чудотворцем, ни пророком, ни "духоносцем", я тем не менее, всегда знал и знаю: "Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю" (Иоан.14:14) – сказал нам всем Христос на все времена, а Его слово не ложно.

Праздники

Праздники бывают разные: личные, семейные, народные, общегосударственные и даже всемирные. Религиозные и светские. Бывают праздники профессиональные. В недавние времена весьма почитались специфические партийные праздники, правда, нынче они вышли из моды и у большинства населения не в чести. На партийные праздники в учреждениях устраивались торжественные собрания, томительные и чрезвычайно скучные для обязательных рядовых участников, на которых зачитывались длиннющие ритуальные речи, весьма походившие на заклинания против всего остального мира в пользу обособленного мирка, являвшегося оплотом "всемирного коммунизма". Мой отец в таких случаях говаривал, что если офицер на партсобрании не засыпает через пять минут после его начала, то его нужно гнать из армии, так как у него нервы не в порядке.

А еще нас всех гоняли на всякие митинги, шествия и "демонстрации трудящихся", на которых "трудящиеся", то есть мы, проходя по Красной площади мимо трибуны мавзолея "нашего Ильича", должны были выразить свой восторг главным руководителям по поводу очередного торжественного празднования единства партии(они) и народа (мы). После этого все отправлялись закусывать: мы по домам водку селедкой, они – по спецбуфетам и правительственным резиденциям – французский коньячок икоркой и балыком. Так и жили: хлебушком вместе, а всем остальным, в том числе и праздниками, – врозь. Закусывая по домам, на кухнях, народ, не стеснясь, клял партию с ихними праздниками, на которые гоняют насильно, по разрядке, и попробуй, не пойди: живо запахнет "оргвыводами" - какой же это праздник, коли праздновать через силу и лгать, изображая восторги? Это, изволите видеть, не праздник вовсе, а дело самое будничное, привычно-постылое и совсем не интересное.

Однако так смело получалось не всегда. Во времена, которых я уже, к счастью, не застал, люди не осмеливались и дома, в кругу родных и близких, говорить что думают, и делать, что хотят. Довольно об этом уже говорено, можно и промолчать. Однако расскажу случай, бывший с моими знакомыми, верующими старичками, "во времена укромные" их молодости, когда каждый боялся каждого и бежал "в органы" прямо из гостей, чтобы донести первым, не откладывая на утро, которое любое могло стать роковым для зазевавшегося простофили – вот жуть, да? А ведь так в огромной стране десятками лет жили целые поколения людей, наших предков и родственников.

Итак, она звалась Татьяной (извиняюсь, но это правда). Будучи людьми верующими, на Татьянин день (25 января) наши супруги, как и во все остальные годы, отправились на службу в церковь, чтобы по принятому у христиан обычаю причаститься в "День Ангела", как еще иначе называются именины. А вечером были гости. Вот как она сама рассказывала:

- Веселье было в разгаре. Все уже порядочно выпили, закуска вся была съедена, и решили танцевать. Сдвинули стол к окну, разобрали середину комнаты, чтобы освободить простор для танцев. Тиша (так звали мужа) завел патефон, поставил пластинку, и – вальс! Я так любила танцевать вальс, тогда все его танцевали, очень было модно. Ну, кружимся, шум, гам, музыка заливают другие звуки, только вдруг слабо слышу, будто звонок тренькнул в прихожей. Вроде никого больше не ждали, но, думаю, может еще какой гость припозднился. Выхожу, как была, в платице, даже шаль не накинув, дверь открываю без боязни, без мысли – время не позднее, мирное, у меня именины, праздник, все меня поздравляли, подарки принесли, потому – настроение веселое, беззаботное. Открыла настежь, без цепочки. Стоят двое в коже, незнакомые. Здороваются вежливо и спрашивают, мол, что за веселье у вас, что, мол, празднуем? Я подумала, было, новые соседи, может, им музыка громкая мешает, говорю, мы сейчас потише сделаем, не беспокойтесь. А празднуем именины, Татьянин день. Берут они меня с двух сторон под руки, мол, пройдемте с нами. Я не поняла, сперва с веселья подумала: шутят. Однако, вижу, всерьез они меня тащат. Испугалась злодейства, кричать было принялась, да где там, музыка громко играет, не слышно в комнатах. А они мне рот зажимать стали и книжку красную, страшную такую, всем известную, с крупным гербом золотым на корочке, в лицо суют. "Молчи", - шипят, - "дура, а не то мы тебе покажем сейчас "кузькину мать" за сопротивление власти". Так и поволокли, в чем была: в платишке шелковом и туфлях-лодочках на босу ногу. И закатали меня на три года в Казахстан "за религиозную пропаганду". Там много с нами партийных жен сидело, которые, все потеряв, до того отчаивались, что за ними приходилось смотреть, чтоб рук на себя не наложили. Ну, и мы, верующие, кто там был, их утешать старались, указывая им на Бога, учили молиться. А своего Тишу я так и не видала, пока срок не вышел. Ни он, ни гости не знали и не видели, как меня увели. То-то он переживал: жена среди танцев пропала, может, с ухажером сбежала? (сменяются оба тихим старческим смехом и глядят друг на друга с нежностью – жизнь прошла, любовь осталась).

Однако наша речь все же о праздниках церковных. И здесь все тот же вопрос: как случилось и получилось, что нынешние церковные праздники вовсе не радуют, а более всего своей неуместной тягостностью напоминают – именно торжественные партсобрания застойных советских времен.

Ну, это еще большой вопрос, что на что похоже: церковь на партию или партия на церковь. В каком-то смысле, видимо, они навек "близнецы-братья; говорим "партия" – подразумеваем..." "церковь"; говорим "церковь" – "... подразумеваем "партия" – почти так написал певец революции Маяковский. Опять я отвлекаюсь, но прошу заметить, что все советское государство, и в особенности его авангард – партия – создавались и строились, пусть и недоучившимся, но семинаристом, которому никакого другого систематического образования впоследствии получить так и не довелось. Наверное, поэтому советские порядки так разительно напоминали гоголевскую бурсу. А прототипом компартии видится все же церковь с ее уставом. Возьмите хотя бы всеми нынче забытый "кодекс строителя коммунизма" – ведь это же библейские заповеди, но только без упоминания о Боге. Во всем чувствуется влияние несбывшейся мечты "отца народов" занять предстоятельское место на церковной кафедре – я не шучу.

Итак, о праздниках. Чтобы понять природу праздников вообще, пора, пожалуй, обратиться к истокам всего сущего: сотворению мира. Бог создал мир за шесть дней, а на седьмой день "почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал". (Быт.2:3)

Само слово "праздник" подразумевает именно "праздность", отдых, покой, который Бог освятил как "день Себе", чтобы люди не суетились без конца и могли просто отдохнуть – Он же

любит нас и жалеет, зная, что всем нам приходится нелегко. Вот и решил устроить нам выходной, чтобы до смерти не забегались. Если исходить из этого простого представления, то, пожалуй, все немедленно становится на свои места. Праздник – это, во-первых, отдых от обыденных и каждодневных трудов, а во-вторых, в нем всегда есть место для присутствия радости. Более того, настоящий праздник на то и праздник, чтобы можно было порадоваться в нашем плачевном мире. Да и общение с Богом призвано дарить человеку радость и надежду, которых ему так не хватает в жизни. Дарить – значит, даром, без труда – иначе какой же это праздник? Типа "демонстраций трудящихся", что ль? Почему же так не похожи на праздник наши обязательные посещения церкви по праздникам и воскресениям? И куда девалась должна быть в церкви радость праздничного отдохновения? Немало людей при случае подтвердит, что для них легче полный день тяжело отработать, чем провести положенные два часа, стоя на воскресной церковной службе. Все читали в детстве, как Том Сойер ненавидел церковные службы и скуку занятий в воскресной школе. наших теперешних детей тоже приходится тащить на службу чуть ли не силком. А это, может, главный показатель, что в церкви что-то серьезно не так, если в нее все, и особенно дети, ходят без охоты, по обязанности: "А король-то – голый!" – помните? И как же это должно быть обидно Богу, что христиане довели свое общение с Ним до исполнения скучной проформы, тягостной обязанности, от которой сами же они под любым предлогом стараются отделаться и отвертеться.

А каковы были праздники, которые праздновал Христос с учениками?

Начал Он с того, что пошел вместе с матерью к родственникам на свадьбу и там совершил Свое первое чудо: когда не хватило вина, Он в вино превратил воду, чтобы праздник не был омрачен скандалом и люди могли продолжать веселиться. И далее в Евангелии нередки упоминания о застольях. Фарисеи даже в связи с этим возвели обвинение и пустили сплетню, что "вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам". (Лук. 7:34) И, наконец, Тайная Вечеря, на которой происходит Первое Причастие верующих, и Христос заповедует всем христианам на все времена: "Сие творите в Мое воспоминание".

Поначалу так и шло: христиане собирались вместе на веселый праздник, совместную трапезу, за которой они вспоминали своего Учителя, праздновали Его Воскресение, и – причащались Хлебом и Вином, а после веселились. Может, кто когда и напился. И кое-кому, возможно, это стало казаться недостаточно торжественным, "неблагоговейным". Потому со временем решили от "агап" (так назывались домашние христианские празднества) отказаться, а причащение христиан перенести из домашней обстановки в более строгую, "пристойную" атмосферу специальных "молитвенных" собраний (по типу иудейских собраний в синагогах), для которых понадобились специальные церковные помещения, и – пошла писать губерния! Тут же стало появляться церковное имущество: здания, земля, на которой они стояли, утварь и многое другое, что уже есть у каждой семьи в семейном доме, где собираются приглашенные на праздник гости – всем пришлось заводиться отдельно для "церкви". Сперва, как общим для всех, "обобществленным" имуществом, как был устроен первохристианский общинный коммунизм. А когда он по причинам вполне житейским кончился плохо и плачевно (см. смерть Анании и Сапфиры в "Деяниях св. апостолов") и был тихо-тихо предан забвению его недальновидными строителями, церковная собственность, видимо, начала постепенно отчуждаться от самих христиан. И тут уж, когда появилось то, за чем надо следить, "надзирать": за имуществом и порядком его использования – понадобились распорядители (менеджеры, как теперь говорят). Так явились церковные "надзиратели" – епископы – бывшие в те "времена былинные" чем-то вроде нынешних церковных старост: они отвечали за "богослужение", обеспечивали его проведение всем необходимым и взяли на себя роль "хозяев дома", в который остальные христиане приходили к ним "в гости" на праздник причащения.

Заметьте, что сами слова: "богослужение", "служение", "служба" - применяемые в церковном обиходе, никак не связаны ни с праздностью, ни с радостью, но по всему означают суровые будни исполнения необходимого и почетного, но тягостного и трудного долга – иначе какая же это служба? В соответствии с этим все и оказалось постепенно устроено в церковной

жизни. Интересно, кто это все придумал, и зачем? Во всяком случае, все это напоминает отражение в кривом зеркале того, что делал и говорил Сам Христос: "Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих." (Мар.10:45) - и умывал ноги ученикам. Зато, наслужившись вдоволь, можно считать, что этим сделал для Бога вдвое больше положенного, исполнил долг - и свободен: живи, как хочется, празднуй и пируй, и можешь забыть о Боге до следующей службы, а ближним ты ничего не должен, это они тебе должны, потому что ты угодил Богу служением Ему.

Сдается мне, что все это и было "началом конца": жизнь со Христом постепенно подменялась "церковностью", с веками выродившейся в совершенно безжизненный ритуал, в который, как в гроб, была заключена и заколочена Живая Христова Жертва, из праздника жизни превратившаяся для современных христиан в тягостную и нудную обязанность.

Остается, пожалуй, отметить одну интересную противоречивую особенность нынешней церковной жизни: радость от посещения церкви и участия в праздничных богослужениях все равно остается, и, как поется в песне, "эту радость не задушишь, не убьешь". Но на сегодня эта радость от общения со Христом, от ощущения Богоприсутствия в душе ("жив Господь, и жива душа моя") является, скорее, "радостью преодоления" и душу освящает, как результат посещения церкви, не благодаря, а вопреки существующим церковным порядкам. "Смерти вопреки".

Равенство

Известный математик и замечательный писатель Зиновьев в самые глухие советские годы написал книгу, за которую его потом выгнали из страны. Называлась она "Зияющие вершины" и начиналась с описания лозунга "Да здравствует коммунизм" (или что-то в этом духе, точно не помню), установленного около одной из станций метро. Громадные стоячие буквы внутри оказались пустыми, и проломив их сзади, мужики устраивались в этих "домиках" с удобством на прихваченных по соседству дощатых ящиках выпить-закусить "на троих" после работы, а также использовали их по нужде под туалет.

Таким же пустым лозунгом в общем ряду кумачевых и плакатных прописей, глухим забором заслонявших от парадных взоров душевную пустоту идеологизированной советской житухи, было несбыточное пожелание "свободы, равенства и братства", стоявшее на первом месте коммунистических "предвыборных обещаний", цена которых сегодня известна каждому. Однако лозунг этот, как и многое прочее, коммунисты позаимствовали у масонов, от которых они ведут свой род, а те, в свою очередь, будучи детьми "отца лжи", украли его у Христа, как в свое время Денница у Иеговы, позаимствовавший эту идею для соблазнения "небесных" глупцов (я имею в виду падших ангелов) и организации первой в истории революции и восстания на Бога. Именно Христос, принеся Себя в жертву, открыл для человечества возможность осуществления на деле, в личной жизни каждого, этого идеала "всеобщего счастья". А организация жизненного примера для мира людей была поручена Церкви как сообществу христовых последователей и учеников. Можно сколь угодно ругать иудеев, масонов, безбожников, падшее человечество, происки дьявола – в оправдание того, что это не сбылось. Но все же сначала хотелось бы понять, почему всеобщее счастье не случилось в самой Церкви, в среде "святых Божьих", почему с самого начала Церковь не смогла дать миру убедительный пример деятельного воплощения "любви Христовой" в категории "свободы, равенства и братства" среди самих первых христиан, не говоря уже о последующих? Может, потому, что слишком уж старались дать именно всемирный пример "системы", построенной на "новых" принципах, вместо того, чтобы самим – каждому – жить по-христиански в своей обыденной жизни?

Поговорим хотя бы о равенстве. Нынче много толкуют о равенстве, в основном, "прав человека". С обывательской точки зрения, на сегодняшний день нет, пожалуй, более бессовестной и циничной спекулятивной компании, чем использование "прав человека" для достижения любых, самых бесстыжих и гнусных политических целей в "защиту прав человека" при полном и демонстративном пренебрежении самими этими "правами" со стороны

"защитников". Это очевидно известно каждому, сколько не дуди политики в свою гнусавую дудку.

А вот Бог желает всех сделать равными Себе. Да-да, не удивляйтесь. Собственно, Христос уже осуществил воплощение самой этой возможности на земле, именно путем воплощения в Человека уравнив Себя с людьми в земной жизни и побратавшись со всеми нами. Но высшей целью Бытия является именно возрастание до Бога, к которому Бог призывает всех Своих детей. В этом заключен парадокс устройства так называемой Небесной Иерархии: в центре Бытия – Бог, в приближении к Нему более совершенные Духовные Существа, поодаль – менее совершенные, и так дальше и дальше, до ада, где в кромешной тьме пребывают худшие грешники вместе с демонами. Ссылаясь на таковое устройство Божьего Мира, на утверждения, не знаю, кем впервые озвученные, типа "Бог не есть Бог хаоса, но Бог порядка", схоластическое богословие веками оправдывало укрепление права на неравенство в церковных отношениях между просто христианами (мирянами) и теми, кто "благодатью Божьей" был "возведен" на степени "высшего посвящения" от "Бога" и "Святого Духа". Цену всех вынесенных в "кавычки" утверждений мы обязательно разберем, но сперва постараемся все же понять для себя, в чем суть Небесного "неравенства" и божественный смысл "Иерархии". Боюсь всех запутать окончательно, но сам думаю, что никакого смысла для Бога устраивать иерархию нет и не было. Никогда. Исхожу при этом только из того знания о Боге, которое нам оставил Христос: Бог есть Любовь (а никакой не "порядок" или "что-либо" еще из придуманного людьми) – и это единственное доступное человеку знание о Боге, которое является тоже и моим собственным. Тех, кого любят, не станут отталкивать, не допускать или держать "на дистанции". Абсолютная Любовь Божья – абсолютно доступна. Но не всеми востребована в равной степени – в способности "вместить" заключен парадокс "Иерархии": каждый из Детей Божиих может приблизиться к Богу настолько, насколько сам способен. И Любовь Божья поощряет рост вместимости до бесконечности, до равенства Себе. Такой рост должен быть труден, как всякий путь Познания, и потому соблазн детского нетерпеливого "самозванства" в утверждении не осуществленного достижения породил из Денницы, Первоангела – сатану, диавола, возомнившего, что он уже достиг сравняться с Богом и поспешившего объявить об этом. Не утерпев далее любить Бога и желать большего Богопознания, этот шут сам себя отправил на задворки бытия вместе с теми, кто ему поверил, и теперь они там отдельно тренируются в "любви" друг к другу, "поедая" один другого и нас грешных человек в своей тщете насытить снедающий их "голод" – тоску по утраченной, самовольно отвергнутой ими Божественной Любви.

Я часто видел, в какой шок приводит людей простой и ясный ответ на вопрос: зачем вообще человеческие души нужны демонам и бесам, которые с упорством охотятся за ними и готовы, подобно Мефистофелю, веками исполнять фантастические причуды любого придурка ради того, чтобы в конце концов завладеть-таки его ничтожной душой – зачем, спрашивается? Потому что, увы, мы для них – еда, и только, всего-навсего. Этой "едой" является питающая всех без исключения Любовь Божья, не оставляющая человека и на дне адском, которую они отвергли из гордости, а украсть пытаются для насыщения, используя для этого души грешников и друг друга.

Таким образом, я думаю, для Самой Любви Божией никакого "установленного порядка" Небесной (а тем более, земной) Иерархии, видимо, не существует, а существует "самоустановленная" "иерархия Любви": ближние Богу, усовершенствовавшись в Любви, любят "дальних", и этим помогают им "расти" и "приближаться" - и при этом все равны перед Любовью Божьей, равно Любящей всех своих детей, всех нас – и нас с вами тоже, читатель. Вот здорово, правда?

Однако, "нездорово" оказалось в Церкви, среди христиан. И соблазн, опрокинувший Небо, не преминул потрясти Землю: чем любить всех и вся, показалось проще и удобнее завести и установить порядок, иерархию подчинения, где каждому "нижнему" полагается любить начальство по обязанности, а "высшим" нижних любить и вовсе не обязательно, но надлежит с них спрашивать исполнения порядка и обязанностей. Так со временем утвердилась на месте

Церкви Любви Христовой Церковь "великого инквизитора", описанная Достоевским в "Братьях Карамазовых": уйди, Христос, не мешай нашим удобным церковным порядкам, устроенным нами удобно для себя – а не то мы убьем тебя!". Что-то мне это смутно напоминает – уж не ветхозаветную ли Церковь во времена убийства Христа, покусившегося помешать первосвященникам и дальше использовать темную, непроявленную веру людей в Бога, чтобы хорошо жить самим? Не к иудаистской ли Церкви вернулись мы петлей, проплутав века без дороги после того, как сойдя со стези взаимной Любви Христовой, отправились кривой дороженькой лести и самообмана на поиски Порядка?

Чем же оправдалось заведенное между христианами неравенство "степеней посвящения"? Однако, не менее, чем "благодатью Божьей" и "явлением Святого Духа". Будет еще место разобрать детали наслоенной лжи и кривотолков, но об одном готов и считаю своевременным заявить прямо сейчас: из сказанного о Любви Божьей вытекает принципиальная невозможность "благодатного" неравенства. По факту – да, несомненно, все мы разные, и, может, именно этим так дороги Богу индивидуально, каждый сам. И все у всех получается по-разному: больше-меньше, хуже-лучше – но любят нас всех одинаково сильно и серьезно: "Христос говорит "люблю", и отпускает на свободу". И первые христиане понимали это, говорили, писали об этом – а делали и поступали, устраивая Церковь, зачастую, вопреки и наоборот. Не кто-нибудь, но сам Апостол Петр написал о христианах: "вы царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет". То-есть, все христиане – священный народ, заново, вместо евреев ("еврей" означает "священный") Богом избранный и освященный Святым Духом ради осуществления идеала Жертвенной Христовой Любви. Между всеми, кто, приняв эту Любовь, будучи объединен Ею в Единое Тело Христово – Церковь – не может быть разделен и разделяем на "лучшие-худшие", "избранные-обычные", "посвященные-непосвященные" никакими "особыми", "отдельными", "благодатными", "духовными" и прочими всякими "посвящениями" в неравенство прав в Церкви, "где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, раба, свободного, но все и во всем Христос" (Кол.3:11,) – то есть, все равны Христу, Который Сам уравнивал Себя со Своими братьями-христианами и Сам захотел, чтобы в Церкви было так. Так зачем же апостол Павел начал сперва "поставлять", а вскоре потом уже "посвящать", "рукополагать", "возводить в сан", "в священный сан" - "диаконов", "пресвитеров" и "епископов"? Чтобы был порядок, чтобы порядок был! А для того, чтобы никто не смел покуситься порядок опровергнуть или хотя бы усомниться в нем, понадобилось объявить его "священным" от имени "Святого Духа". Потому, может, и написал про себя сам: "Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Бедный я человек!" (Рим.7:24) (Рим.7:19)

Вообще, несмотря на грозное предупреждение Христа о непростительности хулы на Святого Духа церковные деятели во все времена смело действовали и говорили непосредственно от Его Имени: это ли не хула, не богохульство – нести, зачастую, ахинею отсебятину, приписывая ее происхождение вместо собственной самодовольной глупости и зазнайства – непосредственно Самому Творцу. И как только у нас у всех язык до сих пор не отвалился – видать, для того только, чтобы чертям можно было на том свете приколотить его гвоздями к раскаленной сковородке. И, конечно: утверждать среди первых новообращенных из язычников христиан ради удобного порядка управления "извне" (чтобы не терять "контроль над ситуацией" из самых лучших побуждений, разумеется, которые, несомненно, равно, впрочем, как и веские причины, были у ап. Павла) неравенство в "правах" епископа и прочих "мирян" (от имени Самого Святого Духа, через Его особое Явление, Соизволение, Снисхождение, Запечатление) было, разумеется, нечестно. Но удобно. Так сказать, функционально оправдано ("принцип целесообразности" – кто помнит?). Оно и понятно. Это как детей обмануть в больнице, что "не больно" - так называемая "ложь во спасение". По смыслу примерно то же самое, что "постное мясо" (мясо не может быть постным, оно есть "скоромная" пища, и постом употребляться не должно ни в каких видах, но человеческое лукавство объявило мясо без жира постным, то есть пригодным для еды в пост – оно же не жирное). Что-то мне все аналогии из талмудического иудаизма сегодня на память приходят – видать, неспроста. Так вот, есть иудейский анекдот, как приходит еврей к раввину с куском свинины (уже смешно, свинина для еврея нечисть, ее нельзя

не то, что в руки брать – о ней вспоминать грешно) и говорит ему, протягивая деньги: "Раббе, скажи "барух"(священное слово), чтобы свинина стала "кошерной". Примерно, как "постное" мясо. Или монах, которому запрещено правилами есть мясное, говорит, обращаясь к куску буженины, который, перекрестив, собирается съесть: "Порося, порося, превратись-ка в карася". Да, немало у нас общего с иудеями, у христиан-то, как я погляжу – не одни только "корешки", а пожалуй уже и многие "вершки", которые еще во времена своей земной жизни Христос определил как "мерзость пред Богом" и заповедал ученикам "беречься закваски фарисеевой". Не убереглись, однако...

Язычники, в отличии от иудеев, были с точки зрения "истинной религии" в Единого Бога, люди темные, непросвещенные, привыкшие к социальному неравенству, оправданному, как и многое другое, многобожием. Где им было быстро освоить учение Христа, пусть даже и по снисхождению на них Духа Святого при крещении. А жить годами с ними, уча их вере, апостолу Павлу было недосуг – надо было Христа проповедовать целому миру, обходя его пешим порядком. Вот и приходилось, выбрав кого посмышленнее, оставлять его "на хозяйстве". Но ведь надо как-то своего ставленника и поддержать: дай сразу несвоевременную свободу – будет анархия. А там, глядишь, и единство учения подорвется: начнет всяк учить по-своему. Бывало, кстати, в истории Церкви и такое бедствие неоднократно – всяко бывало за две-то тысячи лет человеческой неурядицы, что и придумать трудно. Так что прав был апостол, тысячу раз прав: неблагодарное это дело, лучше бы и вовсе за него не приниматься – благовествовать Царствие Небесное. И пришлось пойти на поводу у темноты остаточного суеверия бывших язычников: припугнуть их "посвященностью" ихнего епископа, нагнать на них немного страха возвышенным над ними "священным саном" - пусть пока побоятся да послушаются, а там, глядишь, как разберутся, да проникнутся истинным духом Любви Христовой, так и епископы станут не нужны. Может, кому и не нужны, а себе? – попробуй-ка, оттащи свинью от кормушки... Так навсегда все это и осталось, запечатанное за семь печатей с помощью "табу", нарушение которого теперь уже само расценивалось ни много ни мало, как "хула на Святого Духа". "И пронеслась эта ложь даже до сего дня". Смею думать, что, как и во многом другом, в этом случае Дух Святой был несправедливо оболган: "посвящение" было велением отнюдь не Его, но – коммунистического "принципа целесообразности", который с тех самых пор здравствует в Церкви и поныне. Как там написал "великий Ленин"? "Призрак бродит по Европе... Призрак коммунизма". А выбрел-то он – часом, уж не из церкви ли?

Вообще, как говорил бессмертный Козьма Прутков: "Глядя на мир, нельзя не удивляться". И удивительно смотрятся нынешние политические альянсы, от союзов-однодневок до создания партий, вещающих от имени народа. Например, что может быть причудливее объятий, в которые заключили друг друга г.г. Проханов и Березовский: "обнялись и заплакали" - хотя всем и раньше было понятно, что оба пройдохи. Это-то ладно, продажность – дело, как говорится, житейское. Но вот умудриться объяснить высокую идейность подобного "союза" с идеологически выдержанных позиций бессмертного учения марксизма-ленинизма – тут уж требуется не то чтобы даже незаурядное мастерство, а надо быть прямо-таки гением, навроче Резерфорда. Про которого есть байка, что он на защите диссертации сумел сперва объяснить изображение на перевернутом кверху ногами слайде, а когда перевернули обратно как надо, то, нимало не смутившись, все опять правильно объяснил и диссертацию успешно защитил. Гении, они такие. А уж у нас в России, где Левша блоху на коленке подковал, даже прохвосты – и те гениальные.

Что касается отношения вообще коммунистов к Церкви (да и к православному народу в целом) "во времена укромные, теперь почти былинные, когда срока огромные брели в этапы длинные", то нет лучше характеристики, чем дает пословица про волка, который, полюбив кобылу, оставил "хвост да гриву". Разные приводят цифры, например: 200 тысяч пострадавших священнослужителей; многие сотни тысяч известных на сегодняшний день новомучеников (а сколько безвестных?); или вот: десять миллионов "христьян", заморенных голодом, злодейски устроенным на Украине. Но бесспорно, что Церковь была практически стерта с земли, и даже сдав на милость победителю свои малодушные остатки, продолжала растаптываться безжалостно и неутомимо. Я сам помню, ребенком, как Хрущев, топая, по своему обыкновению, ногой на

Церковь, гремел на всю страну, что в восьмидесятом году покажет народу по телевидению "последнего попа". Правда, при этом не уточнил: живым или мертвым? – такой всем известный добряк. Однако, на счастье, к семидесятым его самого перестали по телевизору показывать. Но и я, выросши и повзрослев, успел, однако, уже сам будучи "в полах", прихватить "уз и темниц". И так вплоть до самой аж "кончины века", когда "Горби", затеяв демократию, пригласил в Кремль к тому времени заметно выжившего из ума Патриарха Пимена, посреди торжественного приема под телекамерами некстати запросившегося в туалет. Тогда и всех нас тут же позвали в местные райкомы партии, и – "лед тронулся, господа присяжные заседатели".

Многое списалось сегодня на ушедшие "годы безвременщины". Никто теперь и вспоминать не хочет, как Церковь в лице своих первоиерархов перед властью заискивала. Предлагая себя, будто девка-замарашка, с голодухи на все готовая. Когда, помню, Брежнев помер, на все приходы даже захолустные из Патриархии разослали срочные телеграммы с грифом "Правительственная", в которых попам строго наказывалось совершить заупокойные служения по преставившемся правителе, и разъяснялось, чтобы поминали его не "рабом Божиим" - Боже упаси! – а только как "новопреставленного Леонида". Оно и понятно, не пристало Генсеку КПСС чьим-то рабом именоваться.

Забыли наши Владыки и постарались забыть навсегда "Шурика", который первым встречал их в вестибюле приемной комиссии семинарии. И заводил речь о "бумаге", не подписав которую, и думать нечего об успешном поступлении. "Ведь вы же советский человек?..." Попробовавшие не подписать сумели убедиться в шуриковой лжи и, не замаравшись, до сих пор в церкви дослуживают поповскую долю "на свободе с чистой совестью". Убоявшиеся "не поступить" без помощи всесильных шуриков "молчальники – вышли в начальники", и стали еще тогда сегодняшними нашими Владыками и Князьями Церкви. Вот, кстати, почему они легко находят общий язык с нынешними банкирами, олигархами, высокими чиновниками и партийными демократами, свободно получают от них огромные деньги (или невиданные льготы для их зачастую весьма сомнительного приобретения) на "строительство и благоустройство святых Божьих церквей" – служили когда-то по одному ведомству, как говорится "рыбак рыбака" ... "ловись, рыбка, большая и маленькая".

Однако, нынешнее трогательное единство Церкви и коммунистов всех мастей – это уж, воля ваша, все же как-то чересчур, даже на почве суконного патриотизма, у нас почему-то все больше отдающего квасным коричневым цветом. Чем-то напоминает швейковский союз "кошки с канарейкой". При этом ведь никому же дорога-то в Церковь не заказана. Я имею в виду, в личном плане, не под телекамерами. Нет. Мы, говорят, по-прежнему, матерьялисты-ленинцы. Но Церкву уважаем, и пусть приносит народу пользу. Видать, нынче и от "опиума" пользе – быть.

Недавно я чуть слезу не сронил, слушая рассказ милой дамы-депутатши, бывшей актрисы, про то, как коммунист Зоркальцев пожелтовал здоровьем и только что не самой жизнью во время депутатских дебатов, спасая Церковь от происков "демократов" и отстаивая в новом законе о религиях (или об общественных организациях, не помню, шут их разберет с ихними законами) права церковной "властной вертикали". И сдается мне, что такая задушевная любовь к церковным порядкам у коммунистов неспроста родилась, не шкурная у нее природа, а совсем даже наоборот, именно что трогательная. Ностальгическая. Призрак коммунизма, забредя со скуки в церковь, вдруг почувствовал себя в ней привычно, как дома, и решил теперь стать верующим. "Дымок отечества нам сладок и приятен". Давно подмечено, что "Церковь" – система замкнутая и весьма консервативная. Лед, который, тронувшись при "Горби", давно уплыл по водам перемен в стране и в мире, в нашем тенистом тупичке так и не стоял. Вот и превратилась Церковь за прошедшие десять лет в "остров коммунизма".

Когда далеко за двадцать лет назад я впервые переступил церковный порог, вместе со мной, кто раньше, кто позже, в Церковь пришли замечательные люди, многие из которых уже в то время были, что называется, "совестью эпохи". Они считали своим долгом связать свою жизнь с Церковью, и служить ей еще и потому, что она была гонима. И в этом они следовали древней

церковной традиции исповедничества и открытой жизни по вере. Те из них, кто сегодня еще жив, зачастую говорят с горечью, имея в виду сегодняшнее духовное состояние РПЦ: "Для порядочных людей настало время "выходить из партии".

Есть такая евангельская притча об изгнанном демоне, как он "ходит по безводным местам, и не находит себе покоя". Тогда, возвратясь, находит свой бывший дом убранным, украшенным - и незанятым, пустым. Тогда берет "семь худших себя" и вселяется вместе с ними на прежнюю жилплощадь. И бывает это "хуже прежнего". РПЦ, избавившись от насилия "духа злобы поднебесной", каковым являлся одержавший ее семьдесят лет "призрак коммунизма", в суете "благоукрашения церквей" и в погоне за сиюминутным житейским успехом, забыла пригласить Христа, выдворенного при "шуриках" в изгнание, вернуться к Себе Домой, на Его законное место. Все эти годы прибранный церковный дом тщетно ожидал Небесного Жильца, о Котором давно позабыли его нерадивые слуги. И потому не удивительно, что, как написал Пушкин, "старый друг стучится у дверей". Кого он там привел с собой? Еще семерых, худших себя? Вот будет сюрприз!

Вот так и не сбылись – "свобода-равенство-братство" - ныне приписанные масонам, и оболганные в церкви, как лисичкин "зелен виноград". "А счастье было так возможно...".

Я извиняюсь за вольность ретроспекции, но, к сожалению, многое можно подтвердить документально, приводя десятки страниц ссылок и цитат. Желающих отсылаю хотя бы к нудной, но исчерпывающе-полезной книге Афанасьева "Церковь Духа Святого", а я пишу повесть. Печальнейшую. За мной, читатель.

Священный сан

Думаю, уместно будет привести незамысловатую повесть про "разницу в санах" простоватого деревенского батюшки. Вот его рассказ.

"Был как-то случай, надумал я одолжить в монастыре машину, самосвал – надо было привезти домой щебенки. Договорился с монастырским начальством, шофера попросил не опаздывать, а Кольку-завгара предупредить не сумел – не было его на месте, отъезжал. Да и невелика беда, соседи ведь недалекие, знакомы по месту общего жительства.

Подошло время, жду-пожду – нет машины. Видя такое дело, я "голоснул" на шоссе, и вынужден был согласиться за "втридорога" нанять "левака", чтобы вовремя вывезти свою щебенку. А не то – тью-тью, отдадут другому, и жди следующего раза, пока опять вагон завезут. В советские времена все было в дефиците – даже земля под ногами. Однако, выгадал – заплатил втрое, да нанервничался. Как гласит старая матросская мудрость: "Не выгадывай – прогадаешь". Прихожу в монастырь разбираться. А монастырь у нас – особенно в те годы был он позапущеннее – древний, и такой провинциальный, как бы домашний. Парада никакого нет, позаросло все травкой, по которой кое-где тропинки протоптаны: в туалет дворовый, или еще по какой нужде. На пустырях за зданиями разрослась лебеда, кучи когда-то брошенного строительного мусора поросли крапивой. Вдоль стен развалился лопух, занес мощные фиолетовые головы невиданный двухметровый репейник в руку толщиной, набравший силу на остатках неубранного, с годами перегнившего, навоза. И такая теплынь, тишь, солнышко пригревает, пара беспородных недоенных коров лениво бредут по двору в поисках мелкой травки послаще, и больше – ни души, дремотно.

В теньке под вязом притулился давешний грузовичок, вроде не сломан, не чинен. Сашка-шофер, завалась на сиденье, посапывает за приоткрытой дверцей, спит. В общем, благодать, да и только. И так эта премирная, привольная картина на меня подействовала, что расхотелось мне ругаться: пойду-ка, думаю, себе домой восвояси, лягу у себя в садике под сливой на раскладушку и выплюсь всласть, без забот. Надо же когда-то и отдохнуть, а то, вишь, лето проходит в бестолковых хлопотах незаметно. Повернулся было идти, да слышу в спину кряхтенье, затем

кашель с бормотою: "Ты, мол, батя, прости, подвел тебя, да Колька, лешак рыжий, забесился, что не спрошен, и не пустил. Пускай, говорит, сам придет до меня поклоняться". И так мне это необидно показалось по общей-то дреме, что, думаю, пойду-ка потолкую с ним по-хорошему, про житье-бытье наше с ним общее, деревенское. "Там он, под стенкой у крыльца в лопухах притулился, как мы бутылку красного в обед, сложась рублями, на двоих сделали". Иду к крыльцу, там Рыжий не спит уже и на меня с ухмылкой поганой из лопухов выставляется. Не хотелось мне уже и спрашивать его, но делать нечего, нос к носу принесли ноги, и я, как заученный, говорю, а сам неприятность чувствую: "Что же ты, Коля, меня самосвалом-то не уважил", - а он мне в ответ уготовленное, а сам аж размазился от удовольствия: "До х...", - говорит, - "вас, таких, здесь шляется", - и заржал, кобель бесстыжий. Куда только моя сонливость подевалась – как я его с земли хватил, как поднял – сам не заметил, а заметил, что, ухвативши за грудки, колочу его спиной о кирпичную стену, так что пылью штукатурка ему на рыжие космы осыпается, и сквозь лицо его белое, будто мелованное, проступает, как бывает у рыжих, темная осыпь мелких конопушек, невидная в привычном цвете. Господи помилуй, кабы не убить-то! Бросил я его, как пустой мешок морщенный наземь бессловесно рот разевать, пока отдышитесь вслед мне, да и пошел к наместническому корпусу. Думаю, покажу тебе, зачем здесь "шляюсь", быть тебе сегодня за ворота взашей вытолкану, пьянице, воруге известному, да еще и нахалу.

Как разнылся наместник – стыдно мне за него, да и за себя, что пришел к нему с жалобой, стало. Надо было не постесняться самому надавать нахалу, и пусть бы он жаловался, и все это нытье своего начальства сам бы и выслушивал. "Да он такой у нас..., нам человек нужный, ловкий. Да как мы без него". – "Выгони его, Гаврила, добром прошу, не заставляй архиерею на тебя жаловаться". Однако, пришлось-таки звонить архиерею.

- Так, мол, и так, Владыко, благословите гнать того нахала.

- Что, так прямо вот взял и сказал?

- Этими самыми словами.

- М-даа... Неладно. Скажи отцу Гавриилу, чтобы самосвал тебе дал по моему распоряжению.

- Владыко, помилуйте, зачем мне грузовик? Грузовик я сам нанял за свои деньги, и все уже привез, что надо было. С этим нужно решать: немедленно взашей его за ворота. Он публично оскорбил священника на территории монастыря, и не должен остаться безнаказан. Тогда всем все можно. Сегодня он меня послал, завтра до Вас черед дойдет, увидите.

- Пусть только попробует.

- Владыко, он уже попробовал. Ведь сан-то на нас с вами один и тот-же – священный.

Это не понравилось архиерею. Он насупился, помолчал, потом сказал:

- Ладно, я приеду, сам разберусь, - и положил трубку.

Приехал, правда, через неделю, когда я про то и думать забыл – не век же из-за такой всякой пустяковины расстраиваться. Позвали меня, архиерей речь держал, и мне сказал, приобнявши:

- Смиряться надо, как Христос велел. Нечего на всякую погань внимание обращать, что она себе под нос бормочет. А ты приезжай ко мне на службу в воскресенье, я тебе протоиерейство дам.

- Не. Не поеду я.

- Почему?

- У меня у самого в храме служба, меня люди ждут, надеются, не могу храм на воскресенье оставить, когда все придут, а меня нет.

На том и разошлись, выслушавши про смирение по-архиерейски: презирать надо своих обидчиков – про это нам Христос что-то не говаривал. Ну ладно. Прошло полгода. Приехал Владыка к нам на праздник, наградил меня протоиерейством. А от нас проехал в монастырь. И когда въезжал, из лужи окатил невзначай попавшего навстречу аккурат в воротах Кольку Рыжего, пьяного пьяней, что чуть под самые колеса не ввалился. Да и не заметил, проехал дальше на территорию. А как почал из машины наземь вылезать, бежит тут на него Рыжий с матюками и с дубьем подобранным. Тут его послушники повязали, да на психической в больницу отвезли. Оттуда его в вытрезвитель передали, а как малость протрезвел – в ментовку, где его сперва менты поучили уму-разуму (крепко бьют, и калечат умело), и откуда он жив уже не вышел – упал, говорят, в полутьме с лестницы, когда по нужде выводили, и аккурат сломал себе шею. Вот и пронеслась в народе весть, как Владык-то матом ругать – жив не будешь. Сан-то, он же, поди, не просто так, а от Святого Духа – Священный. Бог за своих вон как заступается – карает до смерти. И с тех пор пьяницы испугались архиерея ругать. Так что сан-то, на нас с ним, хоть и тот и тот "священный", а разный: по его сану, выходит, человеку смерть полагается. А по-моему, Христос Своих учеников не однажды урезонивал, мол, "не знаете, какого вы духа: Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, но спасти их".

Такая вот простая история. И хотя простоватый человек рассказал ее, но, хоть и не "книжен", однако, будучи Христом научен, чувствует, что-то здесь не так, с этим "священным саном". А и вправду, что же не так-то?

Я уже рассказывал, как пришедшему в Церковь со своей вновь обретенной верой тут же навязываются декларативные правила, во многом более напоминающие языческие "священные табу" от имени Самого Бога, которые ты обязан принять как данность, без всяких сомнений и объяснений. Одной из таких установок является должное почитание "священного сана": тебе объясняют, что "батюшки" уже не просто как все люди, но "освященные", или еще говорят "посвященные", на них через "таинство рукоположения" почиет особая благодать, они освящены Святым Духом, да не раз, а дважды, а Владыки (епископы) – так те и вообще трижды, и потому на них "омофор". В общем они уже не просто как все люди, но особенные, другие, "святые", они от Духа Святого освящены и наделены небесными свойствами чуть ли не волшебными, поэтому их надлежит слушаться беспрекословно, и что такой "небесный человек" ни скажет, то свято, и даже если глядится явной глупостью, а то и преступлением (что тоже, однако, бывает, случается) имеет сокровенный таинственный смысл, который обязательно откроется "потом", когда-нибудь. В общем, как говорят в народе, "что ни поп, то угадчик", намекая таким образом на излюбленную "православную" кликушескую забаву – игру в "прозорливость" (по-теперешнему – ясновидение).

Вообще, "чудотворение" - это особая церковная тема. Основано оно на взаимном потакании народа и "священства" низменной страсти "зрелищ" (вспомним всегдашний лозунг черни: "хлеба и зрелищ"). От Христа толпы зевак требовали того же. И распяли Его под улюлюкание взбешенной толпы, обманувшейся в своих ожиданиях поставить в цари Того, Кто сможет (и будет обязан) каждый день досыта кормить "электорат" тем и другим. Эта жалкая участь "массовика-затейника" уготована, в том числе и в Церкви всякому, кто польстится пойти на поводу собственного тщеславия, и только этим можно разумно объяснить неистовое желание священства (а теперь еще и монашества) объявить себя особой "кастой посвященных", членам которой "даны" особые, сверхчеловеческие свойства и качества не лично, а "по месту", которое их "красит". Так сказать, по должности.

У нас нынче все, кому не лень, любят толковать про "харизму". При этом сегодня под харизмой, как правило, понимается "сверхъестественное", по-видимому, более магической

природы, "дарование", или способность к неким великим свершениям, а носитель харизмы, как всем ясно, является в некотором смысле "сверхчеловеком". Однако, само слово "харизма" означает "милость", и из этого сразу же становится понятным, как далеко современное сознание (в том числе и церковное) уехало вообще от Христа: милость Божья, склоняясь к немощи человеческой, восполняет ее Своим Божеством, которое никак не может быть ни присвоено, ни приписано себе и своему "сверхчеловечеству" тем, кому эта милость даруется Богом по его человеческой немощи из жалости и любви. И Сам Христос, смею думать (и этому есть многочисленные свидетельства в Евангелии), не был никаким "сверхчеловеком", а был "совершенным человеком", то есть, как человек, Он был совершенно таким же человеком, как и остальные люди, отличаясь от них "по человечеству" лишь неколебимой решимостью не грешить, в которой, впрочем, все мы могли бы уподобиться ему, если бы действительно этого захотели, и обратились бы за этим к Его помощи.

Однако, как бы кто ни понимал значение слова "харизма", бесспорно, что харизма нужна там, где человеческие качества и "обычные" способности: талант, и даже гениальность – оказываются недостаточными для того, чтобы "совершить дело Божье". Тогда вмешивается Милость Божья, и совершается чудо. Дары Святого Духа, обещанные Христом всем христианам ради свидетельствования Благой Вести, которую они должны нести миру, перечислены в Евангелии от Марка: "Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы." (Мар.16:17-18). Также, посылая учеников на проповедь Евангелия, дает им "власть над нечистыми духами и врачевать... болезни", и говорит им: "Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте" (Матф.10:8).

Но особенная "харизма" для совершения Евхаристии не нужна, потому что Чудо Преосуществления совершается Самим Христом для тех, кто ищет причаститься, по их вере. И Чудо это, будучи прикровенно, то есть являясь христианину только по его вере под видом обычных хлеба и вина, не требует от человека явления сверхъестественных сил и способностей, но дано каждому христианину и неотъемлемо. Христос предал себя всем нам в равной мере, и всех христиан освятил Духом Святым ради евхаристической встречи с Собой. Первым христианам и в голову не могло придти, что для участия в причастии требуются какие-то дополнительные Дары, харизмы, или какие-то особые "сверхосвящения" и "посвящения" для тех, кто участвует в Евхаристии. И тем более никакого благодатного или духовного различия не могло быть между братьями, причастившимися от одной Чаши. Поэтому вознесение евхаристической молитвы в собрании христиан поручалось, как почетная обязанность, наиболее уважаемому, и только. И апостол Павел, сам же и учредивший практику поставления епископов, потому и не счел нужным упомянуть "священный сан" в числе учрежденных Христом церковных служений ("И Он(Христос) поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями... на дело служения" (Еф.4:12)).

Ну, положим, Сам-то Христос никого не "поставлял". Как известно из Евангелия, Он избрал некоторых учеников (сперва двенадцать, потом еще сорок из числа окружавших Его и следовавших за Ним). В какой-то момент Он, посылая их на проповедь Благой Вести, "дал им власть" (что ж тут удивительного, Он Бог, захотел дать власть – и дал): ученикам были переданы некоторые духовные дарования и сверхъестественные способности, которые, сопутствуя проповеди, должны были в глазах народа удостоверить божественное происхождение проповеданного Учения. Власть эта давалась Христом ученикам на время, с указанной конкретной целью. И как можно увидеть из евангельского повествования, не являясь их личными Дарами Святого Духа (Который снизошел на них не теперь, а гораздо позже, после Вознесения Христа на Небо, в день Пятидесятницы), не могла быть ими использована произвольно, по их усмотрению. Вспомним хотя бы случай, когда они не смогли "самовольно" изгнать беса из "одержимого в Новолуния": "Я приводил его к ученикам Твоим, и они не смогли" - говорит Христу с укором отец несчастного. Хотя до этого, возвратившись с проповеди "с радостью", они говорили Христу, что "и бесы повинуются" им – и вдруг такой облом. Потому что "дал власть" -

это одно, это не меняет природу самого человека. А то, что произошло в День Пятидесятницы, и с тех пор происходит при крещении со всеми верующими во Имя Иисуса Христа – Сошествие на Церковь Святого Духа – именно изменяет, "обожает" саму природу человека, восстанавливая в первозданной, богосотворенной полноте Образ и Подobie Божие в крестившемся во имя Иисуса. И, разумеется, коль скоро "Един Господь, едина вера, едино крещение"(Еф.4-4), такое "изменение природы человека" может произойти с ним только один раз и навсегда, и любые "новые", большие и лучшие изменения, "дополнительные" таинства, "новые крещения" с точки зрения Божественной Полноты, преподаваемой человеку Святым Духом в Крещении выглядят не только абсурдно, но и подозрительно цинично. И, видимо, являются не более чем дерзким и кощунственным словесным манипулированием. Цели у этого типичного политического жонглирования, как всем это хорошо известно, обычно шкурные. И говорил Христос о "мече разделения" который Он принес на землю, "чтобы разделить" человечество. Меч этот, пройдя по сердцам людей, разделил их на искренно верующих, для которых Бог является жизненной Целью высочайшей, и на тех, кто, придя в Церковь для того чтобы "примкнуть и наестся", пытаются кощунственно и цинично использовать Бога и нашу веру в Него для достижения своих целей вполне земных и зачастую мелких и ничтожных. Не знаю почему, но на сегодняшний день фактически так сложилось, что это "духовное разделение" вполне обозначило себя зримыми границами: "первых" большинство среди "мирян" и приходского священства, тогда как подавляющее большинство "вторых" составляют делающие церковную карьеру "ученые" монахи и епископы. Такая вот печальная картина получается.

Тут кстати становится сказать о Дарованиях, обещанных Христом от Святого Духа крестившимся по своей вере Него. Я возвращаюсь к сказанному выше о соотношении крещения и веры: крещеных вся страна, довольно много людей ходят в церковь, а верующих нет, практически их – единицы. В этом, мне кажется, заключен ответ на вопрос о нынешнем, давным-давно наступившем в Церкви оскудении Духовных дарований. На самом деле, ничего из обещанного Христом в среде нынешних (да и прошлых, векодавних) церковных христиан не сбывается и не бытует: бесы не изгоняются, больные не исцеляются, жизни самих христиан благодатно не ограждаются от посягательств смерти и убийства ("змия возьмут, если что смертное выпьют, не повредит им"), никто не может говорить "на языках", пророчества умолкли, чудеса истощились. Что же, Христос солгал? Или Бог со временем изменился? А может, правы "сектанты-трясуны" (как народ метко нарек "пятидесятников") утверждающие, что Дух Святой отступил от нашей Церкви и она осталась "безблагодатной"? Я полагаю, что вопрос этот чисто количественный: дарования обещаны лишь тем, кто крестится по ВЕРЕ, а таких теперь нет. Вспомните, я говорил, что перекрестил тысячи людей, и не было ни разу, чтобы ко мне пришел креститься человек, осознавший необходимость крещения как результат своей веры во Христа. Вполне языческое или (что одно и то же) "талмудическое" отношение к крещению, которое само, "автоматом", должно сообщать человеку полезные "чудесные" свойства и качества, не может обмануть Бога: Дух Святой, видя в сердце человека отсутствие веры, не соизволяет, не хочет и не собирается снисходить на неверующего – и "дом остается пуст". А потом приходят "семь худших" и вселяются – то-то сюрприз! Вот и нет у современных христиан Даров Святого Духа – из-за отсутствия веры. А есть только кликушество, "православная" экстрасенсорика явно демонического происхождения, да истерики всех сортов и видов, включая сюда пятидесятнические "радения", которые со стороны глядятся вполне патологически. Однако, коль скоро есть единицы верующих, то и единичные случаи православных чудес имеются в Церкви. Но никто этому не верит и внимания не обращает, значения не придает, кроме самих верующих (а их, я уже сказал, единицы), так как случаи эти не обладают "статистической достоверностью", а современные "трезвомыслящие" люди верят в статистику, а не в Бога.

Вернемся, однако, к апостолу Павлу. Именно он, а вовсе не лично Христос, начал "поставлять на дело служения". И суть этого "поставления" была в "благословении", то есть своего рода разрешении что-то делать, даваемом от имени всех, то есть всей Церкви, а значит ("где ... собраны во имя Мое, там и Я посреди их") и от Христа, от Имени Самого Бога. При этом благословение давалось "каждому – по способностям": если у тебя проявился Дар пророка, и твои предсказания сбываются и помогают людям, то вот тебе благословение, и быть тебе

пророком. А если ты хороший учитель, то будь учителем церковных истин для людей, которых нужно научить вере и подготовить к крещению. И никакой "мистики", вполне здравый подход: Дух Святой Один, а люди все разные, и в Церковь приносят каждый что может, что лично у кого лучше получается. Однако никакой "священный сан" он не упомянул как необходимый даже для такого явно необычного, "сверхъестественного" служения, как пророчество, перечисленное среди прочих, вполне обычных, "земных" служений, для которых вообще ничего, кроме обычных ума и совести, не нужно: пастырство, учительство – потому, видимо, что не считал, что простое и ясное дело поддержания порядка и дисциплины в небольшой церковной общине, состоящей из родственников и друзей, нуждается в каких-то специальных и сверхъестественных божественных духовных дарованиях. Ведь именно для этого, а вовсе не для совершения Евхаристии, назначался епископ: Евхаристию мог – и имел на то право, а при необходимости и совершал – любой христианин, "лаик" (верный), и никакой епископ, а тем более, какой-то специальный "священный сан" был для этого просто не нужен.

Зато он оказался очень даже нужен явившимся гораздо позже, через века, "князьям церкви" для того чтобы властвовать над людьми и обосновать эту свою власть от Самого Бога, и Духа Святого, чтобы авторитет этой власти был незыблем и неопровержим. Мечом (отнюдь не Христовым), который окончательно разделил церковное тело на две части, было учение о посвящении: посвящение меняет природу посвященного подобно тому, как крещение меняет природу вступающего в церковь. Возникает учение "о втором крещении", утверждающее различие самой "природы" (породы, "сорта") "клириков" и "лаиков". И хотя формально само это учение приписывается католиками православием "осуждается, как ложное", на практике (так же как и учение о "семи таинствах Церкви", и многие другие вещи, удобно позаимствованные из католической практической церковности) оно уже давно нашло свое узаконенное место в церковном менталитете: сами "посвященные" считают себя "особенными" и внушают, навязывают эту идею "мирянам" с самого первого момента вступления человека под церковные своды. А теперь еще и монахи туда же. Желая не отстать и примкнуть каким-то образом к "священной касте", они выдумали и в отношении себя, в отношении "природы монашества" сходную байку, которую усердно продвигают "на рынок" при снисходительном попустительстве "богословов" от монашества и "надзирателей" Церкви, епископата. Оно и понятно: именно из монашества рекрутируются архиерейские кадры, и объявление самих монахов существами особой природы, "измененной освящением Святого Духа, Новым Крещением (в ознаменование "которого" меняется имя монаха) в ответ на Святые Обеты, приносимые Богу", может хоть каким-то образом "оправдать" незаконное отстранение семей от церковного управления и возможности быть епископами, и узурпации "высшей" церковной власти монахами. Вот так рука руку моет: сперва ради утверждения "священного сана" выдумали и ввели "таинство рукоположения", возведя обычное и простое церковное "благословение" (то есть согласие на что-то – в данном случае на то, чтобы такой-то чем-то в Церкви управлял и распоряжался – от лица всей Церкви) в ранг "таинства", дерзко приравняв его Крещению, вводящему человека в Вечную Жизнь, и Святой Евхаристии, в которой человек "получает часть" с Самим Христом, а теперь пытаются с того же черного хода протащить еще одно, новое "таинство" - "посвящение в монахи". Между собой-то они давно говорят, и уверенно называют монашество – "Таинством", но публично об этом пока объявить не решаются, так же как не решаются объявить, что при всем внешнем формальном осуждении католических "властных" перегибов фактически православная церковь уже полностью скатилась к тоталитарности католического "папизма", и у нас каждый Владыка "во сне и наяву" мнит себя таким маленьким Папой Римским уездного масштаба. Хорошо, конечно, и очень удобно быть неограниченным деспотом – для самого деспота – а для народа каково, кто-нибудь интересовался?

Однако, если священники и миряне имеют разную "природу", то встает веский вопрос: которая из них тождественна природе Тела Христова, Которого мы все причащаемся, и все Его составляем? Идея "посвящения" низложила "лаиков" в "мирян", и упразднила Богооткровенное учение о христианах как "царственном священстве". Все это весьма похоже на запоздалое жульничество с целью злоупотребить незаконно узурпированной властью, и думается мне, что буди Тело Христово погребено, как прочие человеки, а не вознесено Христом на Небо, Он бы от

этого всего, что называется "в гробу перевернулся". Да, впрочем, и перевернулся, если под гробом понимать Храм, в котором погребено Тело Христово – Церковь, то есть мы. Вот и оказалось то, чему положено быть внизу: "служить", "быть всем рабами", и "мыть ноги" - наверху, на месте головы, Главы, на месте Самого Христа. "На моисеевом седалище сели книжники и фарисеи...", ученые монахи и епископы, возомнившие, что они одни и есть Церковь. А остальные христиане – так, миряне. "Народ этот, невежда в законе, проклят он".

По всему получается, что коль природа у нас с епископами разная, то и находимся мы с ними в разных Церквях. Итак, мы христиане, и потому мы в Церкви Христа. А епископы объявили о себе, что они "другой, высшей, природы". Значит, пусть и выше и лучше, но уже не христиане (сверххристиане – напоминает сверхчеловеков, которых кто ж не помнит), а тогда кто же они? Вопрос отнюдь не праздный. Поищем-ка ответ в словах Христа. Христос говорит о Церкви: "Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее"(Матф.16:18); "Услышат голос Мой, и будет одно стадо и Один Пастырь"(это Он о Себе); "Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то"(Мар.3:24). Значит, коль скоро слова Христа не ложны (а я верю, что так оно и есть), Церковь Христа никогда не разделялась, так как разделиться не может. А что же тогда разделилось и раздробилось сегодня на великое множество частей, каждая из которых, утверждая свою единственную правоту и монопольное право на Христа и Святого Духа, клянет всех остальных, как самозванцев? Ответ очевиден: "священносановная корпорация", которая никак не может поделить власть над "народом – невеждой в законе", и всю историю Церкви посвятила более или менее бесстыдным и скандальным разборкам между собою за власть и деньги, давно забыв служить народу, который она (корпорация) спихнула на рабски подчиненное приходское священство, себе оставив в отношении народа лишь представительскую функцию: "предлежание на сонмищах, и председательство в синагогах", то есть совершение театрализованных торжественных "богослужений", за которыми всем нам, остальным, уготована роль статистов и массовки. И это "разделившееся само в себе царство" действительно "другой природы", как они сами о себе свидетельствуют. Только вот какой, уж не демонической ли? Не иудейское ли это "первосвященническое" царство, как всегда и везде, правит нами, христианами? Глава которого отнюдь не Христос, а вовсе даже Антихрист, который "уже есть в мире" со времен как раз апостола Павла, как он сам об этом свидетельствует?

Да-а, дела...

Мифы "и их разоблачение"

Все, конечно, помнят знаменитый "сеанс магии с разоблачением". Кончилось это разоблачение плачевно в первую очередь для самого разоблачителя, каковую участь я предчувствую и для себя. И хотя наша повесть – произведение вполне светское и независимое от конкретных церковных организаций, сама принадлежность автора к РПЦ, "по понятиям" церковного начальства, обязывает его блюсти корпоративную "заединщину", не сметь "свое суждение иметь", а при наличии такового вменяется в обязанность держать свое мнение при себе, "не вынося сор из избы", и при всяком случае голосовать "за – единогласно" – ну прямо, как в компартии в недоброй памяти советские времена.

В моем детстве, по вечерам, придя домой с работы, мой отец, как правило, находил полчаса на то, чтобы почитать мне вслух. Эти вечерние чтения, в которых изредка принимала участие и моя вечно отсутствовавшая по причине вечерней работы на радио мама, вспоминаются мне, как самые счастливые и желанные минуты, проведенные мною в детстве вместе с родителями. Среди читанных книг, наряду с "Винни Пухом", "Волшебником Изумрудного города" и героическими рассказами Джека Лондона, выбирались и книги более серьезные, такие, как например, "Илиада" и "Одиссея", "Божественная комедия" Данте, или "Дон Кихот". Среди прочих запомнилась мне книга, которую читали не подряд, но частями, от времени до времени возвращаясь к ней. Называлась она "Легенды и мифы древней Греции" и содержала в переработанном и адаптированном виде мифологию древнегреческого языческого пантеона. Книга была снабжена подробными историческими и культурологическими комментариями, в то время мне, ребенку,

казавшимися скучными. Но навязанное мне родителями не вполне интересное чтение принесло свои плоды: из этой основательно докучавшей мне книги как, впрочем, и из других, не менее серьезных (которыми, мне казалось, меня насильно пичкали родители, пользуясь для этого таким дорогим для меня временем нашего общего досуга), казавшихся мне в то время малоинтересными, я незаметно приобрел и неизгладимо, как бывает только в детстве, усвоил массу сведений, весьма мне пригодившихся впоследствии.

Однако разницы между "легендой" и "мифом" в книге обозначено не было, и лишь значительно позже, задумываясь над пониманием, в частности, Священного Писания, я стал осознавать смысл неравенства этих двух понятий. "Легендой" является многократно пересказанное, и потому, возможно, до неузнаваемости, даже до сказочности искаженное повествование о реальных событиях и живших на свете людях, запечатленное в устной речи живым свидетелем. В то время, как "миф" - произведение куда более целенаправленное, и специально распространяемое его автором о себе самом или же о "заказчике" ради, как правило, "славы человеческой", или для других суетных причин, и потому зачастую малодостоверное.

Что касается учения Церкви, то утверждается, что оно держится на двух "китах": Священном Писании, состоящем из книг Ветхого и Нового Заветов, и Священном Предании, состоящем, я, вообще, честно говоря, толком не знаю из чего. Я никогда внятного списка и состава Священного Предания не видел и не знаю, существует ли такой перечень. Зато множество легенд из жизни Христа, Пресвятой Богородицы и других участников новозаветных событий кочует по множеству книг сомнительной достоверности типа "Жизнь Пресвятой Богородицы", в которой отсутствие фактов заменено обилием разного рода домыслов, более или менее смехотворных. Или вот еще книга: "Апостольские Правила" - лежащая в основе церковно-"юридических" отношений, постепенно вытеснивших из церковной жизни братские отношения в Любви Христовой и заменивших "зыбь" и "хождение по воде" этого "субъективного", личного между конкретными людьми христового братства твердыми правовыми нормами формального исполнения обязательных ритуалов, любовь и братство имитирующих чисто внешне и при этом весьма удобных к исполнению, порой, совершенно бездушному, а то и бесчеловечному. Но об этом позже. А что касается самой книги, то разные исследователи по-разному датируют ее появление между вторым и даже до пятого веком. Но никто, кроме самих клерикалов, не отнес ее к первому, прижизненному, так что к апостолам эта книга вряд ли имеет прямое отношение. Да и больно уж отличается она по духу содержания (и по "букве", то есть по стилю изложения) от того, что осталось известным более или менее точно о первых трех веках христианства, пока оно было гонимым и не имело никакого признания, ни официального статуса.

Вообще, лично мое отношение к любому "преданию старины глубокой" всегда исполнено сомнений, обоснованных следующим простым соображением. Любой факт, передаваемый "из уст в уста", уже на первом этапе может претерпеть необратимые изменения отнюдь не по недобросовестности рассказчика, а потому, что так устроено сознание: слова вызывают "образ", и этот образ у каждого свой, а его выражение в словах – тоже свое. Да и память избирательна: фиксируется опять-таки не объективность события, а некий "образ" еще и страдающего неполнотой и субъективностью "угла" или "точки зрения" наблюдения. Попробуйте, к примеру, прочитать любое какое-нибудь стихотворение хотя бы Пушкина, а затем попытайтесь изложить на бумаге своими словами тот "образ", который возник в вашем сознании после прочтения – и сравните. Обещаю, вы удивитесь. Но еще удивительнее окажутся результаты сравнения нескольких описаний одного и того же, ну хотя бы, членами одной семьи: отцом, матерью, взрослыми и младшими детьми, а также стариками. Не поленитесь: ручаюсь – получите удовольствие. Сразу же начинает исполняться на деле анекдот "про шубу": "То ли он украл шубу, то ли у него украли, но что-то у него с шубой было, и потому доверять ему нельзя". Так же нельзя без сомнения доверять никакому "преданию", хотя бы, в том числе, и самому-самому Священному, коль оно связано с субъективным по своей природе, и потому всегда неверным, человеческим сознанием.

Этот феномен сознания является причиной исторической необходимости делать записи вообще, и в частности, согласованные со свидетелями записи о событиях. Например, о событиях Священной (да и всякой) истории. Иоанн Богослов, на склоне лет обнаружив, что жизнь и учение Христа, распространяемые по миру более всего именно в устной передаче, постепенно становятся баснословными, все более и более приобретая свойственные легендам сказочные и волшебные-магические черты, был вынужден принять на себя труд по составлению Четвероевангелия. До наших дней дошли среди прочего образчики совершенно легендарных так называемых "апокрифических евангелий", отвергнутых именно Иоанном Богословом при составлении книги Нового Завета за недостоверность. Из многих имевшихся на то время (лет пятьдесят, а то и поболее, прошло после окончания земной жизни Спасителя) письменных воспоминаний о Христе он выбрал три наиболее правдивых и трезвых свидетельства. Причем, заметьте, не по авторитету авторства – Матфей, Марк и Лука не принадлежали к "первому кругу" двенадцати ближайших учеников-апостолов – а именно, скорее, исходя из качества самих текстов, о чем он один только и мог судить с полным правом. Почему, спросит друг мой, внимательный читатель? По причине лишь в юности бывающей горячей и преданной любви к дорогому старшему Другу, каковым (а не только Учителем и Мессией, как для прочих учеников) был для молодого Иоанна Сын Божий, Сын Человеческий.

Есть замечательная книга "Лето Господне", которую написал пожилой человек, русский писатель Иван Шмелев, о своем детстве. Он был изгнан с Родины, много десятков лет, до смерти, прожил на чужбине, и страшно тосковал, потому что он был русским человеком, исконно верующим, православным, и для него Родина была жизнью, а долголетняя эмиграция превратилась в нескончаемое доживание. Свое пребывание в изгнании он провел в состоянии страшной тоски по России, и эта тоска открыла источники любви, которая живет в сердце каждого человека. Эта книга написана кровью сердца, той любовью, которая наполняет сердце человека с детства, с младенчества, источником которой является Бог. Кто читал, наверное, помнит, что в книге запечатлены мельчайшие детали детских впечатлений, о которых среди обычной жизни люди и думать забыли, и только страдание, горе, чрезвычайно тяжкие переживания способны воскресить то, что нам казалось утерянным безвозвратно. Все живо, просто задумо пеплом, в который превратилась неудавшаяся жизнь, сгоревшая дотла совершенно бесполезно. И уголь сердца, живой огонь любви засыпан и задут этим пеплом, но жив. Знаете, именно любовь способна на память, память – это акт любви, мы запоминаем только то, что полюбили, только это помнится. Почему говорят, что человек забывает плохое, помнит только хорошее? Это и есть удивительное свойство памяти. Что же было хорошего в нашей с вами жизни? Конечно, любовь, дружба, сочувствие, милость, милосердие. И это запомнилось, об этом есть, осталась память. Она, может быть, где-то на дне сердца похоронена, может быть, она засыпана и завалена всяким хламом, которым забита и заполнена наша душа, погрязшая в суете и заботе житейской. Но память есть, и она способна воскреснуть, и воскресить ее способна любовь.

Иоанн Богослов, удивительное дело, пережил Христа на целую эпоху. Он был молодым человеком, когда свершилось Благовестие Христово и случились крестная смерть Господа и Его Воскресение. Ему двадцать лет было тогда, а прожил он более ста. И Евангелие свое он написал тогда, когда появилось много разных воспоминаний о Христе. Нужно было отобрать книги Священного Завета, для того, чтобы, как это бывает, память о Христе и Его учение не превратились в притчи и в басни, не потонули в море предрассудков. Тогда Иоанн Богослов взял на себя труд составить книгу Нового Завета, он прочитал и выбрал среди написанного то, что было наиболее правдиво и наиболее соответствовало духу Христову, отделив от того, что написано было просто по человеческой немощи теми, кто, может быть, и Христа-то не видел. Он выбрал три Евангелия и к ним присоединил свое, Евангелие от Иоанна, которое он написал тогда, когда ему было, может быть, уже почти сто лет. Могло ли это быть? То есть, способен ли человек на это? Вообще, как в это ни трудно поверить, это возможно, и подтверждает это для нас, как ни странно, именно книга "Лето Господне". Человек написал там такое, что невозможно опровергнуть, читаешь, это дышит жизнью, это точно невозможно было вымыслить, придумать. Каждое слово такой правдой дышит, что ясно: это не придумано, это человек вспомнил,

вспомнил по прошествии пятидесяти лет своей жизни из самого глубокого детства, когда он был младенцем, мальчиком, совсем малышом. И вспомнил потому, что он любил, эта память воскрешена любовью безвозвратной, утерянной и ушедшей, которая терзала его сердце всю жизнь и воскресила эту любовь, сдув с нее пепел скорбей и житейских забот, воскресив этот живой огонек любви. И вот также, таким же образом воскресла любовь в сердце Иоанна Богослова, который в старости написал свое Евангелие, запечатлев в нем свою любовь и память сердца о любимом своем Друге и Учителе.

Понимаете, Господь избрал учеников, вокруг Него было полно народа, который приходил поглядеть на Христа, подивиться, огромное количество людей, которые за Ним ходили, слушали Его, просили исцеления, жаждали чудес; был ближайший круг тех, которые почитали Его Учителем, Наставником и Мессией, Христом. И был единственный из числа этих людей, который любил Его, который полюбил не за то, что Христос и Мессия, и не за то, что чудеса творил или хлебом кормил, а полюбил потому, что полюбил Его Самого. Любовь вещь совершенно необъяснимая. Как сказано о Духе Божьем, что "не знаем, откуда приходит и куда уходит", и "дышит, где хочет", так и любовь это совершенно необъяснимое явление в человеческой жизни: необъяснимая, непонятная, неизвестно, откуда берущаяся, но есть, есть, и бывает, и когда случается, то с этим ничего невозможно поделать. Вот и у нас в жизни часто бывают даже трагические ситуации. Я не беру всякие пошлые истории, когда: бросил одну женщину, ушел к другой женщине – это все дела житейские, о которых "да не возглаголют уста мои дел человеческих", как сказал об этом Давид. Но любовь – она сметает любые преграды, с ней ничего невозможно поделать, и она, как сказано у апостола: "не превозносится, не гордится, не завидует, не ищет своего, но все принимает, всему верит, любовь никогда не отпадает", она никогда не прекращается, любовь всегда жива, и она жива в нашем сердце. Она жила в сердце Матери Божией всю Ее жизнь: Богородица "слагала слова Господа в сердце Своем" – и также возлюбил Христа Иоанн Богослов, который был мальчиком и увидел Человека, которого полюбил, просто полюбил, как это бывает с нами: увидел – и полюбил на всю жизнь. Как Человека, просто за то, что Он есть, за то что Он такой. И он был с Господом всегда, не отходил от Него буквально ни на шаг, никогда не покидал Его, даже под страхом опасности и смерти. Это он "припал на грудь Ему" на Тайной Вечери со страшным вопросом, и Господь указал ему на Иуду, потому что не имел тайн от него, и открывал ему всё.

Любовью написано Евангелие от Иоанна, и каждое слово в нем пронзительно дышит правдой. А остальные три содержат достоверные свидетельства наиболее прилежных и внимательных учеников Христа и очевидцев его земной жизни, Его Божественного Пребывания на земле и Его безмерного человеческого подвига посреди неверной и изменчивой человеческой молвы. На сегодня мы лишь потому обладаем Учением Христа, что есть написанный добросовестными очевидцами и составленный Иоанном Новый Завет, подлинность каждого слова которого постоянно, буквально каждый день подтверждается все новыми открытиями библейской археологической науки. А иначе – как сегодня Жизнь и само историческое существование Иисуса оспаривается наукой, так и учение Его уже давно бы превратилось в басни, подобные народным сказкам про Илью Муромца, который в тридцать три года соскочил с печи "на резвы ноженьки" и принялся колотить врагов направо-налево палицей "в триста пудов". Притом, что в основе этой одряхлевшей до сказки легенды лежит подлинное "житие" нашего древнерусского святого, которого и вправду звали Ильей Муромцем. Вот только кроме имени в сказке со временем ничего другого реального не осталось.

Во многом то же, к сожалению, стало и с Учением Христа, несмотря даже на наличие Нового Завета, читать и следовать в жизни которому церковная практика, как ни странно, людей под разными предлогами всегда отучала, порой на целые века учинивала препятствия к этому, к примеру, языковые, а иногда и войной шла, как на святотатцев и богохульников, на тех, кто хотел знать, что же все-таки написано в этой Книге, объявляя их за это врагами Церкви. (Например, мало кто знает, что Столетняя война в Европе имела своей причиной сопротивление клерикалов силой государственного оружия и бесчеловечными средствами инквизиции переводу Нового Завета с мертвой богослужебной латыни на родные языки населявших Европу народов).

Предлагая взамен: "предание", а также "толкования" (то есть, как понимали Евангелие признанные Церковью авторитеты); правила и законы, придуманные епископами для своего облегчения управления народом (вот интересно, сами люди опять предпочли "неопределенности" Любви – "порядок", который в виде "юридических" норм был постепенно снова проташен в Церковь епископами на место упраздненного Христом ветхозаветного Закона); постановления соборов, призванные "законно" утвердить незыблемость их власти; поучения Святых отцов (тоже, преимущественно, из монахов); толкования на эти поучения других "ученых" монахов, и их полные взаимного попугайского цитирования безжизненные богословские теории, никакого отношения уже зачастую не имеющие ни к Евангелию, ни к учению Христа, ни к христианскому самосознанию как таковому.

Думаете, сейчас все иначе? Да ничего подобного. Едва лишь к примеру, лично я, как и многие другие, впервые прочитав Евангелие, пришел вскоре в церковь с вопросами, мне тут же было заявлено обретшимся "духовником", что читать Евангелие для подобных мне неопытных "неофитов" ("новообращенных") все равно, что незащищенными глазами смотреть на солнце: можно от яркого света ослепнуть навсегда. И потому – "только Жития Святых и древние Патерики (те же жития святых, только еще с их собственными поучениями). И еще "катехизис" - краткий свод вероучительных пояснений и церковных правил для "новоначальных". Потом начинаются монашеские поучения, аскетические опыты, "посты и молитвы", правила и каноны, "вычитывание" богослужений и, самое главное, послушание безусловное, как Богу, первому попавшему священнику, как правило, монаху-"духовнику", "имеющему власть вязать и решить", и объявлять о тебе Волю Самого Бога, которую им знать положено "по должности" и месту, которое они занимают – и пошло-поехало на многие годы. А Евангелие постепенно из осмысленного и связного текста, содержащего Жизнь и Учение Христа, превращается для "новоначального" в ритуальное чтение: утром "глава" и вечером "глава", как бездумная бормотная прибавка к тараторному "молитвенному правилу", да чтение на службе священником нараспев по церковнославянски, если кто поймет и разберет.

Такая практика отношения к Новому Завету как к ритуальному "богослужебному" чтению отнюдь не нова: она имеет своим основанием древний монастырский опыт, который в самую первую очередь навязывается в качестве буквального жизненного руководства несмысленным "новоначальным" христианам, едва переступившим церковный порог. Например, "Авва Дорофей", книга, по-моему, шестого, или седьмого века, излюбленная рекомендация "духовников – новоначальным" для освоения азов церковного опыта и основ отношений и поведения в современной (подчеркиваю) храмовой жизни. Привожу по памяти и потому не ручаюсь за словесную точность цитирования, но лишь за неискаженность смысла:

"Когда за чистоту Бог дал Досифею (послушник Дорофея – прим. мои) разумение Писания, он обратился с вопросом к авве. Тот, желая, чтобы он более смирялся, чем познавал Писание, сделал вид, что не знает ответа, раз, и другой, а затем сказал: "Пойди, спроси у наместника (начальник монастыря). Сам же, увидя наместника, просил его: "Когда придет к тебе Досифей с вопросами, побей его немного". Увидя пришедшего к нему Досифея, наместник стал бить его по щекам, приговаривая: "Зачем ты не сидишь в своей келье и не молишься, когда ты ничего не знаешь?". Досифей вернулся к авве, и показывая набитые щеки, сказал ему: "Вот, я получил, чего спросил".

Приятная история, правда? Но дело даже не в "специфическом" монастырском "опыте": в конце концов, тут уж кому что нравится. Как говорится, "колхоз – дело добровольное". Однако, причем тут мы, обычные люди, живущие не в монастырях, а в семьях, в современном обществе, в котором подобные вещи могут быть, мягко говоря, "не так поняты"? А притом, что втолковывание на самых первых порах подобных "авторитетных" истин выгодно решает две задачи, имеющие одну цель: обеспечение управляемости, и как следствие, абсолютной власти над "послушником" конкретного "духовника". Во-первых, утверждается сам императив "безусловного послушания" авторитетом "Святого Отца", которому не осмеливается противиться запугиваемый. А во-вторых – подрывается авторитет ненужной и невыгодной в деле

властвования над людьми сверки обыденной жизни христианина с Учением Христа. Которое одно и должно определять эту самую нашу жизнь.

Недавно я издал несколько брошюр, в которые собрал свои беседы с прихожанами на темы евангельских чтений. Разбирая Евангелие с точки зрения его применимости к личной жизни христиан, я исходил из собственного многолетнего опыта "жизни по Евангелию": когда пытаешься применять евангельское учение на практике в конкретных жизненных ситуациях, начинаешь совершенно по-другому воспринимать и понимать евангельский текст. Перестав быть "теорией", он раскрывается, как жизнь Христа, которую ты можешь наглядно сравнить со своей жизнью, и таким образом оценить всю безмерность жизненного подвига Самого Спасителя. А заодно понять и определить собственное, не весьма приглядное положение человека, пока что весьма мало преуспевающего на поприще христианства. Полезные уроки, хотя не всегда приятные. Книжки быстро разошлись, их практическая польза была оценена самыми разными людьми. Более всего меня растрогала скромная бандероль на килограмм развесного печенья и карамельных конфет, присланная мне двумя пожилыми женщинами, в которую было вложено письмо со словами благодарности за мои книжки. Неприятательные, предназначенные для приходов и обращенные к людям, желающим знать, как им научиться жить по-христиански в своей обыденной, обычной человеческой жизни: в семье, обществе, на работе, дома, среди людей верующих и неверующих. Однако, попав к Архиепископу, эти скромные брошюры вызвали настоящий гнев Его Высокопреосвященства, и "шум и ярость" в епархии, которые закончились принятием "единодушного" решения предать меня епархиальному суду. За что? В основном, за то, что вообще посмел "суждение иметь" и написал в книжках про Евангелие то, что сам понял, пытаюсь в жизни следовать учению Христа, вместо бесконечного схоластического цитирования признанных Церковью авторитетов, живших так давно, что жизнь их превратилась в легенду, стала баснословной поучительной сказкой, ничем общим не связанной с жизнью живущих ныне. Нашлись и немногие подпевалы, один из которых заявил, что "все, кто начинает самовольно толковать Евангелие, неизбежно впадает в заблуждение". Видать, не про нас оно писано, рылом не вышли, чтобы читать его и самим в прочитанном разобраться.

А жить станем "по церковным правилам" (посты, молитвы, богослужения, послушание "церкви", бездумное и безвольное, "святое"), в основе которых лежит "благодатное преемство" наших монахов и епископов, получивших через это преемство от Самого Христа власть "пасти" нас, баранов, и учить нас в первую очередь быть им во всем бездумно-послушными, потому что "они отвечают за нас перед Богом, а наше дело молчать, слушаться, и за все просить у них прощения: "Уж виноват ты тем, что хочется мне кушать", - сказал, и в лес ягненка поволок". Причем, "пасущие" и "отвечающие за нас пред Богом" епископы не только не подозревают о нашем существовании, но и знать нас не хотят, отгородившись от "пасомых" многими бастионами и кольцами неприступной охраны. Дальше епархиальной проходной христианина, просто пожелавшего увидеть епископа своей церкви, ни за что не пустят: "Посторонним вход воспрещен" - как будто это режимное учреждение или правительственное здание, которое нужно защищать от возможного террора. Мы – посторонние нашим "добрым пастырям", как они сами изволят себя величать, ссылаясь при этом на евангельского Доброго Пастыря, под которым Христос прямо обозначал Себя Самого, нашего Единственного Пастыря, Отца нас всех, "братьев", и Учителя. Тем намекается – да что там "намекается" – прямо утверждается их равенство Самому Христу в праве властвовать над нами, чего Он, кстати, никогда и не делал. Он-то "пас овец", чтобы защищать их, жалея и милуя, спасая от гибели, а этим нужно стадо, чтобы "стричь" овец и завладеть ими, как имуществом, для своего пропитания. Сами же мы им чужие, "низшие", и вправду, как животные людям: ведь они "другой природы", "освященные", и знать нас не хотят (что-то это опять не из талмудического ли иудаизма?). Как в старинной песне она уговаривает "милого" взять ее с собой, а он ей отвечает, что "там, в стране далекой, чужая мне не нужна". И врут они все насчет их ответа вместо нас перед Богом: когда предстанет пред Ним каждый из нас сам в свое время, сколько ни озирайся, никого из "этих" поблизости тогда не окажется, а отвечать придется самому на спрос, зачем в угоду другим таким же грешникам кривил душой, поступался совестью, и пренебрег жить по Евангелию, которое не для проформы

читается, а содержит живой жизненный пример всем христианам. Как говорит пословица, "всяк баран будет подвешен за свои ноги".

Однако хуже, что многое из того, что современным церковным сознанием принято относить к "преданию", скорее, имеет мифическую, чем "легендарную", природу (на разницу я уже указывал). И некоторые из этих "воцерковившихся" мифов придется разобрать ради возвращения к тем "краеугольным камням", письменно запечатленным в Книгах Священного Писания Нового Завета, которые Господь Сам заложил основание Своей Церкви.

Первым и главным из таких, с позволения сказать, "мифов" как раз и является "учение о благодатном преемстве" в том искаженном виде, в котором оно бытует в нынешней церковной практике.

Миф о "благодатном преемстве"

Говорят, на сегодняшний день в мире существует около двух тысяч "конфессий", так или иначе исповедующих христианство, причем многие (если не все) претендуют на звание "церквей". Однако лишь некоторые из них могут похвастаться так называемым "благодатным преемством", по признаку доказанного наличия или отсутствия которого определяется "подлинность" одних и "самозванство" других. Причем заявляется забота "о народе": поскольку у "самозванцев" Таинства объявлены "недействительными", пребывание в таких христианских сообществах объявляется "не спасительным" и "душепагубным". Примитивная схема, представленная мной, многократно усложнена вековыми "богословскими" и схоластическими ухищрениями, имеющими цель прикрить и оправдать борьбу на смерть против всех "не наших", и, опять-таки, именем народа отстоять во что бы то ни стало свое право на "монополию веры". Что из этого всего вышло – смотрите выше – целых две тысячи разных христианских "вер", враждующих друг с другом. Вот интересно, неужели разделилось на столько мелких частей Христово Царство "не от мира сего", о неделимости и неодолимости которого неопровержимо свидетельствует Евангелие? Не знаю, что говорят другие, но Православная Церковь, объявляя всех остальных: кого раскольниками (от слова "раскол", то есть "отделение", или "разделение"?), кого еретиками, а то и просто предателями, иудами и "детьми дьявола" - поясняет, что Она, Церковь (имея в виду только себя), никогда не разделялась, а отделившиеся от нее "заблудшие предатели Православия" являются, на самом деле, отпавшими от Христа, и потому неминуемо погибшими, если не покаются. Таким образом, хотя о "безблагодатности" таинств и не принято говорить прямо, но по факту, чисто географически, "в отвал" списывается почти все человечество, например, два миллиарда ныне живущих на земле католиков, не говоря уже об остальных, и, тем более, нехристианах. При этом, чтобы обойти скользкий момент столь категорического отношения к "неправославным" как к обреченным на неминуемую гибель в пучине геенны огненной, применяются казуистические, поистине иезуитские ухищрения. Например, "предание" приписывает Амвросию Оптинскому, которому как-то задали многих волнующий вопрос: "А спасутся ли прочие, неправославные, христиане?" - якобы, ответил: "Не знаю, спасутся ли они, но я с ними точно не спасусь". Хитры, конечно, подобные подходы, но у простого человека от подобной виртуозности все равно остается ощущение, что его как-то сумели обойти, оставив без ответа прямого и искреннего, на который дает надеяться провозглашаемое Церковью братство во Христе.

Иногда подобное жонглирование словами может человека незаметно завести даже в сторону предательства и отречения от Христа и собственной веры. Из множества тому примеров возьму ближайший.

Недавно одна депутатша-"правозащитница", прочно зарекомендовавшая себя в нашем небольшом городке как всем известная скандалистка и сутяжная склочница, придралась к перепечатанной в местной газете моей старой проповеди, где, разбирая "род Христов", я обмолвился о "талмудическом" иудаизме, как об антихристовой "религии будущего". Подобные дискуссии, во всяком случае, вполне находятся в рамках "традиционных межрелигиозных

споров", как написал в своем заключении привлеченный прокуратурой независимый эксперт, академик общественных наук и, к тому же, атеист. На этом основании прокуратура дала отказ в возбуждении против меня уголовного дела по причине отсутствия в моих публикациях "состава преступления" по разжиганию религиозной розни, в которой я обвинялся воинственно настроенной представительницей "прекрасного пола".

Не так поступил мой "старший брат" во Христе, архиепископ, к которому в свою очередь неутомимая леди обратилась с запросом, "соответствует ли опубликованное мнение учению Церкви". Владыка долго размышлял, как бы ему выйти из положения половчее, и повыгоднее лично для себя, и наконец породил ответ поистине талмудический. "Данная газета, - написал наш искусник, - никакого отношения к Церкви не имеет". Мало того, что этим малодушным ответом "страха ради иудейского" он подставил под дальнейшие антихристианские "наезды" своих братьев: и редактора-христианина, по моей просьбе бесплатно печатающего церковные проповеди в своей газете для широкого круга читателей; и меня, штатного священника епархии, действующего в рамках принятых на себя обязанностей и распространяющего среди населения Благую Весть от имени его Поместной Церкви. Тем самым он публично отрекся от заповеданного Христом благовестия ("Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие") и от миссионерской христианской деятельности, с таким трудом осуществляемой его собственным священством в среде погрязшего в языческой тьме безбожия идиких суеверий народа. От христианского просвещения, в том числе, и через средства светской печати, столь редко предоставляющие возможность широкого обращения к гражданам с проповедью Евангелия. А после этого трусливого предательского акта с нами вообще ни одна светская газета дела иметь не станет и не пожелает, и правильно, я скажу, сделает: поделом. Вот и будем, тихонько сидя по запертым изнутри церквям, проповедовать глухим и впавшим по старости в детство бабушкам, зачитывая им из книжек "премудрость": безжизненную жвачку древнего устарелого цитирования на невнятном для современных людей языке, полном диковинных слов, значения которых зачастую не знают и сами священники. А граждан в отношении веры будут по-прежнему поучать уму-разуму тоталитарные сектанты всех мастей, откровенные сатанисты и неоязычники, а также новоявленные ревнители "православия-самодержавия-народности" и разнокоричневые национал-патриоты – они-то друг за дружку горой.

Однако, если вернуться к обсуждаемому "мифу", само понятие "благодатного преемства" лукавыми клерикалами толкуется, по всей видимости, в свою пользу явно в преднамеренно узком смысле. Вот как это "преемство" преподносится пришедшему в церковь искать Христа: "Христос возложил руки на учеников, и посвятил их в Апостолы, дав им власть над "стадом", чтобы "пасти", и над людьми "вязать и решить", то есть определять их судьбу, как верующих, и в этой жизни, и в Вечности; Апостолы, в свою очередь, "возложили руки" на своих учеников, и посвятили их в Епископы, передав им "через благодатное преемство" ту же власть от Самого Христа; и так далее, из поколения в поколение, не прерываясь даже до сегодняшних наших "владык", которые поэтому "владеют" нами по праву, на законных, так сказать, основаниях. Только "право" это почему-то более всего напоминает крепостное, вот ведь незадача. А ищущему Христа на Его святом месте для поклонения вдруг предстает епископ, земной "наместник", пользующийся Его Именем для властвования над пришедшим ко Христу по своему усмотрению. И дальше все зависит от "доброй совести" Христова "заместителя", которой у него, как правило, особенно в наш век болезненного мелкодушия, совсем даже, зачастую, не оказывается вообще.

Все тут вроде бы продумано и устроено за века, как неприступная стена. Но таковы неприступные стены древнего Иерихона пали от звука труб израильского войска. Попробуем-ка дунуть – может, с помощью Божьей, и эти повалятся?

Итак. Когда Христос крестился, на Него сошел Святой Дух "в виде голубя". Крестившись и "начиная Свое служение", Иисус "поведен был Духом в пустыню для искушения от диавола", где постился сорок дней, после чего вышел на проповедь. Таким образом, Христос-Человек стал первым Христианином, сподобившимся по крещении принятия благодатных Даров Святого

Духа, и то, что Он далее творил на земле: чудеса, исцеления, воскрешения мертвых – Он творил именно как Возрожденный Человек, Новый Адам, как Христианин и первый Член Церкви. Потому Он и обещал всем "уверовавшим и (!) крестившимся" "сии знамения: изгнание бесов, исцеление больных через возложение рук и прочее (см. выше), а также сказал: "кто верует в Меня, все это сотворит (что творил Он Сам), и больше этого сотворит". Как я уже говорил, своим ученикам, посылая их проповедовать, на время их самостоятельной деятельности Он "дал власть" не над людьми, которым они должны были лишь проповедовать Благоую Весть, но над бесами (изгнание) и силами природы (исцеления, воскрешения, чудотворение). И они, возвратившись, "говорили с радостью: и бесы повинуются нам". Однако в дальнейшем, как следует из евангельского текста, их самостоятельные попытки чудотворения терпели неудачу ("Я приходил к ученикам твоим, и они не могли изгнать беса"). "Почему мы не могли изгнать?", - спрашивают ученики, - "Сей род изгоняется молитвой и постом", - объясняет Христос про бесов. Это Он постился, молился – и на время дал им Свою Власть для конкретных свершений. Потому и "власть", что она только Его, Он – еще и Бог, и будучи Богом, Своей властью Сам распоряжается: захочет – даст, не нужна больше – отберет, потому что не игрушка. А они "будут поститься, когда отнимется от них Жених", их время еще не пришло, "еще не сходил на них Святой Дух", и они до дня Пятидесятницы, оставаясь лишь учениками Христа, не уподобились Его Новому Человечеству, не были Членами Церкви и не принадлежали, как Он, к "Народу Святому, Царственному Священству". Все это было ими обретено и получено не лично от Христа в виде "рукоположения", а через сошествие на них Святого Духа, Который на них почил так же, как и на Христе в момент Его крещения, в явном, видимом образе, в данном случае в виде языков пламени над каждым из них. Поэтому преемство в Церкви состоялось через принятие Даров Святого Духа посредством крещения, воспринятого от уже "крещенных Святым Духом и Огнем" (апостолами – от Христа, "пославшего" на них Святого Духа по своему обещанию, данному им на Тайной Вечере: "Если Я не пойду, Утешитель не придет к вам, а если пойду, пошлю Его к вам"), как обещал будущим христианам Иоанн Креститель о христианском благодатном крещении. Подлинное христианское преемство от Христа Святого Духа христианами состоялось и началось в День Пятидесятницы, и действительно продолжается непрерывно до сегодняшнего дня – через крещение новых христиан уже крещенными, чье крещение, передаваясь от одного к другому, благодатно не прерывалось от Самого Христа. А при земной жизни Спасителя ученики не были еще христианами – как же они при этом могли получить от Христа "высшую церковную власть и харизму Апостольства", якобы дающую преемственное право поставления Архиерейства, вообще не будучи еще членами Церкви Христа по благодати? Это примерно то же самое, как если некрещеный человек объявит себя епископом (а некоторые даже считают себя Христами) и в наше время называется – "самозванство". Ученики самозванцами не были, и Христами себя не объявляли, а "харизму" Апостольства приняли в сошествии Святого Духа, в день Пятидесятницы. Я кавычки специально поставил, чтобы подчеркнуть некорректность самой идеи "харизмы" как особенного, "отдельного" Дара. Нет и не может быть никаких даров, отдельных от той полноты Святого Духа, обитающей в Церкви, которая сообщается христианину при крещении. А осуществление, "проявление" дарований происходит индивидуально, и зависит как от личных способностей и качеств, так и от Воли Божией, и Его Промысла о предназначении конкретного человека: у одних получается писать иконы, а другой, крестившись, вдруг обнаружил в себе "дар пророческий". А Церковь лишь "благословляет" его на это, то есть молится о нем Богу, чтобы у него все хорошо получалось. Однако это вовсе не означает, что тот, кто не умеет рисовать, взяв благословение на иконопись, тут же зарисует и запишет, как Рублев. В то же время, у Бога можно вымолить что угодно, в том числе и чудесные сверхъестественные способности, но потом часто оказывается, что лучше бы было не выпрашивать: без них жить проще и спокойнее.

Что же касается "тайнства рукоположения", то возведение простого "назначения епископом" сперва в ранг обряда "поставления", а затем и "тайнства посвящения" произошло не сразу, но поэтапно. И много позже самого оформления института епископов. Первых из которых (я уже говорил об этом) стал назначать ради сохранения "единства веры" апостол Павел на освоенных им просторах территорий государств древнего мира, в новообразованных из язычников общинах. Кстати, сам он был крещен в христианской общине Дамаска, во главе

которой не было ни апостола (ни один из них не проживал в Дамаске), ни "епископа", о существовании которых христианам в то время ничего еще не было известно. Так что попытки возвести это "таинство рукоположения" к Самому Христу и от Него вывести "благодатное преемство рукоположения" явно отдают "новодельной" недобросовестностью изворотливого "повадливого", как писал Пушкин ("ум у бабы повадлив, на всякие хитрости догадлив"), "иезуитского" ума. И видятся из реалий сегодняшнего дня, как корыстное желание позднейших и бедственных для христианства времен "государевой веры" выдать желаемую "харизматичность" происхождения епископской власти за действительность "родового" права "архиерея" на княжение в Церкви. То есть, уже не "епископа" – выбранного всеми членами общины из своей среды простым голосованием дисциплинарного "надзирателя" – но особо "переосвященного" "сверхчеловека". Крещеные-то уже освящены Святым Духом, а этих специально еще раз за разом "переосвящают" все больше и больше. Как будто Святой Дух не Личность и не Бог, Который Сам "дышит, где хочет", а какое-то "поле" вроде магнитного, которым наши "архиереи" научились управлять по своему желанию: сколько раз захотят, столько и "перемagnetят".

Кстати, именно современное православное богословие, опровергая пятидесятническое движение, в котором утверждается возможность (и необходимость) сошествия Святого Духа на их сборища всякий раз, как они вместе, сообща помолются, подписало, само того не пожелав и не заметив, приговор всем этим "таинствам освящения и переосвящения". Учение Церкви утверждает, что Святой Дух уже сошел на Церковь раз и навсегда в день Пятидесятницы, и Его повторные "сошествия" и "пришествия" невозможны, а потому ложны. И новокрещеные, получая от Церкви благодать крещения, через соединение с Нею приходят в состояние полноты Святого Духа, обитающей в Церкви, раз и навсегда, и их человеческая природа благодатно изменяется: падшее грехопадением тленное естество восстанавливается до первозданности Образа и Подобия Божия. Так что куда этой природе еще меняться, непонятно: выше Бога, что ли? Отсюда ясно, что произойти это может со всяким человеком только однажды – при крещении. А дальнейшие "колебания" в изменении субъективного состояния души в ту или иную сторону измеряются соотношением меры греха и покаяния в жизни христианина: чем дальше человек отходит от "ног Христа", тем менее он становится сочувствен благодати Святого Духа, в полноте которой он, тем не менее объективно пребывает до тех пор, пока сам сознательно и свободно своей волей и решением не откажется от нее и не отречется от Христа и Вечной жизни с Ним.

Что же касается "рукоположения" или "возложения рук", то его использование в христианстве, если так можно выразиться, неспецифично. Сам Христос возлагал руки по разным поводам: на учеников, посылая их на проповедь, на болящих для исцеления, на умерших ради воскрешения, наконец, на детей, просто, чтобы обнять и благословить их. То же делали и апостолы при всяком случае, когда требовалось осуществить общее согласованное действие (см. Деяния): кого-то куда-то послать с важным поручением, назначить кого-то за что-то конкретно отвечать в жизни и деятельности общины. И опять: для исцеления, воскрешения, чудотворения. Можно ли рассматривать "возложение рук", как тайнодействие, влекущее за собой "автоматом" некие духовные последствия? Иными словами, к примеру, чудесное исцеление – это результат "возложения рук", или еще чего-то?

Вот здесь мы подошли к границе, разделившей "мечом христовым" Царство Любви от ветхозаветного "хромого на оба колена" полуязыческого потребительского отношения к Богу как к некой жестокой силе, которую или надо умилоствовать жертвой, чтобы отвести от себя возможные бедствия, или при удаче, (например, путем заклинаний, каких-то формально исполненных ритуалов, и "сакральных", то есть "таинственных" действий) обратить на пользу себе, а также во вред и погибель своим врагам. Именно такие взаимоотношения ветхозаветное человечество постоянно навязывало Творцу, Который противился этому всеми возможными средствами, начиная от бесконечных обличений и вразумлений через пророков, видения, явления – и кончая потопами и уничтожительными катастрофами. Однако корыстно-магическая линия "отношений с Богом" пережила Иисуса и благополучно перекочевала в Новую Эру, найдя себе

немалое место в Церкви, и успешно присоединившись к христианству, чтобы выгодно "примкнуть и наестся".

Если допустить, что "возложение рук" или какие-то другие обрядовые действия что-то дают и значат сами по себе, сообщая через действие определенные чудесные свойства и качества "рукополагаемому", как самостоятельное явление некоей Силы, пусть даже Божественной, Сам Христос нам тут же станет не нужен, без Него обойдемся. Станем исцелять, чудотворить, воскрешать наших умерших, заживем безбедно, здорово и счастливо, к тому же и бессмертно, и скоро забудем о Христе: зачем Он нам со Своим Небесным Царством, когда у нас и здесь, на земле, в этой жизни, есть все потребное и нужное для счастья. Замечаете? Мы точно въехали в Ветхий Завет построения Вечного Иудейского Царства на земле при помощи "машиаха": "не потому хотели сделать Его Царем, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб, и насытились" - здорово иметь Царем чудотворца, который станет по первому требованию выполнять все запросы народа. А еще бы лучше сбылась древняя, как мир, живучая мечта о "скатерти-самобранке", "мече-кладенце", "серебряном копытце" для разживы деньгами и, более того, о "золотой рыбке на посылках" у любой злой старухи. Дремучее древнее зло, столь легко свивающее себе гнездо в сердце падшего человека, всегда бывшее "мерзостью пред Богом", сегодня законно проживает в Церкви на правах части ее "учения", давно удалившегося от Учения Христа, как и церковная жизнь удалилась от самого Христа, не оправдавшего надежд "христиан" на "земное Царство". Да-да, я своими едва не отвявшими ушами слышал от одного высокопоставленного архиерея, во многом определяющего "политику Церкви", что "задача Церкви – построение Царствия Божия на земле". Он был искренне в этом убежден, похоже, он и вправду так думает, совершенно не замечая, что о том же мечталось ветхозаветным иудейским архиереям, которые распяли Христа, нехотая проповедовавшего "Царство не от мира сего" и Вечную жизнь "будущего века".

И потому лично я рассматриваю возложение рук не как некое таинственное "мистическое действие", а более как символический акт, внешнее выражение личного отношения к человеку, на которого возлагаются руки молящихся Богу о нем и о благополучном исходе его предприятия, о даровании ему Милости Божией и об ограждении его и порученного ему дела от случайных превратностей и враждебных козней. Благословение с возложением рук – это молитва об успешности "рукополагаемого", и ничего больше. И как говорил Богдан Хмельницкий: "Будет то, что будет, а сбудется, что Бог даст". А решает только Сам Христос, Который при этом обещал: "Что ни попросите во Имя Мое, будет вам". Понятно, что во Имя Христа просить возможно только о чем-то очень важном, и, безусловно, нравственном: нормальная совесть не может позволить иного. Само же возложение рук более есть внешняя форма выражения признания и надежды, "объятия любви": "Христос возложил на детей руки, и обняв их, благословил их".

А "благодатное преемство Духа Святого" осуществляется через крещение желающего принять его по своей вере в Сына Божия любым верующим ранее уже крещеным христианином.

Уф, будто на гору забрался, аж запыхался. Однако глянем теперь с высоты обретенного нами с таким трудом понимания "учения о благодатном преемстве" на расстилающийся внизу причудливый ландшафт конфессиональных отношений между всеми этими христианскими "церквями", сколько их ни есть: нас интересует увидеть, где же все-таки проходит эта самая пресловутая "граница Церкви" и кто из нас где находится – кто в Церкви, а кто – "вне" Ее. На этот вопрос веками тщились найти ответ целые поколения богословов, но так и не пришли не только к согласию (какое там!), однако, даже более или менее вразумительное исчерпывающее определение этих самых "границ Церкви" так и не сформулировали, не говоря уж о "демаркации" самих "границ". А может, потому не удалось найти, что не там ищут? Может, и нет ее, как таковой, видимой-то границы, с помощью которой так удобно было бы определить всеобщую принадлежность к Церкви и заранее "отделить овец от козлищ"? Тем самым осуществив мечту человечества наперед договориться с Богом "о цене" и оплатив заключенную сделку, быть вполне уверенным в том, что "уж мы-то со Христом непременно", неотменно, и выполнив "вдвое больше" Ему "положенного", можем теперь на досуге всецело посвятить себя устройству

земного счастья и благополучия и как следует пожить. Вспомним хотя бы купленную отцом Уленшпигеля Клаасом индульгенцию "на десять тысяч лет", которая, однако, не спасла его от костра по доносу человека, которому он отказался уступить за гроши отпущение грехов "на сто лет", объяснив, что "такой маленький кусочек трудно отрезать" - эта антиклерикальная шуточка, перевесив все оплаченные десять тысяч лет греха, привела его в застенки инквизиции и стоила ему жизни. Вот так, знай "наших".

Ветхозаветное еще, древнее как мир, желание "договориться", имеющее истинной целью обхитрить и "надуть" Господа Бога всегда определялось Им как "мерзость", которую тем не менее непрестанно старались осуществить "талмудисты" всех времен и народов, относившиеся к Нему, как к идолу, которого удобно обойти сзади, наивно-нагло надеясь незаметно проскочить "за спиной" у ничего не подозревающего Творца. И потому так устраивали иудеев четко определенные в Законе "границы Церкви": родовая принадлежность к "богоизбранному" народу, формальное исполнение набора жизненных правил и участие в праздничных жертвоприношениях в Храме Соломона в Иерусалиме исчерпывающе обеспечивало "угождение" Богу и будущность в Раю независимо отличной нравственности. Однако Христос в разговоре с самарянкой Сам навсегда определил "границы" Своей Церкви, которые столь безнадежно долго все ищет "премудрая" богословская мысль. ("Ищут давно и не могут найти" - кто ж не помнит стихов Маршака из далекого нашего детства?). "Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в Духе и Истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине". (Иоан.4: 21,23-24.) Ищет давно, и все еще не может найти. Почти никого так и не нашел за всю историю человечества, кроме некоторых чудаков, считанных на единицы – это и есть наши святые, да и то, наверно, не все. Поклонение в Духе и Истине, которое на самом деле одно и есть подлинное христианство, оказалось "штучным товаром", явлением редким, индивидуальным, а не территориальным, и не конфессиональным. И настоящая "граница Церкви" проходит по скрытой от человеческих глаз, но видимой Одному лишь Богу территории – по сердцу человека, имеющего веру в Творца, любовь ко Христу и надежду на Вечную Жизнь после кончины тела – такие, и только такие "поклонники в Духе и Истине" пребывают в Церкви Христа, находятся в Ее "границах". И потому бесполезно "ропщут между собою" дискутеры-любители "божественных" тем - никто, кроме Бога не знает, "кто же может спастись?". А, как говорит пословица, "Бог знает, да не скоро скажет", и потому многовековая дискуссия "о границах Церкви" бессмысленна и бесплодна.

Эволюционное движение от общины к "поместной" Церкви, превратив веру в географию, имело свои причины. Апостолам казалось, что централизация церковной власти необходимо вытекает из потребности сохранения единства учения. Однако давно уже многим ясно, что путь этот был ложным, хотя к роковым последствиям привел не сразу, а спустя три века, когда Церковь перестала быть гонимой от иудеев и язычников, и обрела, наконец, долгожданный государственный статус – это и сделалось "началом конца". Как только это стало политически и экономически выгодно, в Церковь массой хлынули неверующие "внешние христиане", совершенно растворив в своей среде немногочисленные "христовы братства" и цинично захватив в них организационную власть с помощью своих "выдвиженцев большинства". Эта катастрофа происходила за историю Церкви много раз, и именно она происходит сегодня в Русской Православной Церкви, наконец-то изнутри захваченной ставленниками КГБ и коммунизма, которому не удалось до конца смять ее при помощи невероятного внешнего давления, наваленного на нее в годы советской власти. Все в церковной жизни вернулось "на круги своя" торжества глумливого насилия неверующего большинства под руководством циничного продажного церковного начальства над ничтожной горсткой христиан, затерявшихся поодиночке в ликующей толпе жизнелюбов, "православно" присовокупивших к своей ни в чем не изменившейся посткоммунистической "новорусской" жизни еще и удовольствие участия в пышных церковных празднествах. Над тем всегдашним церковным меньшинством, известным только Богу Его истинным "малым стадом", члены которого, несмотря на территориальную и организационную разобщенность, внешнюю разлученность, одни только и составляют единство,

соборность и святость Апостольской Церкви Христа. Но об этом вся речь у нас впереди, друг читатель.

Достижение внешнего церковного единства оргметодами стало не оправдывать себя практически с самого начала. Апостол Павел вынужден был постоянно улаживать возникавшие в его общинах нестроения и скандалы, писать грозные послания, в которых обещал послушникам придти к ним разбираться "с жезлом" и наказать виновных. Начались первые "отлучения", то есть исключения из общин пролезших в них неверующих циников и блудодеев. Одним словом, пошла обычная для любой организации бюрократическая деятельность: переписка, меры, оргвыводы – ради того, чтобы с помощью созданной властной машины поддерживать дисциплину внешнего единства среди тех, кто во внутреннем, сердечном единстве, возможно, не находился прежде всего с самим Христом, и потому не был единомыслен и с "братьями". Зачем же тогда такие вообще примыкали к христианам, тем более, что это было небезопасно? Ну, во-первых, конформизм, всех нас мучающее "стадное чувство", инстинктивное желание двигаться за вожаком и подражать "стаду", окружающему нас привычному большинству. Наши дети ходят с нами в церковь, молятся и веруют в Бога не своей верой, которая если и придет к ним, то гораздо позже, в сознательном возрасте взрослого человека, а нашей, для детей освященной безусловным родительским авторитетом. А во-вторых, ложный путь обобществленных имущественных отношений первохристианского коммунизма, тут же породивший центр притяжения тех, кто поспешил примкнуть к христианам "не ради Иисуса, а ради хлеба куса".

А что же было делать? Ведь все в мире подчиняется одним и тем же законам падшей грехом человеческой природы. Можно ли было найти иной путь, на котором смогла бы осуществиться "мечта" Самого Иисуса о Церкви, как Царстве "не от мира сего"? Я сам хочу это увидеть и показать тебе, друг читатель. Итак, за мною, кто не испугался.

Возможность креститься друг от друга, как самую древнюю из имеющихся церковных традиций, не смеют опровергнуть даже наши нынешние авторитарные "владыки", предпочитающие это древнее право всех христиан замалчивать и размывать с помощью демагогии на все ту же тему "послушания Церкви". На практике же такое крещение отвергается священством как незаконное, или в крайнем случае, по смертной нужде, "неполное", требующее "благодатного восполнения" с помощью еще одного гораздо позже "введенного" особого "таинства миропомазания", через отдельное применение которого якобы (а не через само крещение) новокрещеный сподобляется все той же "благодати Святого Духа" - во фантик! Все это опять напоминает детские игры, заводила которых пользовался правом изменять правила и вводить новые по ходу игры по своему усмотрению. Частенько бывало, что особенно возмутительное жульничество вызывало общее "демократическое" восстание с криком и даже дракой, и мелкий деспот, наглостью изменения правил в свою пользу переступивший границу общего терпения, с позором изгонялся, после чего игра продолжалась без него. Как написано Андерсеном в сказке о Голем Короле: "Ребенок есть ребенок, он всегда на своем месте".

Цель этих церковных фокусов к сожалению, та же: монополизация права "священного клана" получить полноту власти над "мирянами" и заставить их поверить в то, что без "священства" им деваться некуда, потому что оно – ни много, ни мало – осуществляет в Церкви с помощью своих ритуалов спасение душ прихожан. Дескать, без них "не спасешься". А как же спаслись первые-то христиане, которые никаких епископов-священников в глаза не видели? А как же пустынные, почитаемые в Церкви святыми, многие из которых, удалившись из мира, так и сгинули безвестно безо всякого участия священства? В общем, "главное в профессии" церковной "священной" касты – найти аргументы всех убедить в собственной незаменимости и невозможности обойтись без них. И вот тут-то оказывается позарез необходимым использовать "на полную катушку" весь ресурс авторитета Самого Бога, потому что только от Его Имени возможно хоть как-то оправдать очевидную дикость униженного положение "мирян", спасение душ которых, оказывается, помимо личных отношений со Христом, поставлено в зависимость от

произвола каких-то других людей. Чего, конечно, как сразу понятно любому, быть никак не может. "Редька хвалилась, что только с медом хороша, а мед сказал ей, что он и без нее хорош". Так же и мед отношений с Богом хорош сам по себе, без горькой примеси людской несправедливости и корыстного лукавства.

В этой связи вспоминается мне замечательный рассказ Платонова "Усомнившийся Макар". В нем автор замечательно тонко высмеивает народившуюся после захвата власти советами новую "пролетарскую" бюрократию: невежественную, неотесанную и неуклюжую, но гениальным мужицким умом ухватившую главный принцип, лежащий в основе основ любого преступного сообщества – то, что у нас издавна называется "круговой порукой". Очевидно, что власть насилия неизбежна в любых организованных человеческих сообществах ради поддержания порядка – здесь-то и присасывается преступник-паразит, называемый по-другому мудреным словом "коррупция". Несчастный Макар, явившийся "ходоком" в столицу чего-то выбивать и добывать, насмотревшись на чиновничье мурло, засомневался в нужде ходить и выпрашивать у них то, что всем и так принадлежит по праву. И уехал к себе домой без всяких разрешений. А чиновник тот зарос у себя в кабинете паутиной, потому что, глядя на пример Макара, никто больше не стал к нему ходить на поклон, о нем забыли и прекрасно зажили без его разрешения.

"О, если б навеки так было". Эта прекрасная мечта, к сожалению, терпит крах всякий раз при столкновении со злой и корыстной преступной волей объединившихся общими шкурными интересами негодяев. Вспомним хотя бы "Крестного отца". Сперва человек, вынужденный смертной стиснутостью обстоятельств, защищает свою семью силой оружия и убийством. Потом он становится защитником угнетенных, этаким Робин Гудом. А затем понимает, что для полноты власти над людьми мало их защищать своей силой или силой своего авторитета опасного злодея. Нужно их сделать соучастниками преступления, чтобы держать их "на крючке" до тех пор, пока понадобятся их ответные услуги. Но и этого тоже мало. Нельзя полагаться на редкий и неверный случай, приводящий оказать столь нужную и полезную услугу. Гораздо проще оказывать влияние на каприз судьбы, самому создавая ситуацию, ввалившись в которую, как в расставленную западню, намеченный человек побежит за помощью к тебе. И вот это уже настоящее организованное злодейство, до которого моментально докатываются все без исключения робингуды, им же несть числа.

Поэтому любой чиновник-коррупционер (в нашей стране это слова-синонимы) сплетает вокруг себя такую паутину, что не то, что Макар – блоха, и та беспощинно не проскочит.

В этом смысле все семьдесят лет беззаветного служения советской власти, и в особенности последние десять лет, посвященных исключительно служению самим себе, продавшая совесть коммунистам и чекистам верхушка РПЦ была не на шутку озабочена одной докукой: ну как все-таки дойдет до разбирательства их тайных делишек, которые все равно, по обещанию Христа, когда-нибудь "станут явными"? Как тогда удержать власть и деньги, которые им, Слава Богу, "есть чего терять", и потерять невыносимо? Вот и плели они стальную паутину из Указов и Уставов, чтобы удушить в младенчестве, в зачатке, любую самую возможность нашей с Вами свободы во Христе, той самой "свободы совести", за которую они так рьяно боролись все эти проклятые "годы безвременщины". Примеров тому тьма.

При советах у безбожной, богоборческой власти, когда надо было дружить против "инакомыслящих" и найти на них управу, не было лучшего друга, чем РПЦ, опиравшаяся на упомянутый выше Принцип Целесообразности. Хорошо помню, как, учинив очередную скандальную расправу над какими-то "нелегальными" баптистами, ГБ прислало своего агента с "Иновещания" взять интервью у настоятеля нашего храма. Я со стыда сгорел, когда, сидя в Алтаре на Горнем Месте, этот уважаемый мною совсем уже старый, много переживший человек, маститый, заслуженный священник (в то время личный близкий друг и многолетний сослуживец нынешнего Патриарха) привычно и гладко врал в микрофон на весь мир, что "верующие в нашей стране имеют полную свободу и никогда не подвергались никаким притеснениям от власти" - он,

которого эта власть всю жизнь загоняла в бутылочное горлышко лишь за то, что имел несчастье верить в Бога и вовремя свою веру не спрятал. А если взять жалобы священства в райкомы партии на деятельность нелегальных сектантов, которых потом по этим жалобам вылавливали и сажали по печально известной 130 "за антисоветскую деятельность и пропаганду". Ладно, они-то мученики и исповедники (в зависимости от последствий: кто сгинул в тех лагерях – значит, мученик) за веру, а вот их предатели – они-то кто, а? Зачем все мы и всегда это делали – предавали со страха, а оправдывались стоянием за веру? Видно, есть что терять.

В начале девяностых, едва ослабла на шее верующих удавка, сплетенная и намертво затянутая безбожной властью еще в революцию, стали спонтанно, без "команды сверху" образовываться "православные братства", явившие живые ростки почуявшего весеннюю оттепель церковного древа. Эта замечательная стихийная инициатива церковного строительства "снизу" была жестоко и безжалостно подавлена всполошившейся патриархией в ее старой смычке с "новой" российской властью. Организация и регистрация новых "братств" была поставлена протащенными в спешном порядке через старую подружку-власть изменениями в законах под жесткий однозначный контроль церковных властителей, а ранее упущенные "братства" были постепенно заарканены, стреножены и обезглавлены насильственной заменой естественных лидеров на назначенных патриархией руководителей, или ликвидированы путем разных "перерегистраций", которые без согласия местных Князей Церкви постепенно сделались невозможными. Сейчас "братства" остались только марионеточные, полностью подконтрольные начальникам из РПЦ. Поистине, "железные объятия". И "любовь" такая же. В "Письмах Баламута" замечательного английского писателя Льюиса в переписке между собой два беса обсуждают Любовь Христову. Старший, которого зовут Баламут, пишет младшему, по имени Бесик: "Наши с тобой любви друг ко другу, в сущности, похожи, как две капли воды. Для меня любить тебя, значит, взять тебя в когти, объять тебя, съесть тебя, поглотить тебя, чтобы ты полностью был во мне и стал мною, частью меня. А Христос говорит "люблю" - и отпускает на свободу. Не понимаю". Думается иногда: может, они и вправду не понимают, что делают? У Златоуста сказано про таких: "Творящему добро творить добро до конца; творящему зло – творить зло до конца". "Господи, помилуй их, ибо не ведают, что творят". Эти – ведают. Они в академиях учивались, и все книжки церковные наизусть прогрызли. Да, видать, не про них писано. Как говорил один уважаемый мной человек: "можно быть доктором богословия и при этом совершенно неверующим человеком". На примере наших "владык" видим, что можно быть и неверующим архиереем - разве вера в Бога совместима со злодейством?

Однако, может, не очень-то сами дорвавшиеся до церковного княжения люди виноваты: такова перемалывающая сила молоха любой тоталитарной системы: "С волками жить – по-волчьи выть". Пока всем плохо и худо, начальство готово разделить народный "хлебушек – вместе", а как чуть полегчает, отпустит – бегут свой "табачок" раскуривать в своем узком "номенклатурном" кругу с народом "врозь". Вон, Сталин, и тот, когда у него хвост задрожал, обратился к народу со знаменитым церковным "братья и сестры", о чем по свидетельству Солженицына начал сожалеть, как о слабости, едва чуть полегчало.

Вот что пишет об этом в своей книге о. Павел Адельгейм, отсидевший при советах за веру и потерявший ногу в лагере на лесозаготовках:

"Во времена советского атеизма священник не был унижен животным страхом перед епископом. (здесь батюшка немного ошибается: было, было и тогда, не так явно, не столь массово, потому что отчасти зависело – от личной порядочности самого епископа, и его способности наладить угодливые отношения с местной властью. прим. – мои) Тогда мы вместе смотрели в глаза опасности и были готовы к мученичеству, если призовет Бог. Мы были единомысленны. Совет по делам религий, Компартия, НКВД были нашими общими противниками. Подвергаясь гонениям, лишаясь регистрации, попадая в тюрьму, священник знал, что может опереться на сочувствие и молитву Церкви.

Вернувшись из тюремного заключения в 1971(!) г. автор этих строк, священник, пришёл на приём к архиеп. Варфоломею Ташкентскому и Среднеазиатскому. Мы не были знакомы. Когда я вошёл в кабинет на берёзовой ноге без креста и в чужой рясе, Владыка растрогался, одел на меня протоиерейский крест, благословил и обнял. Эту награду я храню как дорогую память прошлого взаимопонимания с епископом. По поводу награды гонимого священника архиеп. Варфаломей принял большие скорби в Совете по делам религий.

Новые условия вознесли епископа "Акакия Урюпинского и Ангорского" в ранг сановника областной администрации. В окружении богов местного Олимпа, он купается в лучах мирской славы, отделённый новым положением от нужд и забот своей паствы".

А я говорю, что диву даюсь вот от чего. Двадцать лет я "кушаю землю" поповского служения в провинциальном захолустье, разделяя с народом "жизнь и судьбу", и за прошедшие годы многое изменилось, но только не в РПЦ. Как в те годы патриархия, будучи "номенклатурой" власти, пользовалась цековской кормушкой, паслась в спецраспределителях и топталась на парттусовках в Кремле, в то время, как исповедники веры сидели по лагерям и тюрьмам и пускали слюни от аминазина в психиатрических спецбольницах; так и теперь все тот же Алексей (нынешний Патриарх), хоть и изрядно постаревший, шаркает по кремлевским покоям или принимает президента и правительство у себя на даче в Переделкино, ездит на правительственных лимузинах со спецсвязью и на полную катушку использует в интересах группы еще тех, прежних, партноменклатурщиков от Церкви и примкнувших новых административный ресурс власти для укрепления своего положения, и в преследовании все тех же "инакомыслящих": католиков, сектантов, "зарубежников" - христиан, которые ему не подчиняются. Из всей страны только в РПЦ ничего не изменилось – коммунизм продолжается, и продолжают его поставленные госбезопасностью наши "владыки", блюдущие заветы своих прежних хозяев, как "посмертную святыню". Верные псы, сторожащие хозяйскую могилу.

Однако, что-то я увлекся "сеансом разоблачения". Видать, возрастное: "Старый Мазай разболтался в сарае". Вы меня, дружки мои, не стесняйтесь одернуть, коль забудусь, а то эдак мы никогда не закончим. Итак, как было написано в "Сарагосской рукописи": "Пашеко дико закричал, и продолжил свой рассказ".

Между тем, рассуждая о древней традиции христиан креститься друг от друга, мы незаметно вторглись на территорию действия другого церковного "мифа": о существовании семи Таинств, или, как их любят называть церковники,

"семь Даров Святого Духа",

намекая "святостью" числа "семь" на происхождение всех именно семи Таинств от Самого Христа, лично учредившего их в Своей Церкви. Причем "святое" право совершать их является неоспоримой прерогативой "священной корпорации": "миряне" - ни-ни, они могут в Таинствах участвовать лишь пассивно, "принимая" их от "совершающих" епископов и священников.

А чтобы попам не давать вольницы, первые еще епископы, взяв моду назначать на умножившиеся приходы себе в заместители "пресвитеров", дабы было кому "с бабами да с ребятишками возиться", ради сохранения властного и финансового контроля право "рукоположения" присвоили лишь самим себе, тем самым не только народ, но и попов поставив в зависимое от себя положение. Это дало возможность архиерею совершенно обособиться от своей "паствы", оставив при этом за собой власть и доходы, и посвятить себя целиком общей "борьбе за правое дело": за чистоту и единство вероучения. Каковая борьба, продолжаясь с неослабевающим накалом две тысячи лет, привела, я уже говорил, к каким результатам: нынче у всех и каждого своя вера, и только архиереи попрежнему в порядке, какая ни будь у них самих вера, если только вообще есть какая-то, чего на их дела глядя, о них не скажешь. Похоже, что это та борьба, которая сама и является целью всей борьбы. Это как война в Чечне: кто ж даст ей закончиться, когда из тех, от кого это зависит, все "в доле", и "имеют" именно с войны, и с тех

огромных денег, в которые она обходится нашему нищему народу. Так что борьбе – быть, это дело выгодное, доходное и почетное: генералы, "отроду не слыхавшие свиста пуль", как сказано у Пушкина в "Кирджали", получают награды, звания, гребут деньги, мародерствуют и с помощью смелых речей в телекамеру копят "политический" (и не только) капитал, чтобы при его помощи вынырнуть вскоре во власти. А церковные генералы имеют без всякого риска нюхнуть-таки порошу все то же самое, и плюс к тому еще и "святость": не так уж редки случаи номенклатурного прославления в святые – чтоб угодить власти, богатству, и "нужным людям". Расскажу, пожалуй, возмутительный случай из последних.

Есть монастырь в городке Печоры Псковские, о котором я уже кое-что рассказывал.

Этот монастырь существует с 15 века, учрежден он в 1425 году, и с тех пор никогда (в том числе и при советской власти) не закрывался. То есть, вот уже 6 веков непрерывно действует и служит Богу. Это совершенно удивительное место, оно, наверно, по значимости своей не уступает Киево-Печерскому монастырю, как общероссийская святыня. И имеет историю почти такую же давнюю, как и Киево-Печерский монастырь. Но Киево-Печерский монастырь был основан в рукотворных пещерах. Кто был, знает, что там сеть пещер, которые были за прошедшие века открыты жившими в них монахами. Что касается Псково-Печерского монастыря, то там, как написано при входе, "Пещеры Богом зданные", то есть они природного происхождения. Я там был неоднократно, и каждый раз, бывая, не переставал удивляться чуду Божьему, явлению бесподобному и невиданному.

Сам монастырь – удивителен по красоте и очень причудливо построен прямо на овраге, в ложине. Его со всех сторон окружает мощная крепостная стена. Эта стена сперва идет по краю одной стороны оврага, затем поворачивает вниз, в овраг, сбегает по склону до самого дна, и поднимается вверх на другую сторону, образуя эдакую огромную "галочку". Затем опять вдоль другого края, и снова вниз-вверх, замыкая периметр.

По дну оврага через весь монастырь протекает ручей: с одной стороны втекает, с другой вытекает. По краям стен высятся огромные древние башни-детинцы. Внутри образованного стенами "каре" находятся монастырские здания: несколько церквей, келейные корпуса, службы – живописными уступами расположившиеся на крутых склонах. И самое главное, внизу, на уровне дна, имеется вход в пещеры.

Пещеры представляют собой, конечно, уникальное природное явление. При входе дают свечку (пещеры ничем не освещены) и только светом этой свечи можно освещать небольшое пространство впереди и вокруг себя. Когда идешь с этой свечкой по темным коридорам, видишь в круге света впереди себя, что своды удивительно красивы – они совершенно естественные, неровные: то сужаются, то поднимаются, то расширяются, и сам полукруглый свод состоит из слежавшегося песка. Не из песчаника, я хочу это подчеркнуть, но именно из слежавшегося песка – прямо такие разноцветные жилы: то белый песок идет, то темный песок, то красный. Весь свод испещрен жилами-пластами и кое-где имеется вкрапление камней – каменная порода проступает сквозь песок.

Под ногами ковер из песка, осыпавшегося со сводов за прошедшие столетия. Но вот что удивительно: если, например, ковырнуть стену, песок легко поддается: провел ногтем – песок осыпался в этом месте, и осталась черточка. Если ладонью провести, то песок остается на ладони. Но сам по себе песок каким-то чудом со сводов не падает, и держится на них необъяснимой силой, никогда не обваливаясь не только пластами, но даже и отдельными песчинками, как будто он чем-то склеен. То, что за шесть веков осыпалось, составляет всего-навсего 5-10 см под ногами! Все мы были детьми, пытались строить пещеры, рыть в песке норы и всегда рано или поздно эти своды обваливались. А здесь нет: пещеры находятся в первозданном состоянии уже на протяжении по крайней мере шести веков.

В пещерах особая атмосфера: там всегда температура 6 градусов тепла, они не проветриваются, там нет никакой вентиляции – ни искусственной, ни естественной, но воздух удивительно свежий, т.е. каким-то образом он обменивается, и атмосфера в этих пещерах совершенно особенная.

С первых дней основания монастыря и поныне в пещерах производят захоронение братии – все, кто живет в монастыре, захорониваются в этих пещерах самым простым способом: гроб с останками человека заносят в пещеру и там оставляют.

В пещерах делают специальные ниши, отдельные тупиковые ходы, в которых гробы просто наставляются один на другой. Заполненную нишу могут закрыть иконой – есть такие ответвления – отодвинув которую, можно увидеть само захоронение: стоящие друг на друге десятки гробов с телами умерших, захороненных на протяжении шести веков. Там очень большое захоронение – тысячи людей уже похоронены – и при этом никогда не бывает никакого ощущения запаха тления или разложения плоти, несмотря на то, что людей продолжают хоронить. Запаха никогда не бывает! Вот это удивительно! Нельзя сказать, что это естественное явление. Хоронят, конечно, там не всех. В основном, монастырскую братию. Те, которые всю жизнь молились Богу и, надеюсь, Богу угодили, удостоиваются захоронения в этих пещерах. Я не могу утверждать совершенно твердо, что отсутствие признаков разложения – это явление, не имеющее естественного объяснения, но, в общем, православные люди веруют, что в этом особенное знамение и чудо Божие! Может быть не все в это поверят, и не всем это понятно, и в связи с этим я хочу рассказать историю, которая связана с нашим первым президентом Борисом Николаевичем Ельциным, который тоже посетил Печерский монастырь и его пещеры.

Борис Николаевич, хоть и ходил в церковь под телекамерами, но все-таки он, как мы знаем, сначала был коммунистом, потом стал антикоммунистом. Вера – это тайна сердца человека, и о вере его мы говорить не можем, но, во всяком случае, он всегда был человеком, мягко говоря, мало церковным. Когда Борис Николаевич приехал посетить Печерский монастырь, его повели в пещеры. Естественно, что его реакция была, как и у всякого мало-церковного человека: он хотел понять – в чем здесь дело? Его сопровождал один из старцев монастыря, престарелый архимандрит. А Ельцин у него все допытывался, и прямо спрашивал (он ведь всем известен, как человек несколько грубоватый и простоватый): "Ну что же, так-таки и не воняет? Никогда не воняет?" И, в конце концов, вывел монаха из себя – сперва тот все старался помягче и так, и эдак объяснять, а потом понял, что здесь нужно объясняться попроще и говорит: "Скажите, пожалуйста, Борис Николаевич, вот вы – земной царь: в вашем окружении есть люди, которые воняют?", - "Нет! Как это возможно?" А старец-монах и говорит ему: "Вот и в окружении Небесного Царя тоже таких не бывает!" И это как-то на Ельцина подействовало убеждающе: он удивился, и понял, что действительно так может быть.

Так вот. Говорят, прослышали питерские "братки" про такое чудо, что в Так вот. Говорят, прослышали питерские "братки" про такое чудо, что в монастырских пещерах покойники "не гниют". А тут как раз какого-то ихнего важного-преважного "авторитета" дружки на тот свет спровадили. И встал вопрос о похоронах. Ну, тут уж у них ни друзья, ни враги никаких денег не жалеют, в том числе и на слезный всецерковный помин, чтоб только все было "по высшему разряду". Кто-то и вспомнил про "Печерское чудо" - экзотика, какой ни у кого не бывало! Сказано-сделано: приехали в Печоры и сделали наместнику предложение, "от которого он не смог отказаться". Еще бы, он отказался – сам бы там и оказался (извиняюсь за невольный каламбур). Так что, "со святыми упокой, Господи" теперь и наших бандитов. Не знаю, сколько их за это время еще легло под святые пещерные своды, но думаю, что новые гости не замедлят – "лиха беда начало". И есть опасение, как бы монастырь-то не протух: ведь трудно представить, что, несмотря на старания соплеменников новые нечестивые "постояльцы" составят приближенный круг Небесного Царя, которого не прельстишь и не запугаешь. Ибо Он – Судия Праведный, и всем воздает по делам их, которые скоро, наверное, узнаем по тухлине в пещерах.

Вернемся теперь к "семи таинствам".

Мне когда-то задали вопрос: чем отличается Таинство от обряда? Сегодня я бы так сказал: всем. Это вообще совершенно разные вещи. Обряд – он так и называется – это "парадная одежда", торжественная внешняя сторона любого публичного действия, не обязательно религиозного. Например, президентов встречают "по протоколу", который и есть заранее оговоренный обряд. Есть у нас всем знакомый обряд регистрации брака: ЗАГС, "роспись", затертый Мендельсон, казенные фужеры с теплым шампанским, фото на память – я ничего не забыл? В церкви полно всяких обрядов, и чем дальше, тем больше. Большинство из них не имеют к Таинствам никакого отношения, но существуют отдельно, как бы сами по себе. Все это довольно странно, если вдуматься, но не время обсуждать эти "чудеса в решете" и их происхождение. Займемся лучше таинствами, которых, "как учит Святая Церковь, ровно семь". Итак, Таинства.

Что же такое эти "Таинства", и что, собственно, в них таинственного, или, как говорят в церкви, "сакрального"?

Под словом "Таинство" подразумевается встреча человека со Христом, назначенная Им Самим. Это ничего общего не имеет с молитвой, во время которой осуществляется Богообщение. Ни тем более со снами, видениями или явлениями, сомнительная ценность множества которых очевидна любому трезвому здравомыслящему человеку, знакомящемуся с бесконечными рассказами о подобном опыте. Христос встречается в Таинстве с нами по совершенно конкретной нашей нужде, для оказания нам помощи, которую Он всем Своим ученикам на все времена обещал заранее, во время Своей земной жизни. И Сам же предупредил нас в Евангелии, что без этой Его помощи христианам прожить трудно, а спастись невозможно.

Однако встреча с Самим Богом, лицом к Лицу, для человека невозможна, непосильна: "Нет человека, который бы видел Лицо Божье, и остался жив". Поэтому – Таинство. Совершенно реальная Встреча проходит незамеченной для сознания, которое этого просто не выдержало бы. Щадя нас, Божество Христа является нам – является в нас – на уровне подсознания, которое затем, медленно, постепенно прорастая в человеке, со временем дает ему через осознание произошедшей с ним перемены познать дивный плод, оставленный ему в дар Сыном Божиим. А уверенность в том, что встреча действительно состоялась, независимо от сиюминутных настроений, переживаний и "эмоциональных состояний", осуществляется через преподаваемый в церкви при совершении Таинства вещественный залог того, что случилось, и непременно произошло по обещанию Бога, Который солгать не может. То есть, к примеру, приняв в Церкви частицу Хлеба и Вина, мы верим, что стали участниками Божества Самого Христа, и через это сделались чуточку "божественнее", что ли. И лишь позже человек обнаруживает, что – так и есть – с ним произошло что-то хорошее, он изменился, стал лучше. В чем именно, пусть каждый поймет и, если захочет, расскажет про себя сам – каждому свое.

Теперь, почему – семь? Между тем на этих страницах мы уже успели походя коснуться, по крайней мере, четырех из них: Крещение вкупе с Миропомазанием, Причащение и Посвящение в Священный Сан. Не стану вновь обосновывать свои аргументы, позволяющие из этих четырех признать действительную Таинственность в указанном на абзац выше смысле, действительно преемственную от Самого Христа лишь за двумя из них: Вступление в Церковь Христа через Благодать Крещения Водой и Духом; и Жизнь во Христе, Полнота которой осуществляется в Таинстве Евхаристии, через Причащение. Добавим, что и Миропомазание, и тем более Посвящение, как отдельные (!) Таинства были введены в церковную практику гораздо позднее первых трех веков христианства.

Остается еще три Таинства: Покаяние, Венчание, и с моей точки зрения стоящее особняком Таинство Елеосвящения, которое в народе прозвали "соборованием".

Венчание как отдельное Таинство оформилось чуть ли не в десятом веке. До этого освящение брака было неразрывно связано с Евхаристией и прямо вытекало из нее. По совершении Евхаристии и общем причащении всех присутствующих, в котором участвовали и

брачующиеся, они просто оглашались перед всей Церковью, как вступающие в брак, и с этого момента считались мужем и женой "пред Богом и людьми". Следы этого сохранились в обряде венчания, где теперь молодым вместо Евхаристической чаши подносится зачем-то символическая "общая чаша" просто вина. Этой символикой стыдливо прикрывается пошедшее от монахов мифическое отношение к брачным отношениям, как своего рода "нечистым", "оскверняющим" людей. Ложь эта не только постыдна, но и богохульна, так как прямо указывает на Творца, Который "мужчину и женщину сотворил их", как родоначальника блуда и скверны, с ним связанной. Однако это тема разбирательства отдельного мифа, к ней мы еще обязательно вернемся на последующих страницах. Что касается брака, то иночество, закрепив через исключительно "монашеский" епископат за собой право судить и рядить жизнь мирян на свой властный аршин, порешило, что так как после совершения брака молодые приступают к интимным обязанностям, это оскверняет принятые ими за Евхаристией Святые Тайны и причащать брачующихся не следует. Так, Брак, совершаемый на Небесах, "Тайна велика есть", был монашеством ОТЛУЧЕН ОТ ЦЕРКВИ – да-да, ни много, ни мало. И уже хотя бы поэтому современное венчание Таинством никак не является, а является очередным обрядом, да еще и весьма сомнительного свойства.

Покаяние и прощение грехов не имеет отдельного вещественного залога, так как Христос его не оставил. Грехи может прощать только Бог, и совершается это всегда, по милости любящего нас Бога, при условии нашего покаяния, которое легко имитировать перед людьми, но невозможно пред Сердцеведцем. А прощение Богом всех людей происходит через Искупительную Жертву Христа, о которой уже подробно говорено, и само прощение и очищение человек как раз и получает от Бога, причащаясь Христовой Жертве. Так что отдельное "таинство покаяния"- это "масло масляное", очередная поповская перестраховочная выдумка, чтобы самим решать, "достойн" или нет "мирянин" причастия, к которому священник приступает не только безо всяких предварительных условий, но это еще и вменяется ему в служебную обязанность: коль скоро он "служит" Литургию, то не имеет права за ней не причаститься. Иначе "второй Иуда будешь", как написано в служебных книгах.

Что же касается возможности облегчить душу, то в Евангелии сказано на это счет однозначно: "Исповедуйте друг другу согрешения ваша" - так что священники здесь совершенно не при чем, они для этого не нужны. Да и не подходят в нашей женской церкви, где женщины вынуждены, стыдясь не только самих грехов, но и насильственной нужды, обсуждать интимные стороны жизни с посторонними мужчинами. Да еще частенько с монахами, которым уж об "этом"-то вообще знать не положено, как, впрочем, не положено даже издали взирать на женщин, не говоря уже о приближении к ним и тем более разговорах: они обет целомудрия давали, который нагло попирают, услаждаясь женскими признаниями вроде как вполне легально.

Остается неразобранным Таинство Елеоосвящения. Однако никакое оно не таинство, а "молитва веры", которая "исцелит болящего" не сама по себе, а милостью Божией, как сказано апостола Иакова. Я уже просил не путать Таинственную Встречу со Христом по Его Обещанию с молитвой к Нему по любому и разному поводу, которая, будучи услышана Богом, может иметь плод, например, и в исцелении. Молитву может сопровождать внешний символический акт, то есть, обряд: например, возложения рук, или помазания маслом, или окропления водой – и Таинство здесь совершенно не при чем.

Что же касается утверждения о прощении в этом "таинстве" забытых грехов, то все, что сказано вообще о прощении грехов, относится в равной мере как к забытым, так и к исповеданным: грехи искупаются Жертвой Христа, а не мелочным оцепиванием поступков грешника, приходящего к Богу с "сокрушенным сердцем". Так что подобное "автоматическое прощение" не нужно, потому что имеет намерение опять подменить собою Евхаристию, и отвлекает больного человека от "единого на потребу". Болящего надо призвать к покаянию и прощению от Бога через причастие Христу и молиться за его выздоровление, возможно, прибегая и к внешним ритуалам: "помазания" елеем, возложения рук, водоосвящения – ради выражения пред Богом усиленной молитвы. А священство навязывает ему "соборование"

как "магическую" панацею спасения души через "автоматическое" "прощение забытых грехов". "Очень вредные враки", как выразилась одна героиня Булгакова.

Вот и остается Таинство: Христос Сам вводит нас в Вечную Жизнь через крещение Святым Духом и дает нам участие в Ней через Причастность к Его Божеству: "Аз есмь ... Жизнь" - чего ж нам еще-то надо?

А все остальное – "враки", на сегодняшний день оказавшиеся весьма "вредными", но отнюдь не безобидными, как мечталось тем, кто всегда предпочитал горькой правде жизни пилюлю "лжи во спасение". Лжи во спасение – не бывает.

Миф о "богоугодном" превосходстве монашества над "нечистотой" "мирской" семейной жизни

В детстве я не любил детей, хотя выглядит это парадоксом. Меня раздражали плаксивые малыши и орущие младенцы, и я совершенно не знал, как вести себя с маленькими. Вообще, есть люди, от природы имеющие талант и способность любить всех: "Есть такие ребята: любимые сыновья; Когда они учатся в школе, школа для них – семья...". Это такой же врожденный дар, как, например, абсолютный слух, и, кстати, не чаще встречающийся. В этом смысле я всегда был слишком застенчив, дичился незнакомых и от этого раздражался их присутствием. Постепенно робость моя развилась в индивидуализм, до сих пор мешающий мне в отношениях с людьми и не позволяющий легко сблизиться, преодолеть дистанцию в отношениях, которая самим мной и устанавливается вполне автоматически. Ну, это так, к слову.

Мне было лет четырнадцать, когда меня поразил один мелкий случай. Шли мы с закадычным дружкой просто по улице, и навстречу нам попался ребенок, безутешно плачущая девочка лет трех, видно, потерявшая маму. Я, как всегда, растерялся, и, не зная, что делать, готовился пройти мимо. Не так поступил мой приятель. Он вдруг разулыбался, нагнувшись над малышкой, раскинул руки, чтобы обнять и подхватить ее, затем присел перед ней на корточки, стал что-то ворковать ей, спрашивать, втолковывать. Попутно достал не слишком чистый платок, вытер ей нос, обтер со щек слезки: в общем, вел себя вполне уверенно, как умеющий обращаться с детьми. Никогда за все годы до этого я не знал за ним таких талантов. А тут, глядь, и мама бежит, как встревоженная курица. Подхватила ребенка, целует, и ну нас благодарить за то, что о ребенке позаботились. Ну, я-то, положим, здесь был вовсе не при чем, но случай этот так и врезался мне даже не в память, а в самое сердце.

Прошли годы. Дороги наши разошлись не насовсем. Окончив авиационный институт, мой друг служил какое-то время инженером, а затем перешел на работу с детьми: прилачился водить их в походы, да так и остался на всю жизнь ребячьим руководителем. Талант себя все равно окажет и будет переть из человека, чем бы он ни занимался, как перекишенное тесто из кастрюльки. Если б в свои четырнадцать я уже научился понимать собственные мысли, я еще тогда, после того случая, сказал бы ему, что быть ему педагогом. Так он и есть теперь: заслуженный педагог России и ничуть этим не гордится. А я не удивляюсь.

Я уже говорил, что идею выделить монашество в "высший класс" христианства я лично считаю ложной и глубоко противной самому Христову Духу по причине того, что принадлежность к Церкви Христа есть участие в Царстве "не от мира сего", а житейские обстоятельства каждый обустроивает по своим склонностям. Кто-то "любит одиночество более всего", а кто-то, как мой друг, находит себя в детях, и если своих не имеет (у моего друга-педагога лишь одна дочь), принимается воспитывать "чужих" многих. И монашество я более склонен относить именно к образу жизни, достаточно причудливому, экзотическому, не для всех подходящему. Что же касается желания таким образом "угодить Богу", то вряд ли Богу может быть угодно то, что Сам Он определил в Священном Писании именно как неугодное Ему, сказав при сотворении женщины: "Негоже быть человеку одному". Можно, конечно, что угодно посвятить Богу, даже собственные причуды, однако не стоит обольщать себя тем, что

посвящение окажется обязательно принятым: бывает, что поднесенный букет вышвыривают в окно, а то и на помойку.

Уж как старались древние иудаисты заменить веру и любовь обилием формально поднесенных "жертв и всесожжений", но Бог эти их задабривания всегда определял как "мерзость", имея в виду прикрытие бездушия и бессердечия в личных отношениях как с Богом, так и с людьми проформой исполнения правил "богослужения".

Итак, монашество ("монос" означает "один"), возможно, вообще не угодно Богу, как идея, но откуда же эта идея взялась? Как уже говорилось ранее, своим происхождением древнее монашество обязано "огосударствлению" Церкви и являлось своего рода древнехристианским "протестантством" - да-да, именно так. Личный выход христиан в пустыню имел целью, прежде всего, публичный "исход из среды развращенных" ради сохранения образа жизни "пред Богом", как жизненного примера. Было ли это необходимым, единственным и правильным решением – вопрос поистине гамлетовский и в общем виде, наверное, неразрешимый. Однако выходить понадобилось именно потому, что к тому времени в Церкви уже существовала Власть, превратившая Ее из неотмирного Христова царства в структуру вполне земной организации. Именно захват власти в Церкви адептами государственной системы, цинично присоединившейся к христианству чисто внешне, без всякого изменения как образа жизни, так и нравственных воззрений, привел к тому, что уже само христианство, в свою очередь, неожиданно для себя оказалось присоединенным к давно сложившейся системе общественных отношений вполне языческих и декларативно объявившей себя христианским сообществом, заявленную принадлежность к которой тут же принялись утверждать путем массового участия в ритуалах и обрядах, в "общественных богослужениях", быстро вытеснив веру во Христа из жизни на афишу объединенной церковно-государственной вывески (здесь будет уместно вспомнить напечатанный на американских деньгах слоган "Мы верим в Бога").

Пожалуй, альтернативой "выхода в пустыню" мог бы стать протестный выход из "церкви" и создание своих собственных церковных общин, в которых христиане смогли бы беспрепятственно осуществлять идеал жизни по вере, однако полагаю, что любая государственная система, на словах объявляя принцип "свободы совести", на деле всегда стремится любые проявления веры держать под своим жестким контролем и по возможности использовать в своих интересах. Ведь именно несогласие первых христиан стать одной из многих мирно уживавшихся религий, официально "прирученной" и лояльной религиозно-индифферентному римскому государству, вызывало сперва настороженность, а потом дело быстро доходило до гонений – почему? Попытки добиться от христиан "принесения жертвы перед статуей императора" (или хотя бы купить за недорого справку об этом), что означало бы всего-навсего признание законности ("божественности") существующей власти, оканчиваясь неуспехом, пугали власть призраком мятежа. Но еще более пугала бедных язычников невиданная готовность и массовая решимость христиан идти на смерть за свои убеждения. Такую силу надо держать под неусыпным контролем – в этом убеждена любая власть. Например, советская. При советах любых "незарегистрированных" верующих, всего-навсего собиравшихся вместе на общую молитву, ГБ пасло наравне со шпионами, изменниками и бунтовщиками. И сажали их, кстати, по статьям за "антисоветскую пропаганду" или "за измену Родине", в зависимости от степени испуга, который они своим непонятным "религиозным фанатизмом" умудрялись внушить "представителям партии и государства". А лучшим другом Советской власти, помогавшим прикрыть и оправдать перед мировой общественностью "посадку" очередных выловленных ГБ "незарегистрированных" баптистов, была давно прирученная и вымуштрованная, натасканная на "конкурентов" как злая лягавая ищейка – всегда верная любой власти Московская патриархия. Перефразируя старый анекдот, можно сказать, что патриархийный "слон всегда был лучшим другом советского слона".

Как бы то ни было, в IV веке некоторые из верующих, вытесненные на обочину церковной жизни по сути неверующими, предпочли вообще "выйти из мира" и, удалившись от мирской молвы, скрыться в "пещерах и пропастях земных". Возможно, отчасти этому способствовали

специфические склонности личного характера, свойственные индивидуалистам всех времен и народов: "а умный в одиночестве все ходит кругами, он любит одиночество более всего, и его так просто взять глыми руками, скоро их повыловят всех до одного". А в пустынях не повыловят, в пустынях-то кому он нужен, этот "неуловимый Джо"?

Стоит заметить, что именно к четвертому веку относится начало "времени вселенских соборов", на которых была "юридически" закреплена в правилах и законах сложившаяся к тому времени единая система организации власти в церковных общинах и выработана иерархия подчиненности, позволившая из множества свободных, независимых отдельных общин, каждая из которых являла всю полноту Христовой Церкви, выстроить единую централизованную дисциплинарную организацию, которую было удобно встроить в государственно-правовую систему. Было ли это "госзаказом" или "инициативой снизу" со стороны быстро сообразивших всю свою выгоду от "симфонии Церкви и Государства" (читай: дружба кошки с канарейкой) епископов, теперь уже сказать трудно. Однако ясно, что назревшая необходимость справиться с "религиозным бунтом" христиан, свобода которых в Боге была совершенно не вместиима ни в какое государственное устройство, была решена путем "внутреннего предательства": сперва государство создало предпосылки для внедрения своих адептов в церковную среду, для этого объявив себя "христианским", затем, продвинув на властные должности своих людей, поставило перед ними задачу "объединения" и последующей централизации власти – и пожалуйста, христианство оказалось незаметно и мирно завоеванным вчерашними язычниками с помощью старой уловки с Троянским конем. Именно с этой точки зрения весьма неприглядной предстает роль первых "святых царей" - Константина и Елены – и падает тень на столь своевременно явившееся им "знамение креста на небе", после которого они якобы немедленно и безоговорочно уверовали во Христа.

Кстати, абсолютно то же самое было проделано советской властью с обломками Православной Русской Церкви, уцелевшие остатки верхушки которой ей тем же проверенным способом (с помощью "Шуриков" из КГБ) удалось постепенно приручить и превратить - в "РПЦ Московского патриархата".

Так вот и выходило всякий раз, что столь желанное для церковного начальства обращение власти к вере Христовой совершалось по пословице: "Я медведя поймал!", - "Так тащи его сюда", - "А он меня не пущает".

Однако, выход в пустыню, являясь экзотической протестной мерой одиночек, не только никак не решал те же проблемы в связи с огосударствлением церкви для семейных людей, для "женщин и детей", которым, ясное дело, в пустыне не место, но самое главное, не мог ни для кого стать примером выхода из создавшегося положения, поставившего христиан перед необходимостью искать, как им жить по вере теперь уже в самой ставшей чуждой христианству церковной среде. Об этом, к сожалению, ничего не говорится в монашеских книжках, повествующих, в основном, про сказочные подвиги исполинов духа, небесные видения святых и чудеса. Видимо, тогда, так же, как и сегодня, люди, верующие во Христа, оказались брошенными нерадивыми церковными слугами, занявшимися дележкой власти и льгот, на произвол судьбы, предоставив им "спасаться, кто может" и как может. Что люди и делали сами с помощью Божией без чудес и подвигов, и без самомнения, записанного в монашеские книги. Делали обыденно, каждый день: молились Богу, как умели, исполняли в жизни евангелие, насколько могли, растили детей верующими, если удавалось. И сохранили веру, пронеся ее через века катастроф, войн "за веру", распрей и неурядиц в том виде, в котором она существует сегодня: веры разные, а Бог – Один, "Тот же ныне и во веки", и Христос один на всех верующих в Него. "Всякий, исповедующий Иисуса Сыном Божиим, есть от Духа Божья". А к церкви выработался вполне здоровый иммунитет, как к необходимой жизненной функции: нам, мол, что ни поп, то батька. То есть, вы, попы-церковники сами по себе, а мы тоже сами по себе и жить станем своим умом, как нам Бог на душу положит. Обидно, конечно, но во многом справедливо.

Однако, пора заканчивать про монашество, про него и так достаточно было сказано. Как протестная мера, монашество извинительно, но как принятая норма, а тем более, как положительный пример "особо угодного Богу" образа жизни для самих христиан, совершенно невозможно, неприемлемо и прямо противоречит воле Бога и заветам Христа. Да-да.

"Негоже быть человеку одному", - говорит Сам Бог, критически отнесясь к созданному им Адаму. Заметим, что до этого созданное творение Богу безусловно нравилось: "И вот, хорошо весьма". Только про Адама говорится "негоже" именно в отношении его человеческого одиночества. Адаму нужна пара, такова Воля о нем Самого Творца: "Сотворим ему помощника". "Монос" человека негоден Богу – "негоже", то есть "неудобно" говорит Сам Бог. Какое же после этого возможно монашество? И кто дерзает прямо опровергать волю Самого Бога, Им Самим высказанную в ясных кратких словах и в последующем действии: создании женщины как неотъемлемой, неотделимой части (из ребра) самого мужчины? Ясно определена Воля Творца: мужчина непременно должен быть с женщиной, а женщина – неразлучным помощником и жизненным спутником мужчины, его частью, его плотью. Тот, кто отвергает это, тот отказывается от своего жизненного предназначения и тем самым восстает на Бога, становясь богопротивником. Попытка оправдать это "посвящением Богу" так же несостоятельна, как объяснения сумасшедшего маньяка, что он "слышал голос Бога", приказавшего убить или изнасиловать. Заявления больного человека не могут рассматриваться всерьез, а если такое говорит здоровый, то это может восприниматься лишь как кощунство и богохульство, еще более отягощающие вину самого греха и преступления.

Однако монахи ссылаются на слова Христа, который говорит о "скопцах ради Царствия Небесного", и в этом находят основание для возвышения монашества над всем прочим христианством. Прочтем-ка вместе этот евангельский текст:

"И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует. Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит. Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда". (Матф.19:5-15)

Вроде бы все так, и ссылаются на это место, как на свидетельство особого, "невместимого" для мирян дара посвящения себя Царствию Небесному, и в связи с этим отказа от "земных радостей". Однако так ли это на самом деле? Вчитаемся внимательнее в текст. Во-первых, оскотление является скорее отнятием как физических членов, так и определенных способностей, и трудно предположить, что слово "дано" относится к оскотленному. Что же касается учеников, то они явно испуганы: брачная ответственность, обозначенная Христом, намного превосходит их традиционно легкомысленное отношение к браку: не понравилась – развелся. Поэтому они возражают Христу, они протестуют, и формой протеста является абсурдное с их точки зрения заявление об отказе от брака в том виде, в котором его предлагает Христос. Точно так же из заявляющих, что "я скорее умру, чем сделаю то-то и то-то", на самом деле умирать никто не собирается – таково проявление обычного человеческого легкомыслия, о "невместимости" которого вряд ли стал бы говорить Господь. Нет, речь, скорее, идет о неместимости слов Самого Христа о браке (в том числе, для присутствующих учеников). И тогда, чтобы подчеркнуть всю непреложность высокоответственного христианского отношения к браку,

только что обозначенную Христом, Он предлагает немислимую альтернативу: тот, кто не способен так относиться к браку, уподобляется увечному, и должен избрать безбрачие, как неспособный, иначе не видать ему Царствия Небесного. То есть "оскопление себя для Царствия Небесного" - это последний выход для тех, в кого не вмещается "слово" Христа о браке: не хочешь жениться, что ж, живи, как оскопленный, как инвалид, и отношение к тебе Бога и людей, как к больному, снисходительное.

Кроме того, слово "для" здесь, возможно, использовано отнюдь не в значении "ради", как хочется считать монахам: "мы исполняли слова Христа, и избрали безбрачие ради Царствия Небесного, отказались от брака, чтобы приобрести Вечную Жизнь с Богом". Отсюда-тоими как раз и выводится ложная идея выбора между "нечистотой" брака и Вечной Жизнью: выбираем великую Радость в будущем, ради которой надо отказаться от малой и нечистой "радости" брака в настоящем именно по причине ее низменного "недостойнства" пред Богом. Так, незаметно, объявляется противопоставление брака спасению: спасаются только монахи, отказавшиеся для угождения Богу от нечистоты брака и семьи. А "миряне" - так, грешники, почти что животные, не способные к возвышенному, которых Бог, может, и помилует по снисхождению к их немощи совершить подвиг отречения "от мира, лежащего во зле" ради Бога и Вечной Жизни.

Путем такого логического подлога христиане оказались приравненными ко всем прочим: неверующим, язычникам, богоборцам, богопротивникам, развратникам – а монахи стали единственными угодными Богу (христиане - только они), как они сами о себе навывкли думать за века этой тайной (знание не для всех, а только для "посвященных") неправды. Поэтому мы с вами, не понимая, что происходит, маемся лишь в господской прихожей монашьей церкви, куда нас не пускают и где нам не место среди "возлюбленных Божьих Чад", которые, однако, снисходят до того, чтобы позволить "псам подобрать крохи, упавшие с господского стола", и таким образом, хоть мы и "нечистые", "из-под стола" участвовать в Трапезе Господней, в Тайной Вечере, за которой восседать с Господом достойны лишь Его подлинные ученики, монахи и епископы (белое-то священство ими тоже откровенно презирается: "Я его оскорбил, я сказал, капитан, никогда ты не будешь майором". А генералом тем более). Отсюда взялись все эти алтари, и отгородившие их от "публики" глухие стены иконостасов, за прошедшие века постепенно введенные в церковный обиход для того, чтобы совершенно отделить оскверненных брачными отношениями верующих от Таинства Евхаристии, происходящего за наглухо закрытыми Царскими Вратами для избранных, для "посвященных".

А на самом-то деле получается, как следует из евангельского текста, что скопцами "для" Царствия Небесного, то есть именно в глазах этого самого Небесного Царства, являются объявившие (сделавшие) себя неспособными осуществить свое небесное предназначение быть полноценными людьми, и принять на себя полноту человеческой ответственности за судьбу себя и своих ближних. Этим Христос еще раз особо подчеркивает всю серьезность Божьего спроса с людей за их безответственность к браку и семье. И далее, смотрите, тут же еще указание на богоугодность именно семьи: принимает детей, которым, по Его словам, "принадлежит Царствие Небесное" - не монахам и скопцам, но детям, которые есть плод семьи и брака.

Таким образом, все наконец-то встает на свое место. Именно брак угоден Богу, и брачная ответственность возложена на христиан, на всех живущих, как Крест, как Христово Иго: "Любишь кататься, люби и саночки возить". А для немощных, "больных" и неспособных, малодушных и трусливых детей Божьих Господом по жалости и любви оставлен выход: та самая "малая вместимость", в которую человек способен вместить одну только свою собственную, личную жизнь. И чтобы не потерять надежду на спасение, эти "неспособные" принять на себя свой Крест Христов должны дальнейшую жизнь проводить в покаянии пред Богом, которое и есть "монашество", то есть неполное христианство "по немощи". Вместо общих крещальных обетов, принятых при вступлении в Церковь (отречение от Зла и сочетание со Христом), человек дает более частные и конкретные обеты монашеские: в отношении ближних вместо любви нестяжание и безбрачие, а также послушание Богу - которые ограничивают христианский жизненный подвиг до узких рамок жизни "лично для себя", вне общества людей. Таким образом,

монашество урезается до одной заповеди "любви к Богу", исключая саму возможность "любви к ближнему" по причине реального отсутствия этого "ближнего" в жизни монаха, решившегося жить в полном одиночестве, вне мира людей.

Теперь все понятно. А то как-то было странно: с одной стороны, жалуются на "немошь", объявляют себя "худшими всех", и тут же с другой стороны начинают исподволь толковать проособую "избранность", "царский путь", "подвиги", затем "чудеса и силы" начинают делаться ими, и на этом основании они вдруг оказываются предводителями "мирян" и лидерами христианства, а там и до Князей Церкви становится недалеко. "Монаху недостойно быть епископом, потому что ему более надлежит покаяние", - гласит одно из древних, преданных преднамеренному забвению, церковных правил. Куда же человеку, который оказался неспособен создать семью ("малую церковь") и отвечать за жизнь жены и детей, лезть в начальники над Народом Божиим: неверный в малом неверен и в большом. Именно монахи, подавшиеся со скуки в епископы, развалили церковную жизнь и привели Церковь к Ее сегодняшней катастрофе. Монашество – это болезнь христианства, а монашеский епископат – это, по словам Христа, "болезнь к смерти", смертельный недуг, поразивший церковный организм.

Однако, пора заканчивать про монашество, про него и так довольно уже было сказано.

Поговорим-ка лучше о браке.

В советские еще времена существовала шуточка, отражавшая, как мне кажется, пренебрежительное отношение именно к узаконенной при советах "временности" брака, к возможности в любой момент, как теперь говорят, "сменить партнершу". Говорили, что, мол, "хорошее дело браком не назовут", имея в виду "брак" на производстве: получилось плохо, и нужно попробовать еще раз. Однако нынче генетики выяснили то, что посредством церковного опыта и так было всегда известно, и это как раз то самое, о чем говорил Христос: на самом деле, брак – нерасторжим. Да-да. Генетическая наука выяснила, что в результате интимного акта генотип женщины меняется: в него встраиваются элементы генов ее мужчины, и это навсегда. Женщина, независимо от возрений на это эмансипации, становится и навсегда остается "единой плотью" мужа, того, кто "познал" ее. Поэтому не с формальной точки зрения кем-то навязанной религиозной нравственности, а именно физически, физиологически брак – нерасторжим. И под браком надлежит понимать не церемонию, и не свадьбу, а именно вступление в интимные отношения, про которые апостол Павел сказал, что они есть "великая тайна". Эта тайна сотворена и устроена Богом ради рождения нового человека в любви и как плода любви. В этом тайном акте зачатия новой человеческой личности участвуют в любви и согласии трое: двое дают свою плоть, а Бог вкладывает душу, и произносит Творящее Слово, которое и есть – Жизнь. Поэтому отношения полов есть величайшее надмирное Таинство, совершающееся при непосредственном участии Святого Духа: "браки совершаются на небесах". Как же возможно стало именно в церковном предании опорочить эту дивную высочайшую Тайну, благословленную Богом вершину человеческой и Божьей любви постыдной сплетней о "нечистоте животной скверности" брака, которой нет места в Церкви Христа, пред Богом?

Имеются всякие намеки. Например, Непорочное Зачатие толкуется в совершенно определенном ключе, ссылаясь на такого дивного светильника Церкви, как сам апостол Любви, Иоанн Богослов, который, однако, в своем Евангелии оговаривается на эту деликатную тему в безличном виде, дабы не оскорбить никого:

"Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца. (Иоан.1:9-15)

Однако, если быть точным, все же им говорится: "ни от хотения мужа" – не о происхождении самой человеческой плоти Христа, но о "роде христианском", избранном на место кичившегося своим происхождением "от семени Авраамова" богоизбранного еврейского народа. В данном случае апостол указывает на то, что для Бога более не имеет значения вопрос происхождения и рода, а важна лишь вера в Сына Божия. Что же касается "хотения мужа", то полагаю, что Сына Божия, который добровольно унизил Свое Божество до "рабьего зрака" (что означает "образ раба") ради братства с человечеством, родившись от Пресвятой Девы, вряд ли могла оскорбить перспектива обычного человеческого рождения через зачатие в любви. Тем более, что земной отец, как и земная мать, у Него были, рос Он, как теперь принято говорить, в "полной" семье, в отличие от наших "неполных", где отец либо ушел к другой женщине, либо пьет. Говорят, "не тот отец, кто родил, но тот, кто вырастил", и таким отцом для Иисуса был, несомненно, Иосиф, муж Марии. И Непорочное Зачатие, предсказанное целыми поколениями ветхозаветных пророков, возможно, имело совершенно иной мистический смысл, чем просто зачатие вне брачного ложа, минуя интимную сторону человеческих отношений, как "нечистую".

Бог обещал пришествие Мессии "от семени Авраамова", то есть буквально, именно через осеменение женщины потомком Авраама, так как род у евреев считался по отцу. Поэтому столь скупупулезно апостолы высчитывали род Иисуса от Авраама как по матери, так и по отцу, которым на самом деле Иосиф не был. А коль не был, зачем же нам знать его род, какое дело нам до того, какого племени был тот, кто являлся всего лишь воспитателем?

Однако вопрос этот, видимо, настолько важен, что Новый Завет начинается именно с перечисления рода Иосифа: "Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; ... Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос... Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого". (Матф.1:1-2,16,18)

То есть, ребенок точно не был сыном Иосифа, человека, чей род перечисляется в Евангелии. Зачем же евангелист перечисляет этот род (три раза по четырнадцать родов), который никакого отношения к рождению Младенца-Христа не имеет? И вообще, что нам от этого знания: перечисляются какие-то неизвестные нам имена, мы и не знаем, кто это такие?

Евангелие писалось во времена, когда род человеческий не был так многочислен, как сегодня – людей было гораздо меньше, соответственно и еврейский народ среди этого менее населенного мира был настолько малочислен, что существовал как одна большая семья. Там, может быть, все друг друга и не знали, но, во всяком случае, родословная каждого человека была известна от Адама: велись специальные церковные книги, в которых записывалась вся родословная. Поэтому с такой точностью евангелист перечисляет родословную Иосифа. Тогда не было сомнения в том, что люди произошли от одной семейной пары, от Адама и Евы. Можно было открыть церковные книги и проследить каждый род буквально с самого начала.

Род, который перечислен евангелистом, был весьма именит – это царский род, одна из побочных ветвей царя Давида и царя Соломона. Поскольку народ был немногочисленный, то пересечение с ветвями царского рода в народе не было редкостью.

В России, например, было несколько известных дворянских родов. Эти люди были "князьями народа" – их было наперечет среди простого люда. Они владели огромными поместьями, в которых проживали десятки, сотни тысяч крепостных людей низшего звания.

Благородные роды очень соблюдались: смешанные браки были невозможны. Считалось, что выйти замуж можно было только за равного, жениться только на равной по родословной. Были определенные правила, которые весьма поддерживались общественными и социальными институтами. Например, дворяне не могли жениться самовольно: если дворянин собирался жениться, он обязательно должен был получить благословение Государя.

Такого не было, чтобы ты просто взял и женился, на ком хочешь, кого полюбил. Ничего подобного! Чем выше поднимались люди по социальной лестнице, тем более строгими были правила. Например, в "разночинных семьях" и в простых родах можно было найти девушку по сердцу, уговорить ее выйти замуж: послать сватов, договориться о помолвке, получить родительское благословение – и в конце концов жениться на избраннице своего сердца.

Дворяне не могли жениться по собственному выбору и произволению. Как правило, родители выбирали подходящую им по состоянию и благородству невесту и принуждали своих отпрысков вступать в брак, который был выгоден семье. Или, в крайнем случае, люди, избрав друг друга, должны были пройти очень сложную процедуру: получить благословение своих семей, а потом и Государя. Царь был глава не только государства, но и дворянства: дворяне были его дворовыми, его присными людьми, которые полностью ему подчинялись. Если Государь считал, что этот брак ему чем-то неуютен, то он просто не благословлял этот брак, и брак не мог состояться.

Так было всегда, вплоть до последних времен. Например, в последнее царствование брат Николая II осмелился жениться на кузине, которую полюбил. Но брак этот был невозможен по правилам Церкви. Государь не разрешил, но брат все равно женился. За это его выгнали из страны и запретили жить в России – он был вынужден проживать за границей.

А уж насчет самих властителей мира: царей, королей – вообще говорить не приходится... Если человек рождался в царском или королевском роду, он был обречен на то, что семья его будет устроена не по любви, а только по политическим соображениям, исходя из выгоды и блага государства.

Вообще говоря, люди, которые жили во власти (власти от Бога), были очень сильно связаны множеством правил, которые им приходилось исполнять независимо от того, хотели они этого или нет. Они жили в состоянии крайней несвободы – себе они не принадлежали.

Не так было в древнем Израиле, там было все несколько проще: это был народ богоизбранный, а значит – все равны друг другу.

У нас все время заботятся о демократии, насчет которой звонят во все колокола вот уже десять лет – по-моему, все уже "нахлебались" и наелись ею "выше крыши".

Однако демократия (может быть, можно это назвать каким-то другим словом, более пристойным, потому что само слово-то стало уж больно неприличным – его звучание как-то поразительно режет слух) – это не власть народа, а, скорее, равенство народа, которое осуществлялось, в частности, в древнем Израиле: дети Авраама – и бедные, и богатые – все были богоизбранного рода. И в этом смысле в народе все равны – царем мог стать любой.

Избрание царя в Израиле осуществлялось не родовым способом, а через помазание. И помазывал, как правило, пророк, посланный от Бога. Царский род в Израиле иногда менялся. Вот таким повелением Божиим, например, Давид был избран в цари из пастухов.

Равенство по рождению – особенная черта древнеизраильского устройства жизни. И в этом смысле положение нареченного отца и воспитателя Иисуса, праведного Иосифа несколько не было униженным. Он, отпрыск царского рода – был плотником. Как это здорово, когда человек – плотник, а все знают, что он царского рода, и это его никак не унижает: он служит людям. Каждый делает то, что может на своем месте. Каждый как может, так и живет: кто бедно, кто богато, и при этом у всех отношения друг с другом равные.

Равными друг другу эти люди признавали себя только потому, что считали свой род выше других людей: они были "особыми избранниками" Божиими среди множества народов, которые были им не равны – все остальные были ниже их. Таким людям они и руки не подавали, и ничего

у них не принимали, в том числе и стакан воды (вспомните, когда Христос приходит в самарянок селение, с каким удивлением самарянка Ему кувшин воды подает).

Было множество сословных и социальных неравенств и различий, но не внутри израильского народа, а вне его. С точки зрения израильтян так было установлено Богом: они – богоизбранный народ, потому что из них родится Мессия, и поэтому они не равны всем живущим окрест. Господь их сделал таковыми для того, чтобы они сохранили чистоту рода, и они ее сохранили. У них всяк человек был на счету – они о каждом знали всю родословную от Адама. Но это привело к ужасающей вещи – всех остальных людей древние евреи вообще за людей не считали.

И вот это настроение, такая "богоизбранность" – есть мерзость пред Богом. Богоизбранность была обетована Аврааму за праведную жизнь. Авраам старался жить пред Богом в благочестии, и Господь даровал ему избранность, Он сказал: "И благословятся в тебе все племена земные". (Быт. 12:3)

Мессия родился, Христос пришел на землю, выполнил Свою миссию, которая как раз состояла в том, чтобы всех людей уравнивать в их человеческом достоинстве, чтобы всех усыновить Богу и сделать равными пред Богом: чадами Божьими и любимыми детьми Божьими. И это совершил Христос! А иудеи так и остались сплоченной сектой людей, уверенных в том, что все им не ровня, что они выше всех людей на земле.

Мы рода нашего не помним. Родители наши забыли, и постарались забыть навсегда своих дедушек и бабушек, открестились от предков – потому что боялись, как бы не пострадать. Сколько десятков лет все отказывались от своего дворянского, или купеческого (а еще, не дай Бог, поповского) происхождения. И откуда только в нашей стране сейчас взялись столь многочисленные "дворянские собрания"? Что-то в советские времена ни о каких дворянах слышно не было: все поголовно были дети рабочих и крестьян!

Вы понимаете, мы предали своих убиенных предков: святых, замученных за веру – мы от них отказались!

У меня был духовник, отец Тихон Пелих (сейчас про него уже вышла книга) – настоящий прижизненный святой. Он умер в 1983 году. Его сын, Сергей Тихонович – он умер недавно, Царствие ему Небесное – был очень хороший, высокообразованный человек, врач-хирург. Так вот, он отрекся от отца: в школе травил, в пионеры не принимали, говорили про него: "Церковников сынок, поповский прихвостень". И он сказал на собрании перед всей школой о своих верующих родителях: "Они темные, я от них отрекаюсь, в Бога не верю, буду пионером".

И вы знаете, с этим человеком произошла ужасная беда. Господь отнял у него веру! Вместе с отречением он стал неверующим и остался неверующим до конца дней. Его отец – прижизненный святой – не смог отмолить своего сына, и тот умер неверующим человеком, без покаяния!

Как только люди отреклись от своих родов, от святых, замученных за веру предков из-за страха, что "не примут в пионеры" – они сразу потеряли веру. Народ, который живет в нашей стране – в массе своей неверующий, хоть и "православный", потому что, поддавшись всеобщему страху, он отрекся от родственников, от своего рода.

Нас заставили отречься от своих предков, и мы согласились забыть, и не вспоминать о них, чтобы они не мешали нам жить, чтобы ничто не мешало нам устраивать свое благоденствие. И вместе с нашим отречением от нас отошел Господь. Мы отошли от своих родов и вместе с этим отошли от Бога, а вера – это дар Божий!

А иудеи – последователи и духовные потомки Иуды Искарриота, продавшего Христа за горсть мелочи – поклонившись князю мира сего, диаволу, получили безграничную власть в этом мире. И тот, кто хочет, может быть принятым в это их "новозаветное" иудейство. Стоит это недорого: можно заплатить небольшие деньги – и быть вписанным в книжки, и стать "евреем". Даже некоторые негры стали иудеями. В Израиле есть целое племя черных мавританцев – они иудеи: все вписаны в иудейские родовые книги. Этим торгуют совершенно открыто: берут деньги и тут же записывают тебя в иудеи – проследят твой род даже до Адама, в твоём роду найдутся цари, будешь царского рода. Только плати деньги, и все будет! Но тот, кто заплатил деньги и таким способом стал евреем, должен знать, что этим он отрекся от Христа и поклонился князю мира сего, стал его поклонником и вместе с этим стал его слугой, его адептом, как и весь род иудейский.

Все, поклонившиеся иудейскому роду (не евреи, и не наши братья-христиане из их числа, которые сегодня живут посреди нас и к которым то, что здесь обсуждается, не имеет никакого отношения; а именно поклонившиеся князю мира сего и принявшие родство и братство с народом, которого антихрист избрал своим орудием) сегодня являются самым большим злом и самой серьёзной угрозой для существования мира и человечества. Они приведут антихриста на престол, мир погибнет их усилиями! Они это знают и делают это сознательно. У них есть план, который они осуществляют.

Тех, кто говорят сегодня о "жидо-масонском заговоре", очень сильно порицают гражданские власти: "У нас демократия, поэтому неприлично и непристойно об этом говорить". Такой шум поднимается в обществе, когда, не дай Бог, обидят "бедных евреев"! Однако иудеями здесь лукаво запутывается, что национальность – то как раз и ни при чем: как в христианстве "нет ни иудея ни эллина" среди тех, кто принял крещение по вере, так и "крестившиеся" иудиним "крещением" верующие в грядущего антихриста тоже могут быть любой национальности, лишь бы сами себя согласились причислить к "богоизбранному народу" и захотели стать "евреями по роду", родственниками Иуды-предателя.

Принадлежность человека к этому злу определяется самим человеком. Зло сегодня совершенно четко определилось в мире, мы все о нем знаем, но молчим, потому что нам умудрились так заткнуть рот, что мы и сказать ничего не можем.

Это произошло с нами по нашей вине, потому что мы отреклись от своих предков и от их предания. Нам стыдно за них, за наших мучеников, за наших убиенных за веру.

Кто же их замучил, наших предков-христиан? Заговор "предателя-Иуды"! Сегодня всем известно, что вся революция совершилась горсткой иудеев, приехавших из-за границы, во главе которых стоял одержимый, бесноватый Ленин (кстати, тоже иудей). Именно они сотворили весь этот ужас в нашей стране! И в первую очередь уничтожили и растоптали Православную Русскую Церковь, убив всех православных христиан, начиная с епископов и кончая мирянами.

Чем же им так Церковь помешала в их социальных программах и политических воззрениях, что они полностью уничтожили ее, перебив при этом половину народа?

А вторая половина отреклась от первой – от своих предков-мучеников. Это мы с вами отреклись от своих предков и не вспоминали о них до сего дня. А сейчас вытащили дедушкины мундиры, сабли, кресты, Библии и возомнили, что этим воскресили их память. Не память о них мы этим воскресили, а свое хвастовство, трусость и позор!

Все говорят о покаянии народа, а в чем мы должны покаяться? В том, что мы "иваны, родства не помнящие". Мы не просто не помним родства, мы его специально предали забвению для того, чтобы предки не мешали нам жить! В этом мы должны покаяться. Мы должны вспомнить, что мы православные! Но мы отреклись и от своих отцов, и от веры отцов, поэтому сегодня нами правят иудеи – люди, которые распяли Христа и которые нас за людей не считают

(и правильно презирают нас – они-то своих предков вон как чтут, и за все прошедшие две тысячи лет не отrekliсь ни от них, ни от своего антихристианского заблуждения несмотря ни на какие гонения).

Сегодня они правят нашей страной: у нас никакая не христианская и не православная страна, а иудейское государство. А наш "православный царь" едет к ним на иудейский праздник поклоняться им (и это по телевидению транслируется на все страну). Потому что у них сокровища мира сего: они обещают этими сокровищами поделиться с теми, кто, "пав, поклонится им"!

Дорогие мои! Не нужно нам от них никакого богатства и благополучия. Единственное, что нам в жизни нужно – это вспомнить, что мы православные, верующие, и быть христианами в своей жизни: за веру мы должны быть готовы и жизнь отдать!

Нам всем надо покаяться и вспомнить, что мы верующие и что Бог есть, что Господь посреди нас и только Он является действительным Хозяином и Владыкой мира; и мы, поклоняющиеся Ему, имеем обетование от Бога, что если мы "взыщем Царствие Божие и правды Его", то все остальное приложится нам.

Вот на что мы, христиане, должны уповать – а не на иудейские деньги, которыми оплачена кровь Христа! Кровь Его "на них и на их детях" по их собственному желанию, которое исполнилось и в России, где вновь пролилась кровь миллионов наших предков-Новомученников – пролитием этой Крови оплачено иудейское богатство и американские деньги, на которые сегодня все покупается и продается.

Христиане, мы с вами воины Христовы! И должны воевать за душу свою, и не давать себе поблажки, когда от нас требуется мужество. Мы должны просто понимать, что происходит: мы в этом грешном мире не выиграем, не сможем утвердиться в богатстве и власти. Это право иудеев! Но посреди мира, "лежащего во зле", Господь послал нас, "как овец среди волков", Он Сам нас питает, охраняет, и мы можем жить милостью Божией. Будем же иметь мужество жить честно пред Богом по-христиански и не отрекаться от своей веры, от наших родственников, от наших родов, которые предстоят сегодня Богу за нас, приняв мученическую кончину за Христа. Они ее приняли, мы их предали, а они за нас молятся, умоляя Бога о том, чтобы Он помиловал наш народ и нашу несчастную страну.

Мне хотелось бы вернуться назад и закончить мысль: почему Господь наш произошел от Духа Святого, а не от человеческих родов? В Евангелии говорится, что Он сын Авраама и сын Давида, и тут же было сказано, что род, который перечислен, никакого отношения не имеет к рождению Господа, Который был зачат Девой от Духа Святого.

Этим прервалась связь времен. Царский род, царственное священство не было допущено к тому, чтобы воплотить Бога Слова, Сына Человеческого, Мессию, которого они ждали. Они оказались недостойны именно потому, что с самого начала были человеконенавистниками и поклонились диаволу, князю мира сего, который дал им сокровища, деньги, которым они поклонялись еще до рождения Христа.

Господь не захотел родиться от них. И мы с вами не являемся потомками иудейского рода. Мы – дети Духа Святого, которого Господь послал на Церковь, поэтому мы дети Божии и усыновлены Богу. Наше звание – христианское, мы – "народ избранный и царственное священство"!(1Пет.2:9) В этом мире мы – Свет миру. В этот Свет может войти всякий независимо от рода и племени, лишь бы он захотел быть христианином и исповедовал себя верующим православным человеком своей жизнью.

Господь рождением Своим упразднил происхождение и родовое надменство. Он нас всех усыновил Богу, в том числе и евреев наряду со всеми остальными, и иудеев, которые тоже могут

стать детьми Божьими, если этого они захотят, отрекутся от своего заблуждения и придут в Церковь.

В Церкви нет ни иудея, ни эллина, нет родов, нет родового избрания. Но есть наши предки, наши с вами святые, которые за нас предстоят и молятся Богу – в этом наша сила. Церковь сильна тем, что она имеет Небесную часть. Чем больше нас гонят, убивают и притесняют, тем больше становится Небесная часть Церкви – наполняется Царствие Небесноеи сила Божия в Церкви умножается. В этом наша надежда!

Мы с вами все равны между собой (никакие мы теперь не дворяне и не казаки) – мы христиане, мы с вами – соль земли. Давайте же вспомним – чьи мы потомки, чьи мы дети, и покаемся в том, что мы отреклись от наших родов, от нашего происхождения, от Бога, от Христа, от Церкви, от веры! И начнем жить по-христиански, по вере своей среди этого мира, который лежит во зле и полностью отдан диаволу и детям его, которые "пад, поклонялись ему за кровяница мира сего".

Да не будет этого с нами, и да помилует Господь и всех нас, и Россию.

Таким образом, получается, что Сыном Божьим, вопреки Своему древнему обещанию Аврааму не пожелавшим родиться от его потомков за их "преумножение беззакония", охладившее в них любовь к Богу, и развратившее "род сей" до языческого, окончательно безбожного состояния, была сознательно прервана "связь времен". Богоизбранный народ был отвергнут Христом через Его отказ произойти от "семени Авраама", и именно в этом смысл Непорочного Зачатия, а не в "скверности" и "нечистоте" брачных отношений супругов. По матери Он произошел от Авраама, как и было Аврааму обещано Богом, но "от семени" произойти отказался, отца у него не было, и еврейский род, исчисляемый по отцу, прервался на Иисусе, который оказался "без роду и племени", как и все дальнейшие христиане, "которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились". Родились во Христе, через крещение по вере родившись в Жизнь Вечную. А папы и мамы есть и у христиан, в том числе, и у наших монахов, поклонников "девства", гнушающихся, таким образом, в том числе собственными родителями и своим происхождением от них. Тоже мне, нашли, чем хвастаться, что на показ выставлять: девство, недевство – постыдились бы на люди эту тему выставлять, коли считают себя скромниками. Как в анекдоте: "Девушка, а девушка", - "Я не девушка", - "Нашла, чем хвастаться".

А древние пророки, как всегда, за века до рождения Иисуса являли миру предостерегающее Всеведение Божие о том, что за беззакония "аврамова рода" он будет именно наказан Непорочным Зачатием, которое должно было стать не столько "символом чистоты", сколько приговором навечного забвения пред Богом "богоизбранного" надменства еврейских предков Христа. Так что "скверность брака" в том, что касается Непорочного Зачатия, оказывается совершенно ни при чем.

Девство Самого Господа, а также сохранение девства Пресвятой Девой в дальнейшей жизни, после рождения Богомладенца является любимой темой богослужебных текстов, писанных монахами всех времен. Меня лично столь пристальное внимание к этой стороне жизни вообще участников евангельских событий всегда несколько смущало, хоть сам я человек семейный. Как-то я считал неудобным, нецеломудренным что ли, обсуждать с кем-либо из посторонних интимные стороны жизни. Своей, не говоря уже о чужой. Как говаривал небезызвестный Швейк, "это место принято показывать только аптекарям". Еще более смутительным для меня казалась практика исповеди на интимные темы женщин перед священниками-мужчинами, и особенно перед монахами. А уж книжки на эту тему, которыми они наперебой заполнили все церковные прилавки, и содержащиеся в них дикие поучения со множеством бесстыдных подробностей, вообще ни в какие ворота не лезут. Нередки стали случаи, когда начитавшиеся этой дичи бабушки вдруг притаскивают на исповедь список грехов, которые и назвать-то стыдно, и из которых половина мне самому неизвестна даже по названию,

что они означают, а чтоб узнать, придется видно, к монахам обращаться. Начинаешь их спрашивать, что они имели в виду, писавши, и выясняется какая-нибудь чепуха, которую они по звучному названию приняли за написанное в монашеских поучениях. И у меня вопрос: а монахи-то, девственники, они-то у кого набрались всей этой "премудрости", и зачем? Мне, семейному священнику, всю жизнь исповедавшему женщин, невдомек, зачем бы им понадобилась такая осведомленность, и где ее взять?

Неуместная, нецеломудренная заикленность церковного учения на интимной стороне жизни евангельских персонажей тем не менее, с моей точки зрения, ничем не оправдана. Я считаю, что безбрачная жизнь как самого Христа, так и Пресвятой Девы не была самоцелью и не является ни самоценной добродетелью, ни образцом для подражания. Но более была бременем и тягостной обязанностью, принятой ими на себя по промыслительным обстоятельствам их уникальных человеческих судеб. Их девство не может и не должно быть примером для христиан, так как было оно вынужденным, и, наверняка, тягостным, ибо по своему человечеству они были люди, о предназначении которых Бог сообщил нашим прародителям, сказав им: "Плодитесь и размножайтесь". Это как трава, пробивающая асфальт. Сила жизни такова, что травинка, упершись в землю, выламывает и откидывает на сторону кус асфальта, какой толщины его ни закатывай. Поэтому, возможно, и Они страдали от безбрачия бунтующей во всех нас природы. Этого мы не знаем, так как евангелистам не приходило в голову, в отличие от дальнейших толкователей девственности, обсуждать без крайней необходимости на страницах Священного Писания интимные стороны жизни своих Святых персонажей. Однако знаем, что так называемые "потомки пророка Магомета" до сих пор окружены в мусульманских странах богоравным почитанием. Оставить потомков Христос не мог: человеческое подбострастие разрушило бы надмирное братство всех во Христе и обязательно привело к "культу личности" Его возможных детей - как "детей Божьих". То же самое можно сказать о Богоматери, да еще то, что, став Матерью Богу, Престолом Божества, она никак не могла после этого опять быть матерью просто людям, которые бы стали братьями Христу "по роду и племени", каковую родовую "богоизбранность" как раз и отменил Сын Божий Своим Пришествием. Нельзя было позволить всей этой прокисшей "избранности семени" опять "повториться сначала". И опять-таки и девство, и супружество оказываются сами по себе здесь совершенно "не в тему". Более я эту щепетильную материю обсуждать не смею, и потому умолкаю. Добавлю только, что "предпочтительность девства" как состояния, особо удобного для Бога, после всего сказанного предстает пристрастным монашеским враньем: "Всяк кулик хвалит свое болото", не стыдясь при этом возводить напраслину в том числе и на Священное Писание.

Что же касается взгляда на задачу цивилизации вообще, то посмотрите, чему посвящена, на самом деле, в основном, вся общественная жизнь? Охране материнства и детства, и воспитанию детей. Все общество: государство, правоохранительная система, культура, медицина, образование, искусство и даже религия в ее общественных формах – устроено ради того, чтобы в семьях был обеспечен покой, порядок, и мы могли спокойно воспитывать детей. Но мы же рождаем детей не ради того, чтобы родились еще люди, потом еще люди. Сам по себе это бессмысленный животный процесс, о котором сказал поэт устами своего героя, насмешника Мефистофеля, имея в виду человеческий род: "плодятся вечно эти существа, и жизнь всегда имеется в наличии". Божественный-то смысл этого рождения в Вечности, в умножении тех, кто с Богом, тех, кто в пакибытии, в вечной жизни. Небо наполняется нами с вами, нашими детьми, внуками и потомками. Поэтому главная обязанность христиан – воспитать своих детей верующими. Именно семья, в первую очередь, способна неформально и ненасильственно, на основе одной только "любви между собою" объединить своих членов в Боге, и стать для христиан их Малой Церковью, которая, обладая на самом деле всей полнотой догматических признаков Церкви Христовой, и имеет смысл, как естественно устроенная церковная организация. Однако это единственное, о чем еще речь впереди, что надлежит до конца выяснить нам с вами на страницах этой книги. Вперед, друг читатель, еще чуть-чуть терпения, осталось совсем немного.

Борьба, которая является целью всей борьбы (Разговор священника с сектантом)

– У нас существует православный опыт, которым Церковь очень дорожит, гордится. Этим опыт тычут в нос протестантским церквям: "Куда вы суетесь, когда у нас двухтысячелетний опыт, а вы кто такие?" Однако, этот опыт, которым мы так похваляемся, когда-то был людьми обретен тоже ведь с нуля. Дело в том, что тот, кто закладывал этот опыт, был когда-то новатором, и тоже, наверное, терпел поношение: "Куда ты лезешь? Кто ты такой?" Возьмите, например, Оригена – был у нас такой святой в Церкви... Вы знаете о его судьбе? Ориген четыре века признавался всей Цеквью святым, но после 4-х веков почитания он был на Соборе низложен, осужден, отлучен от Церкви и предан анафеме как еретик, потому что имел ложные мнения в отношении, например, переселения души... У них у всех были идеи... Если взять, к примеру, Ефрема Сирина, и читать его труды, посвященные космогонии, когда он разбирает проблемы, например, "Как устроена вселенная?", то, с точки зрения современных воззрений, это просто "детский лепет": все крутится вокруг Земли, и это объясняется с Божественной точки зрения... Сегодня ясно, что это просто ложные мнения. Когда я это обсуждаю с братьями, мне начинают возражать, что, дескать, все в мире относительно и можно рассматривать это и так... Но ведь существует так называемая "бритва Окрама": "Не умножай сущностей без необходимости", и поэтому понятно и совершенно очевидно, что это, к сожалению, бред по незнанию, а не высокоумие – просто человек крутился в пределах тех ограниченных знаний о физическом мире, которые в то время существовали, и на их основе выстроил свою ложную систему. Но ведь это как раз о многом свидетельствует! Это свидетельствует, что личная святость не является гарантией правоты мнений. Т.е., любой человек может впасть в ложное мнение, даже несмотря на личную святость, потому что он человек. И, как сказал царь Давид: "Всяк человек ложь". Все это мнения! В том числе и ложные мнения святых.

– Таких очевидно ложных мнений полно в церковном предании. Например, прп. Серафим говорит Мотовилову: "Ты женат, а женатому видеть ангела не можно". Ну, а как же Моисей-богословец, будучи женатым, видел Бога? Или Иисус Навин, который не только видел, но и боролся с архангелом Михаилом? А это ведь Священное Писание. Вот вам типичное ложное мнение Святого, всеми почитаемого и уважаемого. И причем, это ложное мнение никак не влияет, например, на мое личное к нему отношение. "Всяк человек ложь" – сказал глупость – ну, бывает!

– Если, допустим, Ефрем Сирийский сказал глупость, то меня в этой глупости интересует больше всего только один аспект: зачем, вообще, он – монах, которому, как говорят сами монахи, "всего более пристало покаяться" – куда он лезет рассуждать об устройстве космоса и зачем ему это надо?

– Вот мы все время говорим: "Святые отцы, святые отцы..." А куда эти святые отцы лезли рассуждать о вещах, которые их совершенно не касались? Хотя Христос раз и навсегда всем сказал: "Если Я говорю вам про земное и вы не понимаете, то что вы поймете, если Я стану говорить вам про небесное?" Поэтому весь этот святоотеческий опыт на сегодняшний день, которым Церковь размахивает, как флагом, зачастую заслоняет собой Священное писание Нового Завета и вытекающий из него долг христианской жизни (т.е. мы живем не по Новому Завету, но по заветам святых отцов, а они были монахами). Их специфический частный опыт мы втягиваем в жизнь мирских людей, к которым он вообще неприменим, и абсолютно им не нужен. Для них этот опыт является совершенно ложным, ведущим их в дебри, в которых они безусловно запутаются и заблудятся и, в конце концов, сокрушат свою собственную жизнь: разрушат семью – как это уже неоднократно бывало и бывает в православных христианских семьях, когда попытки освоения монашеского опыта приводят к развалу семьи. Это что, Богу угодно, что ли?

– И этот опыт, на который все время указывается протестантам, и великое сокровище, на которое ссылается православная церковь, как на обладание божественным знанием, во-первых, не безусловен и не абсолютен. А во-вторых, с моей точки зрения, никак не является

неповторимым, т.е. этот опыт может быть или принят или отвергнут только одним способом – через христианское делание на основе велений Нового Завета и учения Христа. И вот когда я сам, например, действуя в жизни как христианин, приобретаю определенный духовный опыт, я имею возможность его сравнить с опытом Церкви и сказать: "Надо же, и эти люди тоже встречались с тем же самым, у нас есть сходный опыт. А вот это – может быть, они здесь ошибались, а может быть, я здесь ошибаюсь. Ценность этого опыта имеет смысл после-действия, т.е. знакомиться с ним и осваивать его можно только в качестве сравнения с плодом имеющегося собственного христианского опыта. Но абсолютно бесполезно пытаться этот опыт применять как руководство к жизни и действию, потому что это опыт жизни конкретного человека, и он может быть востребован как любой другой частный опыт, как мы, например, делимся своим опытом с детьми. Мы говорим ребенку: "Ты делай то и се", а он отвечает: "Вы – старые дураки, и ничего не понимаете, у меня есть свой ум и буду сам жить!" Потом он приходит и говорит: "Да, папа, ты был прав!" И именно это ценно – когда он понял на основе того, что он попробовал - и убедился. Вот тогда этот опыт для него становится значимым! А если мы ребенка загоним в "бутылочное горлышко" и заставим его жить по-своему, то из него получится не он, а наша тень, и мы его тем самым погубим! Господь дал человеку свободу воли и не попирает ее никогда Сам, и тем более ее не позволено попирает никаким опытом и никаким авторитетом. Как только мы встаем на путь авторитета, мы начинаем удаляться от Христа. Поэтому, в общем-то, на сегодняшний день, обвинение протестантских церквей в отсутствии исторического христианского опыта, с моей точки зрения, не является правомерным и значимым. Потому что, вообще-то говоря, весь этот опыт, которым Церковь так похваляется, на сегодняшний день остается абсолютно не востребованным в практическом смысле и, по сути дела, превратился в академическое знание, которое проходят в академиях чисто теоретически и в основном пользуются, к сожалению, для того, чтобы властвовать над людьми, помыкать ими всякими разными способами и хитрыми уловками, в качестве которых этот опыт используется, а также чинить расправы над "инакомыслящими", используя авторитет святоотеческих цитат по любому поводу.

– Мы уже давно уехали даже от самой сути этого опыта, мы и этот опыт используем, зачастую, к сожалению, с чисто формальных позиций – с позиций "тащить и не пущать". На основе этого опыта, пользуясь цитатами, создать набор практических простых правил, с помощью которых было бы удобно управлять человеческой массой, т.е. сделать из христиан адептов определенной системы и загнать их в эту систему для того, чтобы использовать по своему усмотрению. А это нечестно! Поэтому я не склонен абсолютизировать церковный опыт. Я вижу мою задачу в том, чтобы "ободрав шелуху", добраться до сердцевины, до ядрышка – самому увидеть и людям показать: "С чего все это начиналось? Зачем все это было нужно? Какая у этого была цель и идея? Что потом наслоилося на это, закрыв сущность и сердцевину деятельности Церкви, как наместничества Христова на земле, строительства Его Царства?".

– Я думаю, что на сегодняшний день, именно православная Церковь более всего погрязла в ложном опыте. Т.е. весь этот опыт, которым Церковь так сильно похваляется, может оказаться на поверку целиком и полностью ложным, уводящим человека с путей следования за Христом в какие-то совершенно чуждые дебри, в приобретение каких-то невероятных навыков: постнических, молитвенных...

Все можно превратить в идола: можно молитву превратить в идолопоклонство. Все же зависит от цели: или у тебя цель – следование за Христом, тогда все остальное есть средства; или у тебя какие-то другие цели... Даже может быть очень высокая цель, например, приобретение каких-то дарований. Прп. Серафим говорил: "Цель жизни – стяжание благодати Духа Святаго". Вроде бы с одной стороны это правильно, но все-таки, это слова, которым можно придать разное значение. Если, например, придать им сугубо узкое значение приобретения определенных духовных дарований и качеств лично для себя, то это точно будет прелесть и идолопоклонство... Потому что за Духа Святаго, которого мы стяживаем, можно принять все, что угодно. Духа Святаго можно стяжать только одним способом – следуя за Христом, живя пред Богом, совершая на земле дело, которое нам всем вручил Господь. А Он нам вручил дело очень простое: жить по-христиански и совершать дела милосердия. Никакого другого дела Он от нас не потребовал, и

ничего другого Он от нас не возжелал. И судить нас Он будет только по этому критерию, больше никакого критерия на Страшном Суде не предполагается: никаких "духовных даров", ничего...

– "Стяжание благодати Духа Святаго" - для меня очень спорный вопрос: что под этим подразумевается? Что имел ввиду сам прп. Серафим? Как можно стяжать благодать Духа Святаго? Если ее можно стяжать любовью к людям, тем, что ты пребываешь с Богом, служишь людям и Дух Святой как милость Божия, как любовь Божия, тебе в этом начинает помогать – вот это есть стяжание. А если ты ничего не делаешь, только смотришь на собственный пупок и он "засиял", то это не стяжание благодати Духа Святаго, это "йога"! И поэтому весь этот опыт может оказаться ложным! Я ведь это не просто так говорю, я многие вещи пробовал, и скажу вам, что когда я книжки прочитал и стал пробовать, меня очень удивляла приверженность к вещам достаточно внешним: "давайте будем приобретать молитвенный навык – вдох, выдох"... Как Высоцкий пел: "Если вы в своей квартире, лягте на пол, три-четыре..." Для чего вся эта тренировка? Вот нам говорят: "Давайте будем молиться, исихастский опыт очень сложный, все должно быть под руководством опытных наставников, иначе ты можешь впасть в прелесть".

– Есть совершенно прелестные книги, например, "Откровенные рассказы странника своему духовному отцу". Очень забавная книга, которую приписывают прп. Амвросию Оптинскому, и которая даже в Америке оказалась, ее Сэлинджер читал и в своих книгах упоминает. У нас к ней относятся двояко: некоторые – просто млеют от нее, а люди потрезвее считают ее глубоко прелестной. Эта книга как раз и посвящена "православной йоге".

– Весь аскетический опыт, вообще, очень странный, и для меня он был очень странным вот с какой точки зрения: "Зачем мне чего-то искать, стяжевать, и пытаться добиться от Бога, или от себя какой-то тренировкой, если Бог есть?". Вот такой вопрос: "Бог – есть, или Его нет?" Если Он есть, то Христос же нам ясно сказал: "Не будьте многословны в молитве, потому что Отец ваш Небесный, прежде прошения вашего, знает, что вам надо... Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него" (Мф.6:7-8) Чего суесться-то? Если нужна мне молитва сердечная, или какие-то восторги молитвенные, чудеса... – Господь даст мне все без тренировок, не надо в кельях годы проводить... Лучше что-нибудь полезное сделать, хотя бы для собственных детей: поиграть с ребенком, сходить с ним куда-нибудь, помочь задачку решить. Вот когда тебе это понадобится, то Бог, который есть, и который все знает и является Владыкой мира и, в то же время, Созидателем жизни каждого из нас – Он тебе это подаст без всякого труда. Надо было прп. Серафиму, и Он взял и дал ему! Я думаю, что не в том было дело, что прп. Серафим три года на коленях провел. Я думаю, что он три года провел на коленях потому, что он не мог оторваться от Того, что ему Богом было дано без всякого труда!

– Я думаю, что здесь все перевернуто с ног на голову. Вот говорят: "Труд молитвенный!... Простояли коленями дырки в каменном полу!" А я думаю, что если Богу не угодно, чтобы ты эти дырки простоял, то Он тебе не даст молиться и пришлет беса, который будет тебя подначивать и всячески искушать. А ты будешь с бесом бороться и считать, что этим ты служишь Богу! А может быть Господь и не хочет, чтобы ты эти дырки простаивал, вот Он беса и прислал, чтобы тот тебя подначивал, чтобы тебя немножко шевелить, чтобы ты совсем не заснул, как говорится: "На то и щука, чтобы карась не дремал!"

– Что надо, чтобы получить дар Божий? Да, ничего не надо! Он потому и "дар", что даром, бесплатно. Вот, когда это понадобилось, Господь говорит: "Да, надо этому человеку дать дар прозорливости – пусть будущее знает: ему будет нелегко – зато другим пригодится!" Хотя я уверен, что и этот дар не был таким, каким мы его себе представляем: он, как рентген, все провидит – ведь не возможно человеку прожить с таким даром. Он же дня не проживет – затоскует и помрет с тоски, если все будет знать наперед. Давалось все это в данных конкретных случаях по конкретным поводам. В этом смысле прп. Амвросий Оптинский замечательно говорит: "Я сказал женщине чего-то; прошло двенадцать лет, а она говорит – батюшка, вы –

прозорливый. А я уже забыло чем шла речь, я сказал что-то спроста, а прошло двенадцать лет и это получилось!" А сам про себя он всегда говорил: "Я – куча гнилья!".

– Не знаю, я во все это не очень верю, и как-то мой жизненный опыт, жизни пред Богом не подтверждает эту чудотворную линию. Я на весь этот чудотворный опыт смотрел с удивлением: "А зачем братья его осваивать, если Бог есть?" Зачем вся эта тренировка, все эти безмерные труды, молитвенные бдения... Я как-то Богу, бывало, помолюсь, глядишь, и проблема решилась. Да и сейчас так происходит! У меня еще характер такой: я сначала сам пытаюсь что-то сделать, а когда в тупик зайду, то начинаю молиться Богу: глядь – проблема решилась сама собой.

– Я не очень склонен доверять всяким истерикам, и думаю, что истерики недалеко отстоят от всего этого ложного опыта, опять-таки, к сожалению. Я смотрел, например, разные пятидесятнические фильмы о высоко-духовных, с их точки зрения, пастырях... Мы смотрели все семьей и было понятно, что это массовый психоз, это больница. У нас, кстати, такого тоже полно! У нас же есть своя кликушеская струя, которая обожает по старцам ездить, и все они "с ума сходят" от всей этой "благодати" - это все не новость! При этом я не особо и возражаю: "Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не вешалось" - каждый будет сам за себя отвечать пред Богом.

– Всем нам изначально дано одно и тоже: нам дана вера, как дар Божий; нам дана совесть, как человеческое устройство; и нам дана Книга Нового Завета, которую мы имеем возможность прочитать, потому что буквы выучили. Все! Что еще нужно христианину? Какой еще нужен опыт? Господь совершил опыт христианской жизни и нам его оставил в Новом Завете! Какой еще нам нужен опыт?

– Смотрите, что происходит дальше: у всякого своя вера! Каждый верует по-своему: "чужая душа потемки" - в нее не заглянешь. Начинается борьба с ересями: если не две, то, по крайней мере, полторы тысячи лет борьбы не на жизнь, а на смерть: с взаимным убийством, с избивением еретиков, с кострами инквизиции, с призывами: "Царь, пошли войска избить иноверцев!", с взаимными проклятиями и анафемами! Полторы тысячи лет человеческой истории было посвящено этому занятию, которому предавались ученые монахи. Но давайте представим такую вещь: возникает ересь – например, появился Арий, который имеет неправое мнение. Это что за мнение? Это мнение человеческое. Эти человеческие мнения чем-нибудь отличаются от других человеческих мнений? Да ничем: они такая же ложь, как все остальные мнения человеческие. Опровергаются они чем-нибудь? Да, Евангелием! Т.е. у нас есть источник, который неопровержим и с помощью которого могут быть опровергнуты все ложные мнения. Если мы, допустим, предположим, что не станем сами бороться с ложным мнением человека, которое он распространяет, и нашлось множество людей, которым это ложное мнение понравилось и они пошли следом за ним. И мы сразу говорим: "Мы станем пасти стадо Христово, и если мы отдадим овец на съедение, то нас Христос за это накажет. Поэтому давайте-ка мы сейчас Ария за ноги подвесим, а заодно и всех его последователей". И будет такая борьба за церковный мир, что от Церкви не останется камня на камне!

– А если отпустить? Что будет? Да ничего не будет! Мнения человеческие рассыплются, и об этом в Евангелие говорится прямо: "Если это от Бога, то оно не рассеется, а если не от Бога", то этого всего было много! Полно ересей, с которыми нет смысла спорить потому, что они есть мнения человеческие и со временем сами рассеются. Их надо предоставить самим себе, а последователей их бесполезно переубеждать, и мы в этом давно убедились. Например, церковь всю жизнь боролась с еретиками и сектантами. Какая была борьба (особенно в советское время)! Я помню, что у советской власти не было лучшего союзника и друга в борьбе с сектантами, чем православная церковь! И они на пару боролись с сектантами: одни их сажали, другие проклинали на весь мир! А ведь, на самом-то деле, эти мнения, если они ложные, никому не нужны, и в них нет ничего угодного Богу, то умрут и забудутся вместе с их носителями... Сегодня человек умер, а завтра имя его забудется. Так было всегда! Нужно ли было тратить ресурс Церкви на борьбу с еретиками? Был потрачен колоссальный ресурс и резерв Церкви, более того, Церковь была

уведена на пути построения централизованной организации во имя единомыслия! А зачем? Ведь оно у нас и так есть! Таких борцов, как Иосиф Волоцкий, было "неводом зачерпнуть".

– А первым борцом был ап. Павел – это он начал создавать эту организацию! А на каких основаниях и по какому праву? Он, вообще-то говоря, Христа не знал! Но он начал строительство церковное! На каких основаниях? Я, помню, пришел молодым парнем в церковь, и меня сразу взяли в алтарь, а в церковь я еще и года не ходил. Я стал прислуживать в алтаре, и через две недели пришла бредовая мысль написать руководство для пономаря – как себя надо вести в церкви и в алтаре прислуживать! Уже через две недели! Посмотрите, что происходит с ап. Павлом: он является гонителем Церкви Христовой, он – правоверный иудей, фарисей, книжник. Более того, вообще-то говоря, он один из привилегированных членов иудейской церкви. Ему является Христос! Все это очень хорошо: он сначала ослеп, затем прозрел... И как только с ним это случилось, он пошел проповедовать Христа! Что он знал о Христе? Он с Ним не виделся, не знал Его учеников, не знал Его учения! Да, ему явился Христос, чтобы он уверовал в Него. Ну и что? Для того, чтобы кому-то что-то рассказать, надо самому что-то узнать сначала и у кого-то поучиться! А он сразу кинулся проповедовать, и до того допроповедовался, что его пришлось срочно из города тайным образом выводить – в кошнице свешивать! И куда он отправился после этого? Устраивать Церкви! Не зайдя даже к Апостолам! Ведь он говорит: "только через три года, я ходил в Иерусалим, повидать ап. Петра". А за три года он уже наплодил церквей по всему языческому миру! Каких? Иудейских, конечно. Потому что он никакого другого церковного устройства не знал. А иудейская церковь – это была организация! Мощная организация, отработанная тысячелетиями. Это была организация, направленная на то, чтобы быть посредником между человеком и Богом, причем, посредником далеко не бескорыстным, и законно имевшим свою долю в этом посредничестве – жертва вся шла священству. И когда первая церковь стала устраиваться: были уже епископы, и все это пошло-пошло... Потом епископ стал на приход пресвитеров посылать, а сам-то он чем был занят? Он занялся высокими вещами: стали Соборы собираться, с ересями бороться, совершенно оторвавшись от народа и превратившись в замкнутую касту – самодостаточную! Для того чтобы самих себя ценить и тешить. При этом пользуясь благами, которые поставлял народ, до епископа не допускавшийся. А дальше – больше! А как же тогда обставить свою значимость и важность: да, очень просто – мы устроители Богослужений, а Богослужение угодно Богу! Т.е. оно имеет самоценность – оно ценно само по себе – оно ценно как угождение Богу. И самый главный способ угождения Богу – это Богослужение. Значит самые главные люди у Бога – это те, кто эти Богослужения устраивает; а все остальные – это люди второго сорта, и они должны этих "главных людей" – содержать, кормить, слушаться, подчиняться им, потому что они устроители угождения Богу. Так устроено сегодня в православной церкви, и это было устроено не сегодня, а с самого начала.

– Еретики, не еретики; мормоны, не мормоны... Дело в том, что все это опять неправые человеческие мнения. Вот мормоны... Ведь есть же Евангелие и прочитай, что там написано. Если ты видишь, что твои авторитеты творят чего-то не то, значит никакие они не авторитеты. Потому что у нас только один авторитет – Христос. "Един Пастырь и едино стадо" (Ин.10:16) Кто тот Пастырь? Это, что священник или архиерей? Это Христос! "Едино стадо и един Пастырь" Это Христос!

– "Один у вас Отец Небесный". Возьмите Евангелие – давайте Евангелие читать, на него будем опираться. Поэтому мне представляется – вот посмотрите, сколько раз предпринимались попытки возрождения Церкви! Как они предпринимались? В индивидуальном порядке. Т.е. человек понимал, что все это есть ложь ("да не возглаголят уста моя дел человеческих"). Шел в пустыню и там начинал спасаться: жить пред Богом и спасаться. Он не думал о том: "Как же я проживу без церкви, без попов, без причастия, наконец?" Он шел жить пред Богом. Возьмите, любой пример: ну, прп. Сергей Радонежский пошел в лес, ведь он мог пойти в монастырь. Почему он в монастырь не пошел? Прп. Серафим Саровский: его выгнали из монастыря, а он пошел в пустыню – в своем ограниченном варианте. Прп. Паисий Величковский – человек, который жил на Афоне и обнаружил, что монашество выродилось, он взял книжки, пошел в пещеру и стал Богу молиться. Прп. Антоний Великий, прп. Антоний Печерский, который пришел

в русскую землю и ввергся в пещеру, где его прп. Феодосий нашел... Возродить Церковь очень просто. Я в одной из статей написал: что толку из охраняемых резиденций центральных городов отстаивать монополию своей веры с помощью силы государства? Хочешь проповедовать веру? – надень хитон и сандалии и раздели с народом жизнь и судьбу. Вот, Христос 4 года походил по земле – ничего у него не было – и 2 тысячи лет Его Церковь стоит.

– Я читал книгу Николая Афанасьева "Церковь Духа Святого" – замечательная книжка, но опять половинчатая: церковь лаиков, устройство церкви – епископ, священник, мирянин. На каких основаниях?

– Вот вы говорите – пятидесятники, благодать Духа Святого снисходит. А Церковь все время говорит – не снисходит Она, потому что Она сошла один раз на Церковь и в Церкви пребывает. Это учение Церкви, оно состоит в том, что Пятидесятница уже состоялась – Дух Святой сошел на Церковь раз и навсегда, и не сходит на нее многократно. Что это означает? Как только мы входим в Церковь и крестимся – мы становимся сопричастны благодати Духа Святого, который уже сошел на Церковь и в Ней обитает. Смотрите, что дальше получается: таинства – это всем понятно (я имею в виду причастие); но нам говорят – есть таинство рукоположения! А что такое таинство рукоположения? Это когда апостолы возложили руки на епископов, те – на следующих и так далее. Есть три ступени рукоположения – мы возлагаем руки на человека и на него сходит благодать Духа Святого. Да откуда же это, когда она уже на всю Церковь один раз сошла? А тут сходит трижды на крещеного, и в крещении уже получившего общий для всей Церкви благодатный Дар: сначала сходит на диакона, потом второй раз на того же человека – на священника сходит, а потом уже на епископа, когда его в епископы рукополагают. Человек в Церковь пришел, и на него благодать Духа Святого сошла, а потом еще трижды, т.е. человек становится четырежды освященный! Вот и называется преосвященный! Но ведь это же вранье – этого быть не может, потому что Церковь тогда сама себе противоречит: если на пятидесятников не сходит, потому что благодать уже сошла на Церковь один раз и навсегда, то как же она может на священника сходить?

– Вот вам и благодатное преемство! Вот вам и таинство рукоположения! Я во все это на сегодняшний день совершенно не верю! Это ахинея!

– Так, преемство! Давайте разберемся с преемством! Это все мифы, которые постепенно можно все развенчать и до нуля довести! Значит, так говорится: Христос возложил руки на апостолов, апостолы на епископов, епископы на следующих епископов и так до сего дня. Вот, у протестантов нет такого преемства, а у нас есть! Поэтому у нас благодатное преемство, которое не прерывалось. Вранье! Это вранье очень просто опровергается из Священного Писания: кто рукополагал епископов в языческой древней церкви? Апостол Павел! А на него кто руки возлагал? Ведь он рукоположил всех первых епископов. А кто же на него руки возлагал, ведь он Христа не видел! И апостолов не видел. Вот вам преемство! Нет никакого преемства и не было его в помине. Он самовольно возлагал руки, и епископов рукоположил самовольно. В общине христианской, в которую пришел апостол Павел, не было епископа, христиане его крестили, а потом он ушел и проповедовал, и через три года пошел в Иерусалим "Петра соглядать". А за эти три года он целую церковь нарукоположил. Откуда это преемство взялось? Не было преемства – он апостолов не видел, а могли возложить руки только апостолы, потому что епископов в то время не было. Епископов изобрел апостол Павел! Вот вам и преемство! Это миф!

– Я считаю, что коммунизм, который был затеян апостолами – это колоссальная, величайшая ошибка, которая Церковь опять вытащила с экономической стороны на рельсы своей организации. Это такая чушь и ахинея! Кто убил Ананию и Сапфиру? Петр, или, может, Святой Дух? Я думаю, что они просто испугались. В этой истории проявилось человеческое пристрастие и злорадство. Вот происходит что-то от естественных причин: допустим, у нас есть враги и наши противники по вере, т.е. кто, кого мы не любим – у них мнения не такие. Мы иногда даже Богу молимся: "Господи, накажи его!" - по неразумию нашему – бывает... У меня в соборе был дьякон, который в отношении одной женщины взял привычку и десять лет поминал ее "за

упокрой"... Так вот, интересно, что в этой истории, мне кажется, что больше проявилось злорадство. То самое злорадство, когда мы так радуемся тому, что с нашим врагом приключилась беда, и тут же это приписываем Богу: "Вот, Господи, Ты увидел, кто из нас прав, и наконец, наказал его!" Это на самом деле такая чисто человеческая слабость – злоба. Мне кажется, что в истории с Ананией и Сапфирой, все это произошло от естественных причин – попытайтесь рассмотреть психологически эту ситуацию. Огромный авторитет Петра, первых апостолов – учеников Христовых, Дух Святой сошел, устройство церковной общины... Все это движется совершенно ложным путем – они начинают собирать имущество. Зачем они это делают? Жить-то надо в семьях! Ну, мы собрали имущество, а завтра надо детей кормить. И потом у них же начинается конфликт – они с ума сошли через какое-то время и дьяконов поставили – "Только отвяжитесь от нас с этой жратвой, с раздачей еды..." Они-то думали, что мы сейчас все вместе заживем и Царство Небесное уже состоялось. А ведь надо как-то жить дальше, родятся дети – их надо кормить, для этого нужно имущество – каждому свое. Семья является колыбелью цивилизации, а вовсе не Церковь! И вот эти люди – просто здравомыслящие, они понимают, что все это ахинея, но они вовлечены в этот круг: ведь все же знают, что у них есть дом, земля. Все уже продали свое имущество и принесли деньги, к ногам апостолов сложили, а они вот такие-сякие. И оказывается огромное психологическое давление в первохристианской общине, которая, конечно, заражена той самой нетрезвостью, о которой я все время говорю – религиозным психозом – первым восторгом, в котором много и благодатного, но много и психического. Я помню, как меня шугали в моей первой общине, когда я что-то сказал против священника. Потом они от меня, как от чумного, шарахались – я это все помню и не забыл... Люди оказываются в изоляции – они пытаются жить по-своему, а на них оказывается огромное психологическое давление, а они люди пожилые. И они решают часть денег оставить себе – неизвестно, что со всем этим будет – похоже, что все это развалиться, а мы останемся без крова на старости лет. Это нормальный подход и ничего здесь оскорбительного для Бога нет. Они это сделали. Теперь они несут эти деньги, но они волнуются, переживают. Он приходит к апостолу Петру, а у него все на лице написано – ведь они честные, нормальные люди. И апостол Петр начинает их обличать – вы утаили часть имения – "Как смел ты солгать Духу Святому". Что с таким человеком может произойти – инфаркт! А тогда сразу человека погребали – его берут, выносят и погребают. Затем его жена Сапфира приходит в церковь, на нее уже устремлены грозные взгляды, Петр и ее начинает обличать: "Что это согласились вы искушать Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут" (Деян.5:9) ... и все – она тут же умирает!

– Я приведу вам пример: у моей крестной – замечательной женщины (Царство ей Небесное) было больное сердце; она жила в Крыму и я к ней ездил. Она совершенно удивительный была человек – она была детской поэтессой и художницей. С удивительной судьбой: сидела – ну, в общем, все как полагается. У нее был маленький домик (половинка дома) и маленький садик около домика под Феодосией, садик был запущенный, там стояла ветхая беседка, росли разные деревья в совершенном запустении; мы с ней сживали в этом садике; кто только не приходил в ту беседку (и Александр Мень бывал там). А соседи ее были курортные рвачи – в этом году я ездил туда: сейчас на этом месте стоит огромная частная гостиница, обнесенная пятиметровой стеной, как в сумасшедшем доме. Т.е. они там теперь все захватили и устроили частную гостиницу. Эти соседи все норовили ее сжить со света: стали ее обижать, притеснять, столбы переносили, чтобы метр земли откусить – самым злостным образом – знаете как это бывает – бытовая дремучая злоба, мелкий бес. Мужик – ее сосед – знал, что у нее больное сердце, и под Пасху он опять решил ее спровоцировать: повалил забор – она вышла и говорит: "Ну, что же вы делаете?", а он стал ее жутко оскорблять и пугать. А у нее случился сердечный приступ – она зашла в дом и умерла!

– Человека можно довести до смерти, запугав авторитетом, особенно таким авторитетом, как у апостола Петра или других апостолов, в то время накачиваемым чисто психопатически. Поэтому это больше выглядит как случай, который был потом истолкован в пользу безумной затеи. Заметьте, что потом эта затея сама развалилась – не состоялся этот коммунизм, потому что его не могло быть – это совершенно не жизненно, это такое же безумия, как и наш коммунизм –

утопия! То, что Церковь пошла по путям этого коммунизма, во многом предопределило ее судьбу как организации, которая очень быстро поехала по своим рельсам, которые повели совершенно в сторону от учения Христа и очень быстро зарулили обратно в иудаизм. Еще в перво-апостольские времена Церковь стала иудейской – со всеми атрибутами иудейской церкви: потомственным, приемственным, посвященным особым образом священством, первосвященством, с иерархией, с кастовостью и со многими другими делами, которые не имеют абсолютно никакого отношения к учению Христа. – Более того, прямо Ему противоречит, являясь, тем самым, форменной и формальной ересью. Вот, например, монашеский епископат – чистая формальная ересь, потому что апостол Павел, которого мы почитаем как святого и писания которого включены как часть Нового Завета, т.е. как Священное Писание – это означает, что все, что там написано – священно для христианина и не может быть изменено и не может быть опровергнуто какими-то действиями. Если опровергается: то, что это опровергает – считается ересью. Апостол Павел говорит: "Епископ должен быть одной жены муж" (1Тим.3:2). А монахи сказали: "Епископ – будет монахом!" Я когда с монахами разговаривал (я об этом в своей книжке написал), они мне говорили: "Ну, ты тут не прав!" "Почему я не прав?" "Дело в том, что когда Церковь стала государственной после 4-го века, возникли проблемы с женатыми епископами – после их смерти являлись наследники и начинали претендовать на имущество – и никак не могли разделить имущество – что принадлежит церкви, а что принадлежит семье? И поэтому решили, что епископами должны быть монахи" Но ведь это принцип целесообразности – это чистый коммунизм: мы опровергаем заповедь Божию, Слово Божие, священный для нас Новый Завет во имя целесообразности – значит все можно – т.е. если так можно, значит можно все! А не проще было бы вообще исключить из Церкви имущественные проблемы, запретив какое-либо церковное имущество? Может быть, надо было по этому пути идти? Может быть на это указывала возникшая проблема – что, вообще-то, имуществу не место в Церкви? Нечего имуществом обзаводиться, потому что "дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников" (Мф.21:13)

– Православие – это жизнь с Богом. Границы Церкви Господь определил: "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Мф.18:20). Если Он обещал быть и обещание Его не ложно – куда же православие денется? Православие это жизнь со Христом: живи со Христом – во тебе и будет православие! Дно много развозрождалось: прп. Сергей Радонежский – не пошел в монастырь, а пошел в лес – вот и православие оказалось...

– Люди когда-то приобрели определенный опыт: попробовали и получилось хорошо – им понравилось. Но ведь эти люди ничем от нас не отличались, а мы можем взять и попробовать – может быть и у нас что-нибудь хорошее получится – как говорит апостол Павел: "Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла" (1Фесс.5:22) А почему надо на веру принимать именно этот опыт – достаточно личный и узкий? Ведь мы же загнали себя и людей в бутылочное горлышко: из-за ядра каторжника в виде церковных порядков, выдуманных за два тысячелетия и прикованных к ноге Христа, люди лишились Церкви, а Церковь лишилась людей – никто же не в состоянии выполнить требования этого круга Богослужения, который составляет 16 часов каждый день. Ведь Богослужебный круг был устроен так, что время оставалось только на сон и трапезу – нужно было занять людей в монастыре круглые сутки. Теперь говорят мирянам – выполняйте богослужебный круг по 16 часов в сутки – и чтобы все, как один были на службе! А нам говорят: "Вы службу сокращаете и устав нарушаете – а ведь это святыня! Вы покушаетесь на святыню – вы святотатцы!"... – Вот у нас говорят: "Мы приносим бескровную Жертву!" Кто ее приносит? Жрецы? Профессиональное священство приносит бескровную Жертву? Эту жертву приносит Христос! Это Он умирает! Когда мы говорим, что распинаем Христа грехами – это не метафора. Дело в том, что каждый день Христос продолжает приносить за нас Свою Личную Жертву. Что такое Тело и Кровь Христа? Это Кровь, которую пролил Христос за нас. И вот тогда все становится на свои места: во-первых, понятно, с чем мы имеем дело – с ежедневным жертвоприношением лично Христа за нас, за наши грехи – Он и сегодня продолжает умирать и омыwać Своей кровью наши грехи не фигурально, а буквально! Во-вторых, понятно, что священство здесь совершенно ни причем, нет никакого жречества, потому что единственный жрец – это Христос, Который Сам умирает и

приносит эту жертву, а мы все ее только принимаем. Все мы братья, "род избранный, царственное священство, народ святой" (1Пет.2:9)

А вдоль дороги мертвые стоят, и – тишина...

Христово "Царство не от мира сего" так никогда и не случилось, не сбылось – придется нам с вами это признать. Отношения, невозможные для Церкви Христа: юридические, властные и имущественные – стали для церковной жизни определяющими. Примеров тому – тьма.

Последнее время много разговоров вокруг возвращения церкви земельных угодий. Словечко к этому делу диковинное прилепили — "реституция". И есть опасения, как бы в "это самое" не вылилась вся затея.

Помню, где-то году в 92-м, во времена "большой дележки", мне позвонил наш архиепископ и велел отправиться в район, на осмотр земель. Те земли предполагались к передаче в ведение епархии. Разговор был буквально следующий: "Поезжай, посмотри. Нам отдают четыре деревни с окрестными угодьями". И тут я осмелился невзначай ляпнуть: "Как, владыко, прямо с крепостными?" — чем привел архиерея в крайнее замешательство. Последовала долгая пауза, после которой его высокопреосвященство сказали: "Вообще-то нам это не нужно" — и положили трубку.

За десять прошедших лет вопрос этот ни разу не всплывал на местном, так сказать, уровне. Я, например, не дождался прихода ко мне местных чиновников с предложением взять пустующие земли для обработки и сельскохозяйственного использования. Сам же, откровенно сказать, тоже не особо шевелился: и без земли забот хватало. Да и какие из москвичей сельхозпроизводители. Мы на своих придомных десяти сотках картошки "два мешка сажали — один выкапывали". Что же касается прихожан, то на приходах в провинции до недавнего времени никого, кроме старушек, не видывали. А они и так батюшке со своих гряд по ведерку принесут.

Однако "таперича не то, что давеча", за десять лет столько "россиян" бездомных и бесхозных в Центральную Россию понабилося, что это невиданно. А нероссиян — и того больше. У нас вон таджики босопятые понаберут тепличной пленки по помойкам, палаток понаделают, да и зимуют в лесу с малышами. Круглый год в рваных кедах не по размеру на босу ногу топчутся на рынке у вокзала с протянутой рукой и лопочут по-своему, поди разбери, что надо. Паспортная служба запарилась переселенцев регистрировать. Когда ни придешь к ним, хоть ночью — все у дверей толпа народу. Я для своего пятнадцатилетнего парня второй год паспорт не могу выправить, так и ездит всюду лоб здоровый со свидетельством о рождении. В общем, понаехали. И обсели церкви, обступили площади, вокзалы, подземные переходы, освоили рынки и базары и всюду побираются, от мала до велика. И когда я устал кормить эту ораву и без конца снабжать их нужды церковными деньгами, то решил: пусть-ка они сами себя прокормят. И задумал построить тепличку, чтоб и кормить, и места рабочие создать хоть для некоторых из тех горемык, которых житейское море ежедневно толпами прибывает к нашему всехнему порогу. И вот тут-то выяснилось, что земли нет. Городские земли давно поделены, это понятно. Но и пригороды все распроданы "ими же веси судьбами", всеми правдами и неправдами, под шумок депутатских баталий. И найти клочок подходящей земли с инфраструктурой под теплицу оказалось для меня задачей неразрешимой: желавшие дать не имели прав, а имевшие не хотели или, наоборот, хотели, но слишком много.

Так провисла моя идея. Вроде земли наши — давно пустырь, ан хозяева-то есть. И то, что затеяно сегодня под "этим" названием, в действительности имеет название другое: передел собственности на недвижимую. К чему приведет этот передел? Я думаю, все к тому же: новый анонимный собственник займет место прежнего, и только.

Однако, говоря о возвращении церкви, а именно РПЦ, "ее собственности", и в частности земельных угодий, надо, я полагаю, предварительно кое-что прояснить. Так сказать, договориться о понятиях. Итак. Во все века, будучи единым организмом, церковь постепенно все более превращалась в организацию по мере развития юридической стороны в отношениях между отдельными своими "субъектами": епархиями, монастырями и приходами. Вопрос все тот же: насколько правым, правомерным был путь, по которому пошло развитие внутрицерковных отношений? Выбор — любовь Христова или любовь к порядку — людьми, как правило, делается в пользу порядка, так проще. Но став постепенно юридически и дисциплинарно единой, церковь — осознанно или нет — избегала единства экономического. Что, будучи парадоксом, именно помогало ей, уже окоснев до организации, все-таки оставаться живым организмом — телом Христа, — так как возможность корысти в отношениях между начальствующими и подчиненными все-таки не могла стать до конца самодовлеющей.

Поэтому, говоря о "собственности церкви", говорим о несуществующем. У церкви никогда не было единой, общей собственности, да и не могло быть, ибо церковь — это сам Христос, нищий проповедник, с которого нечего было взять. Общецерковная собственность — это миф, выдуманный бесноватым Лениным ради заключения церкви в красное колесо большевистского террора. На самом деле церковная "собственность" всегда была достоянием народа. Причем не "вообще народа", а именно общей собственностью людей, составлявших конкретную приходскую или монастырскую (что в принципе одно и то же) общину. Разница заключалась лишь в том, что собственностью приходской общины являлись предметы, ни к чему, кроме богослужения и церковного употребления, негодные, как-то: церковные здания, утварь, богослужебные сосуды, а также свечи с подсвечниками, разные тряпки и, конечно, колокола. Отнимая церковные "ценности", коммунисты, святотатствуя (т.е. воруя у Бога), на самом деле грабили свой народ. И, в частности, тех живых и мертвых, кто, совершив свой вклад в церковную ризницу, знал и надеялся, что дорогая вещь, участвуя в богослужении и своей красотой радуя присутствующих, навеки утвердит память его среди живущих. Не то в монастырях: там люди жили, и им, живущим, человеческое было так же не чуждо, как и Божье. Потому и владели монастыри землями, угодьями и прочим: движимостью и недвижимостью. И вот здесь-то и начинаются те "две большие разницы", о которых, говорят, так любят поминать в Одессе.

Не знаю точно, когда церковь выдвинулась в крупные латифундеры — собственники земли. Думаю, процесс этот происходил постепенно, по мере учреждения монастырей либо на общинных землях, либо за счет княжеских угодий и, позже, царских даров. По-видимому, именно второй способ приобретения земель оказал церкви "медвежью услугу", т.к. уже в XV веке вовсю шла горячая, борительная дискуссия между двумя "партиями", разделившими монашество условно на "подвижников" и "державников". И, как водится на Руси, дело доходило иной раз, может, даже до битв "за веру".

Суть же конфликта, экономическая, так сказать, подоплека, и сегодня остается все той же. "Подвижникам" земля нужна была для жизни на ней и прокормления от трудов своих рук. И именно на таких землях были явлены как подлинные чудеса Божьи, так и дивные плоды человеческого гения. Кто побывал на Соловках, Валааме, в Печерах псковских, киевских или хотя бы в Сергиевом Посаде, тот знает, о чем речь. До наших дней дошли легенды о выращенных соловецкими монахами дынях, арбузах и винограде — за Полярным кругом, без теплиц, электричества и современных технических ухищрений — разве это не чудо, пусть и рукотворное? В то же время "державники", каким предстает, например, Иосиф Волоцкий, получив земли в дар "вместе с крепостными", старались путем умножения собственности укрепить свои позиции "государства в государстве" с тем, чтобы иметь возможность влиять на власть. При этом нужно учесть их время: татары, смута, княжеская междоусобица. Каждый хотел, как лучше.

Современник Иосифа, православный подвижник Нил Сорский, обличая, указывал на прямое несоответствие монашеских обетов целям приобретения власти и богатства. Вот тогда-то в ответ и прозвучала идея Великой Руси как Православной Державы, во имя национальных

интересов которой можно, в том числе, и "погубить душу свою". Так произошла подмена ценностей в русском христианском самосознании. С того времени, и до сих пор задачей христианства на Руси стало не личное достижение каждым из живущих Царствия Небесного как жизненного исхода, но построение общего для всех православного царства. "Царства Божия на земле" (как выразился один из ныне здравствующих архиереев о сегодняшних "задачах" церкви), для достижения которого "все средства хороши" и можно пожертвовать в том числе самой сутью личного христианского подвига. Тогда-то и началось до сих пор продолжающееся строительство "светлого будущего", а дело личного спасения, как миссии церкви было до этого "будущего" отложено, возможно, навсегда.

Нынче, при теперешней власти, сбылась, наконец, вековая мечта "собираателей русских (в д. с. — церковных) земель". Церковь стала единым "лицом". Юридическим. И за этим лицом укрылся тот самый "анонимный собственник" всего имущества, принадлежащего "лицу", в том числе и церковных земель. Обнаружить, кто же этот аноним, не составит труда, если знать, где искать. Современная редакция устава РПЦ любому прочитавшему это поистине иезуитское творение укажет на высшее церковное начальство, как единоличных распорядителей всей полнотой прав на собственность. Что бы ни случилось в монастырях, на приходах, в церковных общинах, братствах и даже в епархиях, с правом на собственность при любых коллизиях происходит "возгонка вверх". Как во времена Уленшпигеля, когда всегда и за всех наследство получал король.

Поэтому лично я как христианин и приходской священник, живущий среди народа, ни "за" "реституцию", ни "против", ибо сама эта идея так же бессмысленна, как никогда не существовала "общецерковная" собственность. Возвращать или давать землю можно и нужно тем, кто придет на нее для того, чтобы жить, работать и умереть на ней. А называть это можно "реституцией", или... "хоть горшком...". "ЗЕМЛЮ ХРИСТЬЯНАМ" — никогда?

Возьмем другой пример, из области, так сказать, "права" (тот прав, у кого больше прав?). Довелось мне недавно побывать на заседании епархиального суда, да еще и в качестве ответчика: редкостная удача любопытного опыта весьма специфического свойства. Судить меня задумал его высокопреосвященство (как тут не вспомнить кардинала Ришелье из "Трех мушкетеров") архиепископ, мой церковный начальник: не понравились ему мои брошюрки, в которых я доходчиво рассказываю про Евангелие на понятном для всех языке, привычном для обычных людей, для "мирян". Как же, мол, так, "имеет смель свое суждение иметь", не согласовав на всех уровнях каждое слово, которое должно сначала подтвердить чередой выстроенных в затылок цитат из "святых отцов".

Мне вообще это скучнейшее бесконечное цитирование и ссылки цитат на другие цитаты напоминают две вещи. Во-первых, как сейчас вижу: тысячи, на сколько хватает глаз, китайцев времен "культурной революции", одетых в одинаковые синие робы и синие холщовые, лопухом, кепки, с оловянными от истерического восторга глазами потрясают в "едином порыве" поднятыми над головой одинаковыми красными книжками – цитатниками Великого Кормчего, Мао Цзе Дуна.

Во-вторых, почему-то, крепостного портного Прошку из "Недоросли" Фонвизина, который в ответ на докучливые попреки г-жи Скотининой: дескать, что ж, что неученый? – один, мол, учился у другого, другой у третьего, а "первоет-то портной у кого учился?", отвечает, нисколько не смутясь: "да первоет-то портной, может, и шил-то хуже моего". Думается мне иной раз, что наши Святые Отцы, небось, в гробу извертелись все, глядячи на то, как, превратив их писания в Идола, ученые монахи и епископы подбирают одну к одной цитаты и правила, чтобы утвердить по всякому случаю свою власть и право, и заодно учинить "суд и расправу" над неудобными от имени "культы личности" тех, кто, может, при жизни-то и не помышлял ни о своей святости, ни, тем более о "святости" писанного ими спроста, для своих, как говорится, для внутреннего употребления.

При этом в наших обильно издаваемых широким ассортиментом "цитатниках" бросается в глаза не только отсутствие мысли, но страх перед самой возможностью мышления, как неограниченного процесса, способного вывести за пределы русла, проложенного теми, кто теперь считается Святыми Отцами за то, что в свое время сами они тоже совершили революцию Мысли и достигли триумфа человеческого разума в области божественного. Боязнь думать самостоятельно, догматизм в ругательном смысле и зашоренность – в науке, например, являются грозными признаками вырождения и застоя, свидетельствуют о тупике, упершись в который, научная мысль гаснет, как исчезает остановленный в своем движении свет.

Если признать, что Евангелие действительно является Священным Писанием, то есть Божественным Откровением, то придется согласиться с тем, что познание Его бесконечно, как бесконечно познание Самого Бога. Остановка богословской мысли свидетельствует именно о тупике, в котором на целые века застряла церковная жизнь, давно утратившая всякую связь с реальным миром, миром людей. А страх перед познанием, ксенофобские церковные расправы "с еретиками", и тем более применение карательных мер к "врагам", "предателям" или "конкурентам" все более выглядят, как проявление личной и корпоративной не порядочности тех, кто в Церковь пришел "не ради Иисуса, а ради хлеба куса", для того лишь, чтобы "примкнуть и наестся", и кому, повидимому, "Слава Богу, есть чего терять" в плане вполне земном.

Нынче, к примеру, опять заспорили Патриарх с Папой – чья вера лучше. Боюсь, однако, что спор не о Вере, а о политике, всегдашняя цель которой – власть и деньги. Хотели уже было помириться-договориться, да вспомнили старую распрю из-за спорных приходов в Западной Украине. Может ли вообще быть церковная политика, если Церковь – Царство Христово "не от мира сего"? Могут ли в этом неправом споре быть правые?

В начале 88 года, в разгар горбачевской перестройки, власть приняла решение совместно с Церковью всенародно отпраздновать Тысячелетие Крещения Руси. Патриарх был вызван в Кремль на прием к Горбачеву, где ему была объявлена "Высочайшая Воля": отныне объявлялось об отмене государственного и партийного недоверия к Церкви.

"Не удивляйся, когда затрещит тонкий лед", - вертелись у меня в голове слова привязавшейся модной песенки, когда спустя неделю я переходил городскую площадь от храма к райкому партии: священников позвали обсуждать совместные праздничные мероприятия. Однако в самих торжествах поучаствовать мне так и не пришлось: как-то поутру, по дороге на службу, оступившись спросонья в предрассветной мгле, я серьезно повредил ногу. В день открытия юбилейного Архиерейского Собора Патриарх торжественно въезжал на подаренном Горбачевым правительственным "ЗИЛе", метко прозванном в народе "членовоз" (на таких ездили только члены Политбюро) в ворота Данилова монастыря. А я в это время, под громоколов, встречавших Его Святейшество, ковылял на костылях по соседней улице, готовясь вступить под своды 4-ой Градской больницы.

Пока я лечил ногу, в страну ворвалась весна. На десятилетия сковавший жизнь ледяной панцирь "единственно верного учения" вдруг треснул и пошел с грохотом ломаться, и казалось, живая вода веры, вырвавшись из-под спуда, вот-вот зальет и переполнит обмелевшее церковное русло. Тогда верилось: дай только волю – и народ побежит в храмы, будет массовое возвращение людей в Церковь, к Вере, к Богу. Сегодня можно уверенно сказать, что мечта эта не сбылась.

При коммунистах не одна РПЦ подвергалась гонениям. ГБ пасло и сажало: богему, писателей и поэтов, евреев, сектантов – да и католиков заодно с православными, и даже в один лагерь – одним словом, всех. Старец о.Таврион служил и причащался вместе с изредка гостившим у него ксендзом, с которым они годы провели в заключении. "Наши земные перегородки до Неба не доходят", - говаривал он сомневающимся. Когда он умер, на похороны явились монахи, посланные Архиереем, терпевшим "чуждачества" старца при его жизни. И надо было видеть, с каким остервенением православные "воины Христовы" вытаскивали из Алтаря,

били и топтали сапогами подаренные другом католические безделушки: гипсовые статуэтки святых и фарфоровые цветы – оставшиеся после покойного, дух которого еще не успел простыть.

Неправда, что коммунизм, позаимствовав у христианства гуманистическую риторику, сам ничего не внес в Церковь в идейном плане. Принцип целесообразности, на заре Советской власти воспринятый тогдашним главой РПЦ митрополитом Сергием Старгородским, с которым большевикам удалось-таки договориться, теперь положен в основу церковной жизни: для достижения цели все средства хороши. Однако не нами сказано, что средства – и есть цель в своем движении. Так что смотри на средства – увидишь истинные, а не декларируемые цели.

Примерно в 44-ом – вот не стану уточнять историческую справку, как я – так и люди это помнят, в освобожденном от фашистов Львове власти громили кафедральный католический Собор. Сбылись вековые чаяния православных: католическая уния на Украине упразднена – властью госбезопасности, за сотрудничество с фашистами.

А в 88-ом это сотрудничество с фашистами опять всплыло: припомнил его католикам печально известный "борец за Православие", нынешний расстрига и раскольник, разжалованный монах, а в то время Патриарший экзарх на Украине (слова-то все какие важные) митрополит Филарет Денисенко. Вздумалось украинским католикам после Торжеств 88 года, что и им теперь тоже полагается свобода их веры. Государство, не готовое к диалогу с обилием вер, предпочло переадресовать их за разрешением РПЦ, к Филарету – или, уж не знаю, как его теперь – к Косте Денисенко. Вот тут-то он им и объяснил, что таким, как они, бывшим фашистам, в свободной стране места нет – ишь чего вздумали, приходы им подавай! И потом вся страна следила по телевизору, как эти несчастные целый год, а то и два, на коленях – буквально – стояли в Чистом переулке у ворот Патриархии. Ну, Патриарх их так и не принял – видно, занят был, свободу отстаивал. А Костину статью в "Лит. Газете" опубликовали, чтоб народ знал: те, что стоят к Патриарху через пятьдесят лет после изгнания фашистов, замарали себя сотрудничеством с немцами, и нет им прощения. А теперь все они: и Костя Денисенко, возглавивший самостоятельную Украинскую Православную Церковь, и католики с униатами – в другой стране уживаются, и всем место нашлось. Только РПЦ на Западной Украине нет места, наши приходы в "незалежной Украине" католики взяли у православных силой, повыгнав их на улицу – куда теперь нашим верующим податься, в Чистый переулок, что ли? А "не рой другому яму...". Зачем после войны из рук ЧК те приходы униатские принимать обрадовались? Отказаться было страшно, а согласиться – выгодно. Старая матросская мудрость гласит: "Не выгадывай – прогадаешь".

Обидно верующим, когда их гонят другие верующие – а неверующим при этом каково, о них кто-нибудь из враждующих друг с другом христиан подумал? Как же смогут они прославить Отца Небесного, видя злые дела наши? Или Христос для нас не пример, Евангелие не про нас писано? Любой нынче знает про Сергия Радонежского – как же, монах, чудотворец! Но когда его родной брат из монастыря выгнал, тот "за веру" сражений не устраивал, а просто вышел потихоньку из ворот да и побрел прочь, куда ноги несут. Ему, может, тоже было что терять. Зато, поглядевши на такого, даже и через века, любой скажет: "Ну, если этот верует, то Бог есть!".

Однако вернемся к свалившейся на Церковь свободе – на что был потрачен ее ресурс за прошедшие с тех пор четырнадцать лет? Приходится с горечью признать, что все эти годы РПЦ свидетельствовала не о Христе, а о своей приверженности целям вполне земным: присягнув на верность государству, и придумав, чем ему пригодиться - с его помощью устроиться покрепче. Разделить власть и богатство, добытые у народа, чтобы "у нас все было, а нам за это ничего не было". Плод такой проповеди налицо: люди пошли не в церковь, а на рынки, хлынули в секты, нецерковные религиозные организации. В Церковь люди не пошли и не пришли, т.к. невозможно верить тем, кто в ней служит: они своей жизнью не убеждают, что Бог действительно есть.

Какую цель преследовали скандальные коммерческие проекты, опозорившие Церковь в глазах народа сверху донизу, до мест, где газет не читают, потому что буквы не выучили, а на телевизор электричества нет? Даже в последней глухомани у всех на слуху торговля нефтью,

водкой и табаком, а на виду – богатство немереное и смычка с властью, за спиной которой топчутся церковные князья. А спрос народа – с приходского попа, который живет на милостыню, что бабки принесут. От этой корки хлеба заплесневелой он еще десятину должен на нужды Церкви Архиерею отослать: наверное, чтоб тот с голоду не помер. Ответственно говорю, и свидетельством тому моя двадцатилетняя служба на приходе в провинции, среди народа, который меня признал за своего и уважает: ни одна копейка табачных денег на приходы не попала, и развитию церковной жизни, как таковой, не способствовала – и Слава Богу! Еще с советских времен у нас в Церкви повелось, что хлебешком, может, и вместе, а табачком – точно врозь.

Как жили при коммунизме в стране вполне языческой, так и теперь живем: ничего не изменилось. И неважно, кто придет к нам, с какой верой: примут любого, кто своей жизнью станет свидетельствовать о ней.

Бессмысленно и смешно на наших необозримых просторах никому не нужной и пустой земли рассуждать о земельном кадастре, ценах на земельные угодья, или насмерть вставить "за" или "против" продажи земли: на самом деле никому та земля не нужна по существу, для того чтобы жить, работать, и умереть на ней. Все это лишь политика: искусство сокрытия настоящих, неблагоприятных целей. Такой же политикой является борьба "за веру". Столь же смехотворно нелепо выглядит в нашем одичавшем в пустыне коммунизма обществе, посреди погрязшего в языческом невежестве народа, которому нужно проповедовать христианство заново, как - в свое время – чукчам и алеутам, попытка призвать на помощь силу государства для того, чтобы приватизировать право на утверждение "единственно верного учения" - опять?

Что толку из охраняемых резиденций центральных городов требовать от властей защиты своих прав на монополию веры. Хочешь убедить людей – надень хитон, сандалии, иди по городам и весям и раздели с народом жизнь и судьбу. Четыре неполных года ходил по Палестине нищий Проповедник – и на два тысячелетия просияла Церковь Его, как молния, от Востока до Запада. За прошедшие четырнадцать лет церковной свободы Церковь ничего не сделала ни для Бога, ни для народа, позабыв в суете свидетельствовать о Христе. Так что ворота для расхитителей нашего стада: сектантов, язычников и даже сатанистов – мы распахнули настежь сами, навстречу троянскому коню "гуманитарной" дармовщины и смычки с властью. Нечего теперь на зеркало пенять, коли рожа крива – это народ сказал.

Так вот, надо мною, как я уже говорил, был учинен епархиальный суд за "самовольное" издание брошюрок с проповедями. Вообще, церковный суд – это комедия по определению. В "Уставе РПЦ-2000", последней из четырех редакций ушедшего века (1917, 1964, 1998, 2000), в разделе, посвященном устройству церковного суда, о его решениях сказано, буквально, следующее: "Постановления епархиального суда подлежат исполнению после их утверждения епархиальным архиереем. В случае несогласия епархиального архиерея с решением епархиального суда он (архиерей) действует по своему усмотрению. Его решение входит в силу немедленно" - ну чем не цирк, однако? Если кто не понял, объясню.

Допустим, кто-то из подчиненных проштрафился – и начальник науськивает на виноватого свой карманный суд, состоящий из тех же всецело от него зависящих его же подчиненных. Ясно, что решения такому суду просто диктуются и записываются под копирку заранее. То есть, наперед уже все решено, а суд лишь придает решению, как теперь говорят, "легитимность". Однако, если все ж-таки, вопреки предопределению, решение, записанное судом, начальника почему-то не устроит – ну, передумал, к примеру, пока суд да дело –то он его заменяет на собственное, которое и "приводится в исполнение немедленно". Как в том анекдоте: "а потом пришел лесник, и всех разогнал". Прямо-таки, крепостное право какое-то: барин сам виновного уличает, сам суд вершит, сам приговаривает, "сам казнит – сам милует".

Понятно, что участники этой печальной комедии – люди подневольные. Однако частенько бывает так, что ретивые из них, которых специально таких, сколько найдется, отбирается

большинство все тем же "господином начальником", стараются угодить и услужить "не за страх, а за совесть" - и тогда начинается форменная травля неугодного, столь памятная здешним нашим жителям, бывшим гражданам Страны Советов по недоброй памяти прошедшим годам, когда все были на десятилетия втянуты в этулюбимую забаву власти буквально поголовно.

Не стану утомлять читателя пересказом ничтожных передраг и пересудов кое-как закончившегося позорного "судища" над моими вполне невинными брошюрками. Скажу только, что наутро после заседания этого самого попугайского "суда" я проснулся с четким ощущением, что накануне побывал на кладбище в компании оживших покойников – такой вот ужасик – и в голове у меня буквально звучали слова Христа: "Иди за мною, и оставь мертвым погребать своих мертвецов". А вот расскажу-ка я вам протакой же "церковный" суд над упоминавшимся уже священником Павлом Адельгеймом, исповедником, отсидевшим при советах за веру, и потерявшим в заключении ногу, которую ему отбило деревом на лесоповале – так и ходит с тех пор на "березовой" ноге.

Нынче в РПЦ разворачивается типичный для нее скандалчик для "внутреннего пользования" – шельмуют псковского священника Павла Адельгейма (из немцев), посмеявшего написать полемическую книжку (тираж 1000 экз.), касающуюся болезненных проблем оскудения христианства в современной церковной жизни, теоретическую часть которой проиллюстрировал на "примерах из жизни" - своей и других псковских священников, а также начальствующего над ними епископа, преосвященного Евсевия.

Пять лет прошло с тех пор, как замечательный, и всемирно известный русский иконописец архимандрит Зиновий Теодор был запрещен в священнослужении, изгнан из клира Псковской епархии и выслан из Мирожского монастыря. Как древнерусская иконопись, из тысяч замечательных мастеров которой лишь немногие имена среди моря забытых помнят сугубые специалисты, прославлена в Андрее Рублеве и Дионисие, так возрождение иконописного мастерства бесспорно является признанной во всем мире выдающейся заслугой именно Зиновия. Вина которого, и осужденных вместе с ним монахов Иоанна и Павла, состоит лишь в том, что они приняли Причастие на службе, совершенной в монастыре их гостем, католическим священником итальянцем Романо Скальфи. Причем потом оказалось, что один из двух его товарищей по несчастью пострадал случайно, так сказать, по ошибке: архиерей, не разобравшись, но пользуясь слухами, наказал его за то, чего он не делал, и делать не мог, так как в этот день его не было в монастыре. Всем это сегодня известно, включая, разумеется, самого архиерея, но "ошибку" никто не собирается не только исправлять, но и признать не собрались за пять лет – где уж тут говорить о том, чтобы хотя бы извиниться перед невинно пострадавшим. Все это мне напоминает, как мы учили младшего сынишку просить прощения. После долгих уговоров подвели к матери, и он говорит ей, эдак, подбоченившись: "Ну ладно, так и быть, я тебя прощаю" – то-то было в доме смеху. Кстати, по всем церковным канонам, любой христианин первое, что должен делать в любой конфликтной ситуации, независимо от правоты, – просить прощения. Про это во всех, в первую очередь, монашеских книгах написано. Это "аз", которому сразу научают вошедшего в Церковь, что называется, "про всех писанный". Но только не про наших Владык – как же это ОН, Князь Церкви, чье мнение "святое папы римского", вдруг окажется неправ, да еще станет себя ронять извинениями перед каким-то грязнулей. И оказывается, можно вот так "по-христиански" взять, и переступить через человеческую жизнь, растоптав ее ради сохранения гордого "лица".

В мутных межцерковных отношениях католиков и православных не разобрались за тысячу лет целые поколения ученых богословов, но никто никогда не посмел усомниться в подлинности обеих ветвей Церкви, в действительности Таинств. Поэтому совместное причастие, которое то запрещается, то разрешается (последний раз в 1969), то вновь "откладывается" (по решению 1986г.), безусловно, не может считаться преступлением, достойным столь строгих мер. Тем более, что как только самим Иерархам Церкви, как не раз бывало за последние десятилетия, вдруг приспичит по причине политической целесообразности в очередной раз побрататься с католиками, все они прекрасно служат и причащаются друг с другом. Делал это, в свое время, и

псковский епископ, принимавший католическую церковную делегацию в Псково-Печерском монастыре. Обвинение в "измене Православию" на основании "сослужения с еретиками" в разное время публично предъявлялись и нынешнему патриарху Алексею, и митрополиту Кириллу, и многим епископам и священникам, участвовавшим в официальных совместных богослужениях с католиками (и не только), но их не то, что рассматривать, а даже и слушать не стали: "Мели, Емеля...".

Из всех псковских священников нашелся один, который решился на протест против начальственной расправы: за неимением иной возможности действительно воспротивиться несправедливости, священник Владимир Андреев подал "прошение" о своем увольнении от службы "за штат". По-мирскому: уволился с работы "по собственному желанию", в знак протеста – в обычной жизни такое тоже бывает, и довольно часто. В церкви – уникальная, диковинная редкость. И вот что он получил вдогонку от начальства, так сказать, "в спину": "Вы, согласно поданного Вами прошения, увольняетесь за штат, с **запрещением в священнослужении, в связи с Вашим публичным порицанием в адрес Правящего епископа**" – не ты от меня ушел, а я тебя, гада, вон вышвырнул с "волчьим билетом", чтобы неповадно было "владыку" холопам критиковать. "В связи с публичным порицанием" - надо же, какие нежности – обиделся за то, что ему поп осмелился перечить. И велика публичность, прописанная в заявлении об увольнении. Вот теперь будет ему публичность на всю страну, обещаю.

После этого всего, и еще многого, престарелый священник с 45-летним стажем служения Павел Адельгейм, отсидевший при советах за веру тюремный срок, написал свою книжку. Однако никто с ним в публичную дискуссию вступать не стал, но решили обойтись "домашними" средствами. Все подобные "мероприятия" имеют одну общую тоталитарную черту, вытекающую, как прямое следствие накопленной за прошедшие столетия церковной беды, постепенно разложившей церковный организм до состояния тоталитарной "священносановной" секты, стремящейся окончательно замкнуться в себе с тем, чтобы иметь неоспоримую и беспредельную дисциплинарную власть над своими "адептами". Черта эта состоит в неистовом (и небезуспешном) желании церковного начальства заткнуть рты всем чем-либо недовольным, объявить их в том числе сумасшедшими (напоминает, не правда ли?) и по возможности скрыть неприятную правду от общества, как правило, путем "заговора молчания", организуемого в скандальных случаях всей мощью средств, имеющихся в распоряжении у объединенной начальственnocерковной корпорации. А средства здесь имеются немалые, если вспомнить трогательную "номенклатурную" дружбу церковной "верхушки" с руководством страны и партии в советские времена, и выслугу лет многих наших теперешних епископов в КГБ СССР.

Говорят, "кто старое помянет, тому глаз вон", однако в то же время "новое – это хорошо забытое старое", и методы КГБ, нынче основательно подзабытые обществом, продолжают с успехом применяться в усвоившей их от "старших по званию" "церковно-номенклатурной" среде против своих "инакомыслящих". Притом общественность не считает возможным вмешиваться во "внутрицерковные" разборки, видимо, повыдвигаемой клерикалами на первый план причине их "отделенности от государства", которой ловко научились манипулировать в свою пользу церковные начальники. Позвольте, речь ведь все-таки идет не о полной изоляции "за стенкой" или пребывании Церкви вне государства, общества и границ страны, где-нибудь, например, на Луне. Все-таки верующие являются гражданами страны, для которой их жизнь и судьба (зачастую, прямо зависящая от произвола, безоглядно творимого церковными начальниками) обязаны быть безразличны. Ведь находит же общество средства и силы (пусть отнюдь недостаточные, а порою и просто жалкие) оглашать болезненные проблемы других закрытых, "замкнутых" систем (армия, тюрьма, коррупция в госаппарате и правительстве) и хоть как-то вступаться за "униженных и оскорбленных", пусть и без особого покаяния?

Ну вот, и вернемся к церковным документам. Привожу особо любопытные выписки из "Протола Епархиального Совета", на закрытом заседании которого тридцать священнослужителей под руководством епископа анонимно и в отсутствие неприглашенного о. Павла судили книгу, а более – ее автора.

"...Написание этой книги - величайшее хамство..."

"Книга эта - пасквиль на народ православный, Русскую Православную Церковь..."

"...Книга говорит о душевном нездоровии иерея Павла. Иерей Павел церковный диссидент..."

"...Книга иерея Павла "Догмат о Церкви" - кощунственна. В ней - клевета на правящего епископа... Ставлю вопрос об отстранении протоиерея Павла от служения..."

"...Книга вышеназванного автора с первых страниц свидетельствует о его духовном кризисе. Сразу бросается в глаза отсутствие благословения священноначалия на издание труда..."

"...Книга священника Павла Адельгейма "Догмат о Церкви в канонах и практике" является вредной для всех времен и народов..."

"...Прежде всего я хотел бы обратить внимание на то страшное состояние, в которое впал о. Павел, потеряв любовь и почтение к правящему священноначальнику..."

"Тяжелая книга, она направлена на подрыв авторитета Церкви...Возможно, что она является своеобразной платой за финансовую поддержку от западных общин..."

"...Десять лет служения под омофором Владыки Евсевия дают мне повод сказать, что он - страж и ограда нашей Церкви..."

"...Книга - антицерковная! Боюсь, что отец Павел делает это умышленно, как враг Церкви..."

"...Ни для кого не секрет, что отец Павел выставлял свою кандидатуру **на выборах в органы законодательной власти. Видимо, ему очень хотелось приобщиться к антицерковной деятельности** (выделено мной - автор) таких личностей, как Глеб Якунин. Отец Павел очень благосклонно относится к католикам, протестантам, получает от них материальную помощь, которая неизвестно как расходуется, а деньги шлют немалые. Например, только одна зарубежная организация перечислила ему, как разовую помощь, 1200 немецких марок..."

"...Выливая столько ненависти и желчи на все Православие, автор книги "Догмат о Церкви" по сути отрекается от него, ставит себя вне Церкви, вне ее иерархии..."

"...Как можно издеваться над своим архиереем?..."

"...Почтенный протоиерей не только льет грязь на правящего архиерея, но и оскорбляет своих собратьев-священников, в том числе и членов Епархиального Совета, называя их "попугаями", "любовниками". Это неправда, что духовенство не смеет высказывать свое мнение перед епископом. Владыка всегда внимательно прислушивается к мнению священнослужителей..."

"...Новый Арий явился! Братия, в нашем стаде появились волки. После этой книги не считаю протоиерея Павла христианином..."

"...Книга протоиерея Павла говорит о том, что он не любит святую Мать-Церковь: кто на мать свою выливает помой?..."

"...Судя по книге, протоиерей Павел - человек духовно больной. Но ведь эта болезнь заразительная. Поэтому нельзя дать ей распространиться..."

"...Я глубоко возмущён книгой отца Павла. Он поступает, как предатель. Он идёт против Владыки...а значит и всей нашей Церкви. Горе ему!..."

"...Мы крайне обеспокоены той клеветой, той сатанинской провокацией, с которой выступил о. Павел Адельгейм. Мы обращаемся к Вашему Святейшеству с нашей душевной просьбой предать о. Павла Адельгейма церковному прещению за его клевету, гнусную провокацию против нашего Владыки, да и против всего Епископата нашей Русской Церкви, а его книгу считать как душевредную, подлежащей уничтожению..."

Не знаю, как вам, а мне они еще по советским временам мучительно напоминают отточенный сталинский стиль протоколов "выездных троек", известных по архивным делам реабилитированных – стилистика совершенно та же, и убийственность аргументации говорит сама за себя, являя "цели и задачи" "всенародного одобрения политики партии и единодушного осуждения происков ее врагов, которым – смерть!". А каковы разбирательства книги в отсутствие автора, и без предварительного ее прочтения самими судьями, кричащими при этом: "На костер их!""? Просто какие-то "идушие вместе", да и только – агрессии, как у молодых, а ведь все уже дедушки. Стыдно. Не знаю, как кому, а мне стыдно за таких "собратьев", которых, к слову сказать, и окрест меня таких же не перечесть. "Здесь – и по всему миру". Как говаривал, бывало, о таковых господин Бисмарк, молясь Богу: "Господи, избавь меня от "друзей", а от врагов я как-нибудь и сам избавлюсь". А также апостол Павел, который тогда еще написал сам про себя, что "много пострадал от лжебратии".

В последнее время что-то совсем завяли наши правозащитники, при том, что в стране попрежнему полно "униженных и оскорбленных" и помимо "бедных чеченцев", на которых в последнее время сосредоточилось, я бы даже сказал, замкнулось правозащитное движение. Придется, видать, нам самим осваивать мировой опыт по защите наших собственных прав в борьбе с нашими бытовыми угнетателями и врагами: местными чубайсами, которые взвинчивают цены на все, угнетателями, стремящимися недодать даже те африканские гроши, которые они смеют совать работникам в виде платы; продажными начальниками и взяточниками-чиновниками; с бандитами и преступниками всех мастей, а также за доллар продавшимися им милицией, прокуратурой и судами, в которых правду до конца света не сыщешь; армией которая ненасытно пожирает наших детушек – не перечислить бедствий, в пучину которых каждого из нас по отдельности ввергло бросившее нас на произвол судьбы государство, наша "родина"-мачеха, подобно родителям мальчика-с-пальчик заведшая своих голодных детей, чтобы не кормить их, в страшный лес на съедение диким зверям. И остается одно: как-то объединяться, чтобы, как говаривал Гамлет, "восстав, сломить их противоборством" – иначе вымерем, и на наше место придут жить китайцы.

То же прямо касается зажавшегося и окончательно охамевшего от собственной безнаказанности церковного начальства, совершенно во всем потерявшего меру после того, как не стало на них управы в виде советской власти – и пора обществу взять их "на контроль": откуда берут и куда девают бешеные деньги, наклеянные у власти богатеи от имени Народа Божия, который сами они ни в грош не ставят; как чинят суд и расправу над неугодными или хоть чем-то недовольными, которых сегодня, обездоленных и обиженных ими, полно обретается "по городам и весям"; как замазывают и заминают грязные истории, случившиеся по вине пакостников и развратников из их числа и среды, которых они с подозрительным упорством всячески отгораживают от суда общества и выгораживают перед судом власти; и проч., и проч.

Я предлагаю нашей общественности, верующим интеллигентам, именно мирянам, создать независимую общественную организацию под названием, например, "Гражданское содействие жертвам репрессивного произвола церковной власти", и определить ее задачей в первую очередь помощь (в том числе и материальную) тем, над кем учинили расправу церковные властители, чтобы людям хоть было куда на первых порах податься. При такой организации можно было бы учредить и независимый общественный экспертный суд, который был бы компетентен разобраться в церковных конфликтах, и предать свои нелицеприятные и не зависящие от

шкурных интересов начальства мнения общественной огласке – ни страна, ни Церковь от этого не развалятся, вопреки недобросовестным опасениям церковных функционеров. И нечего слушать шаманские завывания тех, кто желает утаивать правду ради "блага", "чтобы не было соблазна о Церкви" - более всего соблазняет именно замалчивание и ложь "во спасение" тех, кто этой правды, как огня, боится, потому что у них самих "рыло в пуху". Пора нам найти на них управу, и попробовать самим за уши "оттащить свинью от кормушки". За нас этого все равно никто: "ни Бог, ни царь и не герой" - не сделает, придется самим выживать, если хотим выжить. Такое вот мое предложение.

Да, не сбылась мечта Христа о Церкви – Царстве "не-от-мира-сего". Иуда-вор со своим ящиком для поборов так по-прежнему и тащится вослед Христу, и как только оказывается возможной хоть какая-то пожива – он тут как тут: раскидывает торговые палатки, расставляет лотки и начинает зазывать почтеннейшую публику "подывиться" на Нищего Проповедника и "Его чудеса" - "налетай, торопись...". И опять приходится Христу, оставив очередную организованную торговую точку, брести куда глаза глядят, и по-прежнему Сыну Человеческому "негде главы преклонить". Вослед ему хотят идти немногие, не утравившиеся христовой бесприютности – большинство застревает в обустроенных Иудой "селениях грешничих". Но стоит лишь Христу остановиться – и Иуда вновь тут как тут со своим ящиком. Поэтому жизнь христианина не может устроиться, "образоваться". Христос – Свет миру, свет не может остановиться, и наша жизнь с Ним – в движении, в следовании за Ним, "хождении по водам": "Идем за Синей Птицей мы длинной вереницей". Нельзя останавливаться, рискуя потерять Христа из виду. А мертвые думают, что они живы, и уверены в том, что они с Богом в такой хорошей, прекрасно организованной, украшенной и правильно узаконенной церкви, которую они строили в поте лица для себя на том месте, куда их когда-то, давным-давно, привел Христос, а Сам пошел дальше, пошел из такого прекрасного дивного места опять в пустыню. А они остались немного отдохнуть и насладиться оазисом, и давно потеряли Его из виду, он куда-то делся, пропал: "но Он не забыт, нет, и заповеди его для нас святы, и церковь в этом прекрасном месте мы строили, и построили такую красоту для Него, ради Него, во Имя Его. Его здесь нет, но это неважно. Он обязательно вернется. А если нет - ну и Бог с Ним, ведь мы уже построили Дом Богу, такой прекрасный, и теперь можем отдохнуть и упокоиться от трудов, мы заживем в нем сами, будем жить...". Помните, из трех сестер: "Станем жить. Мы отдохнем". А Христос, Который "есть Путь, и Истина, и Жизнь" пошел дальше, и потерявшие из виду Его Свет умерли, не догадываясь об этом, и продолжают считать себя живыми. Как у Грина, в "Бегущей по волнам": "Убейте меня, а я стану притворяться живым".

"Иди за Мною, и оставь мертвым погребать своих мертвецов". За Ним, читатель, ведь с Ним-то мы не умрем. Никогда.

Малая Церковь

Друг читатель, мы почти у цели: по окончании обозрения на всех предыдущих страницах несбывшегося в церковной жизни Замысла Христа о земном устройении Его Церкви нам осталось лишь, обозначив, проследить – где же сегодня (и всегда!) проходит граница Церкви Христа – для того, чтобы увидеть и узнать, кто из нас в Ее ограде, а кто – вне Ее? И сами-то мы где находимся – внутри или снаружи? Вопрос не праздный: от него зависит спасение наших душ.

Бесконечные богословские поиски ответа на этот вопрос, до сих пор бывшие столь неудачными, не увенчались никаким успехом за прошедшие целые тысячелетия, проведенные по большей части в схоластических бесплодных спорах "ни о чем". Мне лично это более всего напоминает анекдот про пьяного, который ищет уроненные в темноте деньги под фонарем, в круге тусклого желтого электрического света слабенькой, вполнакала, лампочки. Из подъехавшей милицейской машины патрульные интересуются, где именно он обронил бумажник. "Вон там", - неопределенный взмах в сторону окружающей кромешной тьмы. "А чего ж ты здесь ищешь?", - "Под фонарем светлее".

Не утрашимся же нависающей над всеми нами мрачной угрожающей тучей громады "бесплодных дел тьмы", за многие века понаделанных в церкви в том числе и ее "авторитетами" - "Свет Христов во тьме светит и тьма Его не объяла" для тех, кто желает и хочет честно, от всей души, быть со Христом, идти на Свет Его Истины.

Вести огляд предлагаю по-другому, чем повелось: изнутри, а не совне, как делалось всегда. По аналогии, из исследования вещественного мира известно, что можно описать, например, причудливые формы, которые принимает материя, и даже объяснить их, исходя из подмеченных закономерностей. Всем этим занимаются так называемые феноменологические, то есть, описательные, науки. Однако, для того, чтобы заранее предсказать, к примеру, форму и вид растущего кристалла, а тем более, избрать заранее нужную, которая должна будет получиться в результате целенаправленного процесса, необходимо нечто большее, чем описание внешних свойств формы. Здесь уже нужно знание о структуре, и составных частях, в данном случае, вещества: об атомах и молекулах – и об их свойствах и поведении в микромире, в котором они существуют невидимо для человеческого глаза.

Так же и тут: если хотим определиться с формой, свойственной церковной жизни, нужно начинать церковное строительство с "атомов и молекул" жизни по вере. Атом – мельчайшая неделимая частица, сохраняющая все присущие материи свойства. Молекула – соединение атомов в разнообразие химии веществ, по сути – "химический атом", отражающий химические свойства вещества в целом. Атомом церковной жизни является, несомненно, самоценность неповторимой человеческой личности, над личной свободой которой властен один лишь Бог, Который от этой власти уже добровольно отказался Властью, данной Сыну Божию назвать нас всех Своими братьями. Молекула? Ну конечно же, семья – семь "Я", собранных вместе любовью. Вот и естественная "церковная организация", и не нужно ничего придумывать, ничем заводитьсь новым: властью, порядком, имуществом – все это уже есть в семье. "Един Бог, едина Вера, едина Церковь". А дальше – умножение. Или чисто количественное – все больше и больше людей веруют во Христа, все больше семей, принимая христианство, образуют семейные Церкви. Или путем дружественного свободного общения и объединения верующих людей опять-таки на основе имеющихся семейных церковных общин (ничто ведь не мешает нам ходить друг к другу в гости на церковные праздники). Это и есть жизнь по вере, и столь всеми желанное церковное строительство "снизу". Никто и ничто не мешает, и не может помешать всем желающим приступить к нему немедленно, невзирая ни на чей властный окрик. Пуцай их надрываются: "Собака лает, ветер носит, а барин едет, да едет".

А что говорит Христос?

"Где двое или трое собраны ВО ИМЯ МОЕ, там и Я посреди них" - вот и Церковь, во всей присущей Ей догматической полноте, и это неопровержимо. Единство веры? Его определил Иоанн Богослов за четыре века до первых церковных соборов, и постановленных ими исповеданий веры: "всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста". (1Иоан.4:2,3). Вот и все, и довольно с нас.

А причастие? Что ж, и причастимся. С Богом. "И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша [есть] Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается"(Лук.22:19-21). Соберемся вместе любящие Христа и друг друга, помолимся Сыну Божию, и приняв по вере нашей от Христа Хлеб и Вино – причастимся, благодаря Бога. И будет у всех нас Жизнь в Боге и "часть" со Христом. Вот.

Как, прямо у себя дома? А как же церковь?

"Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога, и в Меня веруйте".

Кто хочет – пусть причастится дома, в кругу семьи и близких, помолясь все вместе Богу и во имя Христа вкусив по вере благословленные по совместной молитве Дары Христовой Жертвы. Другие пойдут в Церковь, коль скоро их не смущают церковные порядки, о которых Сам Христос сказал в Евангелии: "Что вам заповедано, исполняйте, а по делам их (то есть по их примеру) не поступайте". Однако, Бог есть на всяком месте, и "Дух дышит, где хочет": там, где в сердцах обитают Вера, Надежда, Любовь. Главное – что "Христос посреди нас – и Есть, и Будет!".

Получается, что все, для кого это так и есть, независимо от конфессиональных претензий церковного начальства – братья во Христе, и все они в одной Церкви, в Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви Самого Христа. Независимо от географии, и от корпоративной дележки клерикалов между собой ихних "канонических территорий", подозрительно напоминающей уголовный "передел". Мы-то, Слава Богу, не при крепостном праве живем, в которое обратно мечтали бы загнать всех отжившие свой век нынешние, да и прежние, церковные "начальники", которые пусть "мертвые остаются погребать своих мертвецов", а нас Христос зовет следовать за собою. За Ним, читатель! За Ним, навсегда!

Эпилог. Домой.

Ну что ж, друг читатель, вот и закончен наш совместный путь, который вместе со мной вослед Христу прошел ты с таким терпением, исполнив повеление Спасителя: "и кто принудит тебя идти с Ним одно поприще, иди с Ним два". Оглянись: не мал путь проделан. "Не выходи из кельи твоей, ибо не вернешься в нее таким, каким ты вышел из нее" - поучают монахов монахи. А дорогу – осилит идущий. За Христом. Куда же привел нас наш путь вослед Ему, куда привел Оннас?

В сказке про Синюю Птицу дети, придя в Сказочное Царство Счастья, вдруг обнаруживают, что они дома, что, следуя за Синей Птицей, они вернулись домой, к родителям.

Христос, собирая учеников, говорит им: "Оставь все, и следуй за мною", "Идите за мной, и я сделаю вас ловцами человеков". Петр и другие бросают лодку, сети и имущество, оставляют отца, друзей – и идут вослед Христу – куда? В дом Петров – вот куда пришел Иисус, и привел за собой последовавшего за ним Петра. Петр был постарше других учеников, и был женат. Иисус, придя к нему в дом, исцелил его тещу, лежавшую в горячке, и она "встав, служила им".

Оглянись, друг читатель, ты – дома. И – Слава Богу! Здесь Крест твой и Иго Христово, о котором Он Сам сказал: "Возьмите его на себя, ибо оно благо и легко". Как хорошо, что наше бремя – это дорогая наша семья, детки – и не нужно ничего придумывать особенного. Люби, будь добр, расти детей – и не бойся, но только веруй! "Сим победиши!". Теперь я оставляю тебя, друг, я за тебя спокоен – ты дома, и это – Отчий Дом, твой – наш – Вечный Дом. Господь смотрит на нас с небес – и улыбается. Прощай. Нет, до свидания, дорогой брат, до встречи "у Христа на елке". "Нет грусти в расставаньи, если встреча впереди".

2002-2003